

Проверка 1938 г.

Популяризация библиотечной
— во народному
образованию

№ 30705

491.71(075)

153

ПРЕДИСЛОВІЕ.

**В. Д.
ИСАЕНКОВЪ**

Подраздѣленіе азбуки: 1) Слова, заключающія всѣ буквы Азбуки слова, начинающіяся съ буквъ Азбуки и слова, начинающіяся съ произношенія буквъ Азбуки по слуховому способу. 2) Изображенія буквъ простыхъ и употребительныхъ очертаній съ употребительными названіями. 3) Двухсложныя, двухбуквенныя слова. 4) Слова двухсложныя, гдѣ одинъ слогъ составляетъ одна гласная. 5) Двухбуквенныя, двухсложныя словъ съ гласною е и ѣ. 6) Двухсложныя слова съ трехбуквенными слогами. 7) Слова, гдѣ второй слогъ состоитъ изъ одной гласной и изъ т. 8) гдѣ второй слогъ состоитъ изъ одной согласной изъ ь. 9) Слова гдѣ второй слогъ состоитъ изъ двухъ согласныхъ ь и ь. 10) Слова съ й на концѣ. 11) Слова въ три слога. 12) Слова, слогами въ три и болѣе согласныхъ. 13) Слова съ й въ серединѣ. 14) Слова съ ь передъ гласною. 15) Слова съ ь передъ гласною, 16) слова ь передъ согласною. 17) Удвоеніе согласныхъ, 18) удвоеніе гласныхъ. 19) Слова въ 4 и болѣе слоговъ. 20) Славянская азбука. 21) Цифры и 22) изображенія цифръ: Арабскихъ, Славянскихъ и Римскихъ.

Задача Азбуки состоитъ въ томъ, чтобы за наименьшую цѣну дать учащимся наибольшее количество понятнаго матеріала, расположеннаго въ такой правильной постепенности, отъ простаго и легкаго къ сложному, чтобы постепенность эта служила главнымъ средствомъ ученія чтенію и письму, по какому бы то ни было способу. Съ этою цѣлію сначала подобраны слова всѣ понятныя, всѣ произносятся такъ, какъ пишутся и всѣ расположены по удареніямъ для того, чтобы ученикъ узнавалъ значеніе каждаго прочитаннаго слова и могъ бы писать ихъ подъ диктовку; потомъ составлены соединенія въ самыхъ простыхъ словъ, потомъ болѣе сложныя слова и болѣе сложные соединенія изъ нихъ, переходящія въ басни, сказки и рассказы. Рассказы, басни и сказки составлены такъ, чтобы ученикъ могъ безъ руководящихъ вопросовъ разсказать прочитанное; и потому статьи эти могли бы быть употребляемы для упражненія учениковъ въ самостоятельномъ чтеніи и для диктовки.

Такъ какъ главная трудность въ сознательномъ чтеніи состоитъ въ длинѣ самыхъ словъ, то вся первая часть Азбуки составлена изъ словъ, не выходящихъ изъ двухъ слоговъ и шести буквъ. Во второй части употребляются слова, не выходящія изъ трехъ слоговъ, при этомъ въ г лъ за слогъ; и только въ послѣдней—третьей части поставлены слова четырехъ—и пятисложныя.

Съ цѣлію наибольшей доступности приложено большое стараніе того, чтобы на наименьшемъ количествѣ бумаги четкимъ шрифтомъ было помѣщено наибольшее количество понятнаго и хорошаго

50888

192088

КОНТРОЛЬ

материала для дѣтскаго чтенія; и потому исключено все несущественное: прописи, которыя можно имѣть теперь за 3 коп., тинки, составляющія роскошь, а не потребность Азбуки, и развлекающія вниманіе ученика и всякія умственные упражненія, ставленія учителю.

Что касается до способа обученія, то составитель старался дать эту Азбуку одинаково удобною для всѣхъ способовъ. Учащій звуковому способу, посредствомъ прикладыванія огласныхъ къ гласнымъ, найдутъ во главѣ отдѣловъ подобранныя для этой цѣли, одностолбчатые слога; учащій по звуковому способу прямо съ чтенія, на всякія согласныя звуки съ присоединеніемъ ъ, найдутъ въ 1-мъ, 3-мъ, 5-мъ столбцахъ 1-й стр. двухсложныя и четырехбуквенныя слова, которыхъ понемногу вводятся новыя звуки. Для тѣхъ и другихъ подобранъ длинный рядъ словъ 1-го отдѣла, составленный изъ самыхъ легкихъ, короткихъ и однообразныхъ словъ, по которымъ ученикъ твердо узнаетъ всѣ звуки, за исключеніемъ полугласныхъ ъ, ь и й. Для воспоминанія забытыхъ звуковъ подобраны слова, начинающіяся всѣми звуками и 14 словъ, заключающихъ всѣ буквы Азбуки. Для учащаго по слуховому способу подобраны слова, начинающіяся съ буквъ, которыя произносятся. Учащій по старинному, найдутъ во главѣ отдѣловъ одностолбчатые, сначала двухбуквенныя, потомъ трех- и четырехбуквенныя слова, которыя, вмѣстѣ съ первыми слогами словъ, могутъ быть употребляемы, какъ склады. Учащій по слуховому способу могутъ употреблять эти же одностолбчатые слова для упражненія въ складываніи и раскладываніи на слухъ. Тѣ, которые захотятъ учить своихъ дѣтей и какъ учатся самоучкою, по такъ называемому въ Англии и Америкѣ „способу словъ“ (word method), состоящему (въ томъ, чтобы по виду узнавать цѣлыя слова и потомъ уже разлагать ихъ на составныя части—буквы, тѣ найдутъ для этой цѣли рядъ легкихъ и короткихъ словъ. Вообще же эта Азбука составлена такъ, что по ней ученіе можетъ и должно начинаться прямо съ чтенія и отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ ней крѣпко упражненія для изученія звуковъ, кромѣ обильнаго матеріала для чтенія (въ чемъ чувствуется главный недостатокъ существующихъ руководствъ), находится длинный рядъ постепенныхъ упражненій въ трудностяхъ чтенія по величинѣ словъ и особенностямъ выговора.

Пусть учитель по какому бы то ни было способу пройдетъ эту Азбуку съ начала, употребляя для складыванія словъ и запоминанья буквъ какой бы то ни было приемъ, только чтобы приемъ былъ одинъ и тотъ же во все продолженіе ученія, и пройдя Азбуку, ученикъ будетъ умѣть читать и писать,—если, одновременно съ чтеніемъ, онъ былъ упражняемъ въ диктовкѣ.

*) Подробныя указанія о приемахъ слуховаго способа изложены въ концѣ азбуки.

1.7 [028] 53

Номерной Л. Н. Азбука и

Хр. 9. 1909

491.7 [028] 7-53

БИБЛИОТЕКА

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНСТИТУТЪ

А	Б	В	Г	Д	Е
Ъ	Ж	З	И	І	К
Л	М	Н	О	П	Р
С	Т	У	Ф	Х	Ц
Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь
Э	Ю	Я	Ё	Ө	Ѹ

^{бе} Аа А Азъ	^{ве} Бб бъ Буки	^{ге} Вв въ Вѣди	^{де} Гг гъ Глаголь	^е Дд дъ Добро	^{ье} Ее е Есть
^{же} Жж жъ Живѣте.	^{зе} Зз зъ Земля	^и Ии и Иже.	^и Іі и І	^{ке} Кк къ Како	^{ле} Лл лъ Люди
^{ме} Мм мъ Мыслете	^{не} Нн нъ Нашъ	^о Оо о Овъ	^{пе} Пп пъ Покой	^{ре} Рр ръ Ръпа	^{се} Сс съ Слово
^{те} Тт тъ Твердо	^у Уу у У	^{фе} Фф фъ Фертъ	^{хе} Хх хъ Хѣръ	^{це} Цц ць Ци	^{че} Чч чь Червь
^{ше} Шш шь Ша	^{ше} Щщ шь Ща	^{ерь} Ъъ Твердый знакъ Ерь	^ы Ыы ы Еры	^{ерь} Ьь Мягкий знакъ Ерь	^{ье} Ѣѣ ѣ Ять
^ю Ёе ѣ	^э Ээ оборотное з Э	^ю Юю ю Ю	^я Яя я Я	^{фе} Ѧѧ ѧ Ѧта	^и Ѩѩ ѩ Ижица.

Аа Бб Вв Гг Дд Ее Жж Зз Ии
Иі Кк Лл Мм Нн Оо Пп Рр Сс
Тт Уу Фф Хх Цц Чч
Ѣѣ Ѧѧ Ѩѩ

Слова, начинающіеся съ буквы Азбуки.

Аня Баня Ваня Гаша Даша Ели Жижа
Заря Имя Катя Люди Миша Няня Оля
Паша Руки Сани Тѣтя Уши Ходы Цари
Чѣки Шуба Щука Ъда Эти Юла Яма Ѧеда.

Слова, заключающія всѣ звуки.

Бусы Возы Гуща Пыжи Люди Маша
Феня Цари Косы Хочу Эти Ъда.

Слова, начинающіеся съ буквы, какъ онѣ произносятся.

Арбузь. Бѣлка. Ведро. Герасимъ. Дерево. Ели. Ъзлокъ. Жере-
бенокъ. Зерно. Иголка. Исусъ. Кедровые-орѣхи. Лебедь. Мед-
вѣдь. Неволь. Обручъ. Перо. Рѣпа. Селедка. Телѣга. Утка.
Фертъ. Хѣръ. Церковь. Червякъ. Шерсть. Щенокъ. Эта.
Юла. Яблоня. Ѧеда.

Ба Ма Па Но До Ну Бу Ту Ты Мы
Ти Ни Мя Щи Тя Ся Тю Ню Лю

Туча.	Дура.	Сани.	Сажа.	Тёща.
Тула.	Губы.	Бани.	Саша.	Дыня.
Буча.	Дуня.	Ваня.	Даша.	Дядя.
Лужа.	Куры.	Катя.	Маша.	Тятя.
Луки.	Гуща.	Каша.	Жало.	Тюря.
Дули.	Пуля.	Рама.	Папа.	Щёки.
Дуги.	Гуси.	Рана.	Рыба.	Няня.
Души.	Буря.	Сало.	Дыры.	Люди.
Руки.	Сумы.	Мама.	Лыжи.	Люли.
Буки.	Шина.	Мыло.	Лыко.	Тётя.
Бусы.	Диво.	Мыши.	Мясо.	Лёля.
Муха.	Пиво.	Митя.	Пары.	Сады.
Пилы.	Тина.	Гиря.	Кули.	Дуга.
Силы.	Пицца.	Козы.	Пила.	Луна.
Жилы.	Лиза.	Сохи.	Зима.	Цари.
Вилы.	Рига.	Кожа.	Душа.	Дуга.
Липы.	Горы.	Кони.	Губа.	Рука.
Зубы.	Нары.	Раки.	Сума.	Мука.
Щука.	Воры.	Баба.	Пуды.	Суды.
Шуба.	Ноги.	Лапа.	Быки.	Пыжи.

Муха мала. Ноги босы. Люди рады.
 Пила тупа. Дуги туги. Щуки-рыбы.
 Сума худа. Руки голы. Дядя дома.
 Мухи малы. Гуси наши. Маша дома.
 Пилы тупы. Куры рябы. Сади сады.
 Руки дубы. Супи шубу. Тащи сани.
 Руки липу. Буди Ваню. Купи дыню.

Мука была сыра. Няня была рада
 Дуга была туга. сыну.
 Катя была мила. Тёща рада была
 Катя шила шубу. зятю.
 Таня жила дома. Дяди надо было
 Маша била Васю. луку.
 Баба мыла руки. Тёти надо было
 Мыши пили воду. муки.
 Люди пили вино. Я вижу кучу сору.
 Папа мыла щёки. Я чиню шубу Кати.
 Маши дали кашу. Кума дала куму
 Рыбы было мало. рыбы.
 Дуни дали маку. Таня дала Маши
 Маша была рада сала.
 маку. Люби, Ваня, Машу.

Люби, Маша, Ваню.	ли малы и были
У Даши руки были голы.	милы.
У Маши ноги были боссы.	Жили куры и гуси у дома и жили
У гуся лапы были сини.	лиса у роши. У
Вася и Таня были	лисы были ноги
	вялы и зубы были
	тупы, куры и гуси
	были рады.

Азы. Ужи. Ёда. Уха. Усы. Юла. Упа.
 Яма. Ямы. Ухо. Уши. Осы. Оси. Ели.
 Я мою. Я рою. Я дую. Я лаю. Я жую.

Я жую это мясо.	И я хочу ухи.
Я дую на кашу.	Иди сюда Оля.
Я мою уши.	Мама дала ухи.
Я рою эту яму.	Оля ёла уху.
Я лаю на вора.	Купи Васи юлу.
Мы еще малы.	Ему надо юлу.
Упа рёка.	Купи дяди чаю.
Руби эти ели.	Ему надо чаю.
Маша ёла уху.	

Я дала Васи эту юлу, а Маши дала ту юлу.	По часу сижу: азы
Эта юла наша, а та юла ваша.	буки учу.
	У Тани ума мало.
	Кому надо чаю
	иди сюда.
	Даю чаю.

БЕ. Ве. ГЕ. Де. ЖЕ. Зе. МЕ. Не. Ле.
 Лё. Пё. Рё. Сё. Тё.

Небо.	Лёто.	Петя.	Щепà.	Вёсы.
Рёпа.	Мёра.	Горе.	Невà.	Селò.
Сёно.	Вёщи.	Дёды.	Цёна.	Лещи.
Сёмя.	Сёни.	Лёса.	Дёла.	Перò.
Поле.	Мòре.	Бёда.	Мёна.	Чекà.

Сёни новы.	Рёпы нёту.	Рёжу дулю.
Щели малы.	Сёна нёту.	Цёжу воду.
Перо тупо.	Вёрю дёду.	Лёчу дядю.
Сёно сыро.	Лежу дома.	

Тётя била Петю.	Баба дала Ванё
Гуси сёли на воду.	и Петё мёду.
Дёти сёли на сёно.	Бери косы и иди
Жили мыши у	на поле.
печи.	

Няня, чеши Таню косу.

Лежи тише на печи, уже не рано.

Чини шубу Петю. Она худа.

Было лето, пала зима.

Щи и каша пища наша.

Няню была баня.

Няня рада была баню.

Но у няни мыла не было.

Мама дала няню мыла.

Бабы съли на сѣню и пѣли, а дѣти рыли и мяли сѣно.

У Оеди и Вани были сѣти.

Неси сѣтина рѣку.

Я рѣжу рѣпу и даю рѣпы Ваню и

Петю.

У меня на тѣлѣ шуба, а на шеѣ

бусы.

Эти ели выше липы.

Неруби эту липу.

Эта липа ещё мала на лыко.

Иди Ваня тише, ноги у тебя ещё малы.

Дѣти, куда вы дѣли вашу юлу?

Дали бы вы юлу

Машю.

Она была бы рада.

Иди дядя.

Дѣти уже съли за щи и кашу.

Дядю надо соли.

Неси ему соли.

На полѣ пыли и дыму нѣту.

Была у дома лужа. На лужу съли

гуси. Гуси были сѣры.

Жила баба у дѣда. Были оба сѣды.

У рѣки были норы и жили раки.

Не бери рака за шею, а бери рака за ноги.

Я несущу суму.

Иду до дома.

Дома лягу на печи.

Я веду Таню за руку. Она ещё ма-

ла и ноги Тани малы.

У дѣда ещё меду нѣту. Васю не дали меду.

У роши была ива.

Не руби эту иву. Эта ива наша.

Тетя дала Катю мяты, а Петю дала

чаю.

Море сине и небо сине.

Небо выше. Море ниже.

На небѣ тучи. На зарю иди на

луга.

Суши сѣно на домѣ.

Руби липу на лыки, иву на дуги, а дубы на сани.

Тяни сѣти по рѣкѣ.

Ищи рыбу.

Неси дядѣ рыбы на уху.

Воры были на полѣ, а кони были дома.

Эта шуба на мѣху, но хуже шубы Пети.

Тоню тяну, рыбу ищу, уху варю.

Были цѣпы наши на полѣ и цѣпы цѣлы.

Ну, Вася, уже не рано.

Иди. Митя уже у мамы на печи.

Не шуми, Ваня, не буди дядю, а сиди тихо.

У мамы было не мало дѣла.

Она шила шубы Тани и Маши.

У Саши на лицѣ была сажа.

Мама мыла лице Саши.

Танѣ дали бусы на шею.

Бусы были милы и Таня была рада.

Ваня и Дуня сѣли на сѣнѣ и рыли на сѣнѣ дыру.

Мы были нарѣкѣ.

У Пети ноги были сухи, а у меня ноги были сыры.

Сушу ноги на печи.

Таня сѣла на сѣно и пѣла: люли люли, дули дули!

Мама была на рѣкѣ, мыла.

И я иду туда.

Не иди на рѣку.

У тебя ноги бо-сы.

У Тани было горе.

Тѣтя шила Танѣ шубу на мѣху.

Мѣху было мало.

Бѣда-Танѣ. Зи-ма, а шубы нѣту.

Катѣ дали мыла.

Она мыла лице и шею.

И лицѣ, и шея, и руки Кати были бѣлы.

У Кати или у Вани болѣ силы.

Катя дала руку Ванѣ.

Тяни, Ваня, за руку Катю.

У Кати силы болѣ, а у Вани си-лы нѣту.

Тѣтя дала Варѣ мѣду. Варя сама ѣла мало мѣду, а дала мѣду Мишѣ, Васѣ и Катѣ и они были рады.

Сани были на низу.

Вези сани на гору.

Ну-же, дѣти, живо на сани.

Дѣти сѣли на сани и были рады.

У дяди была на рукѣ рана.

Мама дала сала.

Я мажу дядѣ рану на рукѣ, я лѣчу ему рану.

Няня ѣла кашу.

Маша сѣла нянѣ на руки.

Рвы. Дни. Псы. Сны. Рты. Лбы. Вши.
Лжи. Пни. Дно. Зло. Кто. Что. Сто.
Рви. Ржи. Жми. Жни. Гни. Чти. Три.
Спи. Жги. Лги. Жгу. Мну. Мщу. Тку.

Няня дала Машѣ каши.

Муха сѣла Машѣ на руку.

Маша дала мухѣ каши.

И няня была сыта, и Маша была сыта, и муха была сыта.

У Миши были сани.

Маша и Петя сѣли на сани.

Вези сани Миша.

А у Миши силы нѣту.

Двѣ. Всѣ. Ржа. Два. Тля. Зря. Лгу.
Тру. Рву. Гдѣ. Вся. Всѣ. Вру. Шлю.

Я жду дядю.

Я тру сѣмя.

Я рву дули.

Я жгу сѣно.

Я гну липу.

Я жму руку.

Не лги и не ври.

Не зли пса.

У пса зубы не тупы.

Шли дѣти по лѣсу, сѣли на пни.

Я вижу сны про Машу.

Гдѣ ты была?

Что у тебя на лбу?

Вся рыба ушла на дно рѣки.

Мнѣ дали чаю, а для тебя нѣту.

Лежи и спи.

При мамѣ я была мила три дня.

Я жну три дня.

Я тку всю зиму.

Трава.

Весна.

Труба.

Зерно.

Ключи.

Пчела.

Цвѣты.

Грачи.

Блины.

Листы.

Грибы.

Стекло.

Глаза.

Звѣзда.

Изба.

Крючки.

Земля.

Гнѣздо.

Сѣдло.

Тепло.

Кости.	Слово.	Камни.	Двери.
Буквы.	Крыса.	Волки.	Капля.
Сабля.	Птицы.	Масло.	Палка.
Вёдра.	Шляпа.	Груша.	Вилки.
Мѣсто.	Черви.	Спицы.	Звѣри.
Время.	Шишка.	Пушка.	Глина.
Стѣны.	Шалка.	Галка.	Брови.
Утка.	Блюдо.	Грабли.	Пчѣлы.
Плечи.	Книга.	Скука.	Щелка.
Нитка.	Слава.	Грива.	Полки.

Капли малы.	Блохи мелки.
Чашки новы.	Брови чѣрны.
Груши спѣлы.	Пушки крѣпки.
Глаза свѣтлы.	Масло жѣлто.
Блины жирны.	Крыши кривы.
Труба крива.	Крысы ловки.
Палки гладки.	Цвѣты видны.
Стѣны стары.	Кошки хитры.
Булки вкусны.	Хлѣбы мягки.
Щенки слѣпы.	Стѣны плохи.
Кадки полны.	Чулки стары.

199488

Наши прями.
Наши прями.
 Ваши спали.
Ваши спали.
 Капля мала, а по
 каплѣ море.
*Капля мала, а по
 капль море.*
 По снѣгу грибы
 не ищи.

*По снѣгу грибы
 не ищи.*
 Кошкѣ шутки, а
 мышкѣ слезки.
*Кошкѣ шутки, а
 мышкѣ слезки.*
 Наша кошка ста-
 ла стара.
 Наши гостимно-
 го пили браги.
 Тетка Мавравзя-
 ла всю крупу.

Павлу дали мно-
 го квасу.
 Мышкѣ нынче
 дали книгу.
 Крысы крупны,
 а мышки мелки.
 Мы бы крыли
 крышу, да тѣсу
 уже нѣту.
 Пришла весна,
 стала видна на лу-
 гу трава.
 Клали скирды.
 Было жарко, бы-
 ло трудно, а всё
 пѣли пѣсни.
 Настя спѣла пѣс-
 ню. Хвалю за то
 Настю.
 Сиди крѣпче на
 сѣдлѣ, держи за
 гривку.

Несла баба ведро квасу. На ведрѣ была крышка.

Пришли гости. Сняли шапки, съели на лавки.

Ушла крыса за печку, не видно стало крысы.

Дѣвки пряли вмѣстѣ пряжу. Пришли парни, стали возлѣ.

Засни Вася, пришло время. Уже стало вовсе темно.

Стало темно. Беру спички, три остьну, зажги свѣчку.

Плыли люди по рѣкѣ, стала буря.

Держи весла твердо, греби крѣпче.

Я нынче прочту по книгѣ всю сказку, это мнѣ не трудно.

Стала школа, пошли дѣти. Съели на лавки, взяли книги.

Дѣду скучно было дома. Пришла внучка, спѣла пѣсню.

Тётка дала Настѣ ленту. Настя рада была лентѣ.

Тётка шила шубу Настѣ. Сама пѣла пѣсню, а Настя спала подлѣ тётки.

Наши дѣды стали стары. Глаза стали слѣпы. Ноги стали слабы. Всѣ стали плохи.

Настя ѣла грушу, а у Маши текли слюнки. Стыдно Маша, утри губы.

Мама, купи мнѣ нитки, я свяжу тёткѣ чулки. Чулки тётки стали стары. Видны пятки.

На ёлкѣ были шишки. Дѣти взяли эти шишки,несли полны шапки.

Бабка долго шла, трудно стало бабкѣ идти. Она лег-

ла и спада и послѣ легче пошла и дошла.

Два волка вышли прямо на меня и стали на бугрѣ. Мнѣ стало жутко.

Пало много снѣгу. По снѣгу шли звѣри и видны были слѣды. Пришли люди, шли по слѣду и нашли звѣря.

Вбили на дворѣ два шеста. Наверху были платки и шапки. Дѣти лѣзли на шесты. Брали платки и шапки.

У бабки была внучка, прежде вну-

Тетка была мала и всё спала, а бабка сама пекла хлеб, мела избу, мыла, шила, пряла и ткала на внучку; а послѣ бабка стала стара и легла на печку и всё спала. И внучка пекла, мыла, шила, ткала и пряла на бабку.

Помню, я была мала, и тетка дала мнѣ тряпку, иглу и нитку. И я сшила себѣ сумку. Сумка была плоха, но я была горда, что сама сшила эту штуку.

Петя и Маша были гости у Настя. Они вышли всѣ вмѣстѣ за кусты и сѣли на траву. Настя взяла хлеб и масло, и они вмѣстѣ ѣли, а послѣ пѣли пѣсни.

На дугу были чурки. Дѣти взяли эти чурки и клали избу. Прежде стѣны, послѣ крышу. И на крышѣ была труба, а на углу были двери. Изба была не мала, но двери были тѣсны для куклы. Дѣти сняли кры-

шу и куклы сѣли туда сверху.

Несла баба ведро воды. Ведро было худо. Вода текла на землю. А баба была рада, что нести стало легче. Пришла, сняла ведро, а воды нѣту.

Пришла Настя послѣ школы. Одна мама была дома. Настя сѣла у стола, взяла книжку и прочла сказку. Мама была рада.

Птица свила гнѣздо на кустѣ. Дѣти нашли гнѣздо и сняли на землю.

Гляди, Вася, три иголки! На утро пришли дѣти, а гнѣздо уже было пусто. Жалко было.

Дѣти на дворѣ рыли себѣ грядки. У Васи были дубки, а у Пети были рѣпы. На дѣто у Васи всё были дубки, а у Пети рѣпы не было.

На дворѣ было чисто. Среди двора была куча песка. Вышли дѣти, сѣли на кучу песка, и пошла игра. Клали по двору

кучки. Была игра: у кого выше кучка.

Сѣли гуси на воду. По водѣ пошли крути всё шире и шире, а послѣ стало гладко. Вода была чиста и видны были лапки.

Была у Насти кукла. Настя звала куклу дочка. Мама дала Настѣ для ея куклы всё, что надо. Были у куклы юпки, кофты, платки, чулки, были даже гребни, щётки, бусы.

Пошла Катя поутру по грибы, взяла Машу. Маша

была мала. На пути была рѣчка. Катя взяла Машу себѣ на спину. Сняла чулки и пошла по водѣ. Сиди крѣпче, Маша, да не жми меня за шею. Пусти ручки, а то мнѣ душно. И Катя снесла Машу.

Маша и Гриша сѣли на лодку. А лодка была худа. Была дыра. Стала лодка полна воды. Маша и Гриша стали мокры и слѣзли на землю.

Жили мыши на полѣ подлѣ пруда.

Пришла весна. Пошли воды. Мыши пошли на гору. На горѣ жила лиса. Лиса была рада, что пришли мыши и ѣла сразу по двѣ мыши и стала жирна.

У Маши была тѣтка. Маша пришла и сѣла на лавку. Тѣтя дала Машѣ два куса дыни. Маша снесла дыни брату Петѣ.

Была зима, но было тепло. Было много снѣгу. Дѣти были на пруду. Взяли снѣгу, фла-

ли куклу. — Руки зябли. За то кукла вышла славно. Во рту куклы была трубка. Глаза куклы были угли.

Спала кошка на крышѣ, сжала лапки. Сѣла подлѣ кошки птичка. Не сиди близко, птичка, кошки хитры.

Нашли дѣти ежа на травѣ. Бери его, Вася, на руки. Мнѣ колко. Ну клади шапку на землю; а я скачу его на шапку. Шапка была мала и дѣти ушли, а ежа не взяли.

Таня знала буквы. Она взяла книгу и куклу и дала книгу куклѣ, будто школа. Учи, кукла, буквы! Это—А. Это Б—Ве. Смотри помни.

У Розки были щенки на дворѣ, на снѣгѣ. Розка ушла. Дѣти пришли и взяли щенка и снесли на печку. Розка пришла, не нашла щенка и выла. Послѣ нашла

Въ. Къ. Съ. Отъ. Изъ. Ихъ. Объ.
Ахъ. Онъ.

Я иду въ гости.
Я ѣду къ дѣду.

щенка и выла подлѣ печки. Дѣти сняли щенка и дали Розкѣ, и Розка снесла щенка во рту на мѣсто.

У дяди была Розка. Розка была умна. Дядя! вели, чтобы Розка взяла шапку. Розка! гляди на Васѣ шапка! Розка тѣзла на Васю, клала ему лапы на плечи и брала шапку.

Сними меня съ печки.

Шель снѣгъ съ неба. Иди въ баню. Иди къ мамѣ!

Я кладу дитя въ зыбку. Сними съ полки шапку.

Мама пришла къ Васѣ.

Ловѣ. Ровѣ. Шовѣ. Провѣ. Кровѣ. Хлѣбѣ. Сѣвѣ. Левѣ. Рѣвѣ. Лѣвѣ.

Бокѣ. Сокѣ. Сроку. Стуку. Жукѣ. Звукѣ. Пукѣ. Крику. Сукѣ. Лукѣ.

Макѣ. Ракѣ. Знаку. Крику. Лукѣ. Носѣ. Пѣсѣ. Часѣ. Лѣсѣ. Вкусѣ.

Трусѣ. Тѣсѣ. Квасѣ. Класѣ. Рисѣ. Дымѣ. Кумѣ. Домѣ. Храмѣ. Громѣ.

Свѣтъ. Котѣ. Братѣ. Сватѣ. Плутѣ. Кнутѣ. Шутѣ. Титѣ. Щитѣ. Ротѣ.

Разѣ. Возѣ. Глазѣ. Тазѣ. Тузѣ. Низѣ. Лѣнѣ. Сонѣ. Звонѣ. Хрѣнѣ. Клинѣ.

Блинѣ. Чинѣ. Сынѣ. Тынѣ. Донѣ. Лобѣ. Дубѣ. Гробѣ. Зобѣ. Зубѣ.

Хлѣбѣ. Рабѣ. Лубѣ. Глѣбѣ. Цѣпѣ. Щупѣ. Снопѣ. Клопѣ.

Дѣдъ. Садъ. Годъ. Плодъ. Родъ.
 Градъ. Жидъ. Радъ. Младъ. Прудъ.
 Жаръ. Паръ. Боръ. Дворъ. Соръ.
 Жиръ. Миръ. Сыръ. Воръ. Пиръ. Сѣръ.
 Богъ. Рогъ. Другъ. Плугъ. Врагъ.
 Пухъ. Мѣхъ. Смѣхъ. Слухъ. Мохъ.
 Поль. Столь. Стуль. Мѣль. Иль.
 Мужъ. Ужъ. Ножъ. Кряжъ. Чижъ.

Жукъ сѣлъ на Дядя скупъ, не
 сукъ. дадь намъ крупъ.
 Дѣдъ нашъ спитъ. Изъ котла шёлъ
 Кнутъ не такъ паръ.
 свитъ. Изъ трубъ шёлъ
 Нёсъ сталь золь. дымъ.
 Мужъ былъ трусь. Братъ пилъ квасъ.
 Лукъ нашъ не Нѣтъ для насъ.
 тугъ. Кто пёкъ хлѣбъ,
 Снѣгъ бѣлъ, тотъ и ѣлъ.
 но мѣль. На нашъ садъ
 Дѣдъ старъ. а. шаль градъ. Сталь
 внукъ глущъ. нашъ садъ голъ.

Сталь нашъ пёсъ
 плохъ. Я его мыль,
 а все на нёмъ, мно-
 го блохъ. Онъ шёлъ
 Ваня легъ на шоль
 и спитъ. Вотъ такъ
 сонъ!
 Изъ за дѣсу, изъ за
 горъ, вижу нашъ
 домъ и дворъ.

Дѣдъ сталь старъ.
 Разъ онъ дѣзъ на
 печку и не могъ.
 Внукъ былъ въ
 избѣ. Ему стало
 смѣшно. Стыдно,
 внукъ. Не то дур-
 но, что дѣдъ старъ
 и слабъ, а то дурно,
 что внукъ младъ,
 и тлущъ.

Шель Миша по
 дѣсу. У дуба росъ
 грибъ. Грибъ былъ
 старъ, никто его
 не бралъ. Но Ми-
 ша былъ радъ и
 снёсъ грибъ въ
 домъ. Вотъ грибъ,
 лучше всѣхъ! А
 грибъ былъ гниль,
 никто его не ѣлъ.

Пошли дѣти въ
 дѣсу. Долго были
 въ дѣсу, не знали
 куда выдти изъ
 дѣсу и не знали
 гдѣ домъ. Стало
 имъ слышно звонъ;
 они и пошли на
 звонъ и нашли
 тогда село и при-
 шли въ домъ.

он У Пети и Вани
шла игра. вотъ
такъ: они . будто
овцы, били другъ
друга. Лобъ. о лобъ.
Игра была плоха:
у Вани стала ши-
шка на лбу, а у
Пети шишка на
глазу.

Была въ лѣсу
бѣлка и были у
бѣлки дѣти. Жили
бѣлки въ дуплѣ.
Пришли Миша и
Коля, взяли ихъ
къ себѣ, и бѣлки
жили у нихъ въ
клеткѣ.

Саша былъ трусь.
Была гроза и
громъ. Саша влѣзъ

въ шкапъ. Тамъ
было ему темно и
душно. Сашѣ не
слышно было про-
шла ли гроза. Си-
ди, Саша, всегда
въ шкапу за то,
что ты трусь.

Былъ у Миши
кнутъ. Онъ имъ
всѣхъ билъ. Разъ
онъ билъ конку-
няни. Пришла ня-
ня, взяла у Миши
кнутъ и била Ми-
шу за то, что онъ
билъ волъ и билъ
ея конку.

Сталъ быкъ золь-
никто мимо быка
идти не смѣлъ.
Гналъ разъ дѣдъ

быка въ стадо.
Быкъ сбиль дѣда
съ ногъ и подъ се-
бя смялъ. Пришли
люди и взяли дѣ-
да. Дѣдъ послѣ

того не долго былъ
живъ. Тогда взя-
ли быка, свели на
дворъ и били по
лбу до тѣхъ поръ,
пока быкъ палъ.

Ась. Ель. Ось. Ерь. Ъшь.

Тѣнь. Пенъ. День. Лѣнь. Конъ. Данъ.
Вранъ. Дранъ. Гранъ. Дрянъ. Линъ.
Сѣть. Мать. Путь. Кѣтъ. Плетъ.
Треть. Зять. Руть. Пять. Нить. Стать.
Болъ. Молъ. Даль. Цѣль. Соль. Бѣль.
Сталь. Ноль. Шаль. Нуль. Щель.
Гусь. Русь. Смѣсь. Спѣсь. Здѣсь.
Цѣпь. Степь. Лещъ. Клещъ. Хрящъ.
Мышь. Илѣнь. Царь. Дверь.
Глубь. Рябь. Звѣрь. Корь.
Бровь. Кровь. Грудь. Мѣдь.
Князь. Грязь. Темь. Земь.
Станъ. Вынь. Кинь. Дунь. Тронъ.

Руби пень.
 Время спать.
 Брось шить.
 Кинь сѣть.
 Идутравурвать.
 Весь день жать.
 Не стану вина
 пить.
 Стали бабы пѣ-
 сни пѣть.
 Надо на башу
 дуть.
 Иду въ путь.
 Ему лѣнь на но-
 ги стать.
 Мнѣ надо кни-
 гу дать.
 Идуводу на гря-
 ды лить.
 Вели ему шапку
 снять.

Бабы шли лѣнь
 мять.
 Весь день отъ
 липы тѣнь.
 Дунь на свѣчу.
 Сунь книгу въ
 столъ.
 Хочу идти въ
 клѣть, да въ клѣ-
 ти дверь, а я не
 стяну съ двери
 дѣнь.
 Я иду на рѣку
 мыть.
 Мамъ много дѣ-
 ла. Надо мамъ
 шить, мыть, ткать
 и печь.
 Вася сѣлъ на
 пень и пень былъ
 у него будто конь.

Онъ взялъ плеть
 и гналъ пень.

У Вари былъ
 чижъ. Чижъ жилъ
 въ клѣтѣ и ни
 разу не пѣлъ. Ва-
 ря пришла къ чи-
 жу. — Пора тебѣ,
 чижъ, пѣть. — Пу-
 сти меня на волю,
 на волю буду весь
 день пѣть.

Дядя далъ Оедѣ
 коня и далъ плеть.
 Смотри, Оедя, не
 гони коня шибко,
 а то конь старъ.
 Оедя взялъ плеть
 и сталъ коня шиб-
 ко гнать, конь во-
 все сталъ, и Оедя
 слѣзь.

Мать дала Катѣ
 квасу. А у Кати
 былъ братъ Власъ.
 Катя дала и брату
 пить. Катѣ для
 брата Власа не
 жаль было кваса.

Мышка грызла
 полъ и стала щель.
 Мышь прошла въ
 щель, нашла мно-
 го ѣды. Мышь бы-
 ла жадна и ѣла
 такъ много, что у
 ней брюхо стало
 полно. Когда сталъ
 день, мышь пошла
 къ себѣ, но брюхо
 было такъ полно,
 что она не прошла
 въ щель.

Мать и дочь лег-
ли спать. Мать не
спала весь день.
А дочь стада пѣс-
ни пѣть. Дочка! я
хочу спать, брось
лѣть. А дочка еще
громче стала пѣть.
Тогда мать свела
дочь въ клѣть. —
Тебѣ здѣсь лучше
пѣть, а мнѣ безъ
тебя лучше спать.

Жилъ дѣдъ у
рѣки. Были у дѣда
лодка и сѣть. И
были у дѣда два
внука: Петя и Гри-
ша. Гришѣ было
семь лѣтъ, а Петѣ
пять. Разъ вышли
Петя и Гриша ра-

но на рѣку. Они
знали, что у дѣда
на рѣкѣ была сѣть.
Они сѣли въ лод-
ку. Гриша сѣлъ на
руль, а Петя грѣбъ.
Они плыли долго
до рѣкѣ, не знали
гдѣ сѣть; но на-
шли сѣть, взяли
рыбу и дали дѣду.

Звѣрь свѣрь.

Жукъ сѣлъ въ
щель.

Я на вашу дуль.

У меня было пять
дуль.

Брату Петѣ семь
лѣтъ.

Онъ всѣмъ милъ.

Дѣти спятъ, всѣ
пять.

Стань на стань.
Росъ клѣнь, отъ
него была тѣнь.

На дворѣ была
пыль, а я дома
былъ.

Запри дверь на
дворь.

Давно ли ты, дя-
дя, нѣмъ? Да ужъ
лѣтъ семь.

Волкъ. Шелкъ. Полкъ. Блескъ. Толкъ.
Постъ. Мостъ. Ростъ. Хвостъ. Листъ.
Кустъ. Крестъ. Пусть. Густъ. Шестъ.
Кость. Гость. Тростъ. Честь. Вѣсть.
Лестъ. Шестъ. Грусть. Пастъ. Снасть.
Пискъ. Спускъ. Воскъ. Лоскъ.

Чортъ. Мартъ. Гуртъ. Сортъ.
Франтъ. Бантъ. Кантъ. Столбъ. Верхъ.
Дѣрнъ. Тѣрнъ. Гвоздь. Груздь. Дождь.
Вихрь. Рубль. Скорбь. Смерть. Дроздь.
Жизнь. Казнь. Пѣснь. Чернь.

Шестъ во весь
ростъ.

Крѣпка какъ кость.

Нынѣ постъ.

На сохѣ снасть.

Тестъ сталь вѣсть.
У волка пастъ.

Петръ шлетъ намъ
вѣсть.

Хочу на стуль

сѣсть, чтобы лапти
плести.

Трудна ея жизнь.

На морѣ много
волнь.

Не стало вербъ,
всѣ вышли.

Не видно звѣздъ.
Верба хлѣсть, билъ
до слѣзъ.

Сушь нашъ густь.
Домъ сталъ пустъ.

Червь ѣсть листь.

Нужно бы траву
грестъ, къ стогу
сѣно везть.

Волкъ былъ бы
добръ, да ему ѣсть
надо.

Всѣ мѣста взяты.
Нѣтъ намъ мѣстъ,
нѣгдѣ сѣсть.

Шель гурть на
мость.

*Тонко прясть,
долго ждать.*

Мамы не было
дома, а прялка бы-
ла въ избѣ. При-
шла Катя, стала
прясть. Пряла ма-
ло, а пряжи смя-
ла много.

Есть червь, онъ
жѣлтъ, онъ ѣсть
листь. Изъ червя
того шелкъ.

У меня есть шесть
куръ и по утра
даю имъ кормъ.
Я кричу: цыпъ,
цыпъ. Я сыплю
зерно на землю и
на куръ.

Дѣти стали лѣзть
на шесть, но шесть
былъ толстъ и они
ноги стерли и не
влѣзли на шесть.

Сталъ Ваня на ко-
ня лѣзть и взялъ его
за хвостъ. Кинь,
Ваня, хвостъ. По
хвосту на коня
не влѣзть.

Бла мать борщъ
и клала въ борщъ
соль. А Митя былъ
глупъ, когда мать
ушла, сталъ одну
соль ѣсть.

Жиль дядя Петръ.
И влѣзъ къ нему въ
домъ воръ, чтобъ
красть. Но у дяди

Петра домъ былъ
пустъ.

Несла Жучка
кость черезъ мость.
Глядь, въ водѣ ея
тѣнь. Пришло Жу-
чкѣ на умъ, что
въ водѣ не тѣнь,
а Жучка и кость.
Она и пусти свою
кость, чтобы ту
взять. Ту не взя-
ла, а своя ко дну
пошла.

Ваня нёсъ отцу
хлѣбъ, лёгъ подъ
кусть и сталъ
спать. Жучка на-
шла хлѣбъ и стала
его ѣсть.

Пошли дѣти на
гумно и пошла у

нихъ игра въ волка и овцы. Миша былъ волкъ. Онъ влѣзъ по шесту на скирдѣ. На скирдѣ было мягко и Миша легъ. Овцы были Коля и Настя. Они ждали, ждали волка, нѣтъ волка. Стали его звать. Не нашли

Мишу и ушли. Пришла мать. Гдѣ Миша, гдѣ Миша? Пошли въ поле, въ лѣсъ. Нѣтъ Миши. Пришла мать на гумно, Миша! А Миша! А Миша: я здѣсь, я спалъ, шесть мой упалъ и я незнаю какъ со скирда слѣзть.

Бой. Вой. Рой. Ной.
 Май. Рай. Чай. Лай. Дай. Клей.
 Злѣй. Вой. Цой. Рой. Стой. Спой. Мой.
 Твой. Свой. Злой.
 Шей. Шей. Вей. Лей. Чей. Ей.
 Дуй. Жуй. Куй. Цной.

Мой чай.
 Твой клей.
 Свой змѣй.
 Вой цсовъ.

Рой пчель.
 Иду на бой.
 Ной былъ давно.
 Спой пѣсню.

Рой яму.
 Стой прямо.
 Пей чай.
 Лей воду.
 Чей трошъ? Мой.
 Дуй на воду.
 Жуй корку.
 Куй въ кузнѣ.
 Тепло стало, видно что Май.
 Рай на томъ свѣтѣ.
 Слышу лай и вой цсовъ.
 Дай мнѣ мой чай.
 На мой домъ слѣзь рой пчель.
 Лей воду въ тазъ, мой руки.

Ты чей? я свой.
 Съль дѣдъ пить чай. Дѣдъ! и мнѣ чаю дай. Вотъ тебѣ, внукъ, чай.
 Шей, на себя не лей.
 Былъ у Пети и у Миши конь. Сталъ у нихъ споръ: чей конь. Стали они коня другъ у друга рвать. Дай мнѣ, мой конь. Нѣтъ ты мнѣ дай, конь не твой, а мой. Пришла мать, взяла коня и сталъ конь ни чей.

Улей. Иней. Нищій. Сергѣй. Матвѣй.
 Налой. Лакей. Сарай. Давай. Кидай.

Читай. Снимай. Считаю. Играй. Гло-
тай. Гуляй. Валяй.

Съдой. Кривой. Простой. Живой.
Мягкій. Гладкій. Синій. Сладкій. Бѣд-
ный. Мѣдный. Добрый. Сѣрый. Ста-
рый. Малый. Вялый. Чистый. Умный.
Глупый. Зашей. Скорѣй. Живѣй. Теп-
лѣй. Умнѣй. Глупѣй. Раздуй. Ночуй.
Подуй. Воюй.

Давай книгу.

Читай сказку.

Гуляй по лѣсу.

Съдой дядя.

Зимой снѣгъ.

Гладкій путь.

Синій цвѣтъ.

Бѣдный Миша.

Сѣрый Волкъ.

Милый мой другъ

Теплѣй стало.

Онъ умнѣй тебя.

Зашей шубу.

Иди скорѣй.

Ночуй у насъ.

Не тоскуй, не
горюй.

Воюй храбро.

Глупой птицѣ
свой домъ не милъ.

Сѣлъ рой на
кусть. Дядя его
снялъ, снёсъ въ

улей. И сталъ у
него годъ цѣлый,
мѣдь бѣлый.

Слушай меня мой
пёсъ: на вора лай,
къ намъ въ домъ
не пускай, а дѣтей
не пугай и съ ни-
ми играй.

На землѣ снѣгъ,
на лѣсѣ иней. Да-
вай скорѣй сани.
На сани прыгай,
сани двигай и подъ
гору катай.

У дѣтей были
свои грядки. При-
шло разъ на ихъ
грядки стадо сви-
ней. Дѣти скорѣй!
Жучку пускай.
Жучка скорѣй, лай
на свиней, стоняй
ихъ съ грядъ до-
лой.

Была драка меж-
ду Жучкой и кош-
кой. Кошка ста-
ла ѣсть, а Жуч-
ка пришла. Кошка
Жучку лапой за-
нось. Жучка ко-
шку за хвостъ.
Кошка Жучкѣ въ
глаза. Жучка ко-
шку за шею. Тѣтя
шла мимо, несла
ведро съ водой и
стала лить на ко-
шку и Жучку во-
дой.

Нѣтъ у насъ Ва-
ня змѣя. Иди, Ва-
ня, вари клей, а
я сберу дранки.
Нашли дранки и
клей и на утро

сталь змѣй. Не было вѣтра, но дѣти пошли въ поле и взяли змѣй. Ну бѣги, Ваня, да скорѣй! Еще скорѣй! Пускай! Но змѣй на верхъ не шель; тогда дѣти стали подъ змѣй дуть. Дуй. Ваня, дуй, еще дуй. Ваня дуль изъ всѣхъ силь; но змѣй не шель и на землю сѣль.

У Груши не было куклы, она взяла сѣна, свила изъ сѣна себѣ жгутъ

и это была ея кукла; звала она ее Маша. Она взяла эту Машу на руки. „Спи Маша! Спи дочка! бай, баю, бай!“ +

Слѣпой шель домой. Была ночь. Слѣпой несъ предъ собой свѣтъ. Какой глупый слѣпой, несетъ свѣтъ предъ собой, — а самъ слѣпой, для чего ему свѣтъ? А нужно свѣтъ ему для того, чтобъ зрячій не сбиль его съ ногъ долой.

Работа.	Булавка.	Пастухи.	Семѣнь.
Забѣта.	Граница.	Старики.	Стаканъ.
Ребѣта.	Деревня.	Мужики.	Женихъ.
Телята.	Тарелки.	Сундуки.	Заборъ.
Береза.	Кибитки.	Пѣтухи.	Кузнецъ.
Калина.	Лепѣшки.	Пауки.	Холодъ.
Малина.	Крестины.	Темнота.	Осень.
Корова.	Капуста.	Тѣснота.	Камень.
Ракита.	Невѣста.	Калачи.	Радость.
Лисица.	Медвѣди.	Башмаки.	Лошадь.
Собака.	Веревка.	Журавли.	Милость.
Бараны.	Рубашка.	Ласточка.	Старость.
Бумага.	Скотина.	Горница.	Николай.
Кирюшка.	Зайка.	Яблоки.	Алексѣй.
Петрушка.	Наука.	Яблони.	Соловей.
Картина.	Приступки.	Иванъ.	Каравай.

Мужики ходили далеко на работу.

Рыбаки ловили на озерѣ рыбу.

Барыня купила у мужика чернаго пѣтуха.

Березы выросли велики.

Купчиха наняла мужика въ кучера.

Ребята купили на базарѣ пряники.

Телята и бараны бѣгутъ по выгону.

Кукушка рано запѣла.

Старые волки заѣли барана.

Мужики убили вилами одного волка.

Ребята писали уроки на бумагѣ.

Не берите калачи грязными руками.

Не топчите комнату мокрыми ногами.

Дѣвушки нарядны, личики красивы, щѣчки румяны.

Синичка сѣла на окошко.

У мужика украли сундуки. Сундуки были пустые.

Служанка вымела горницу, собрала цѣлую кучу сору и бросила на улицу.

Параша читала книжку, а послѣ писала дядюшкѣ записку.

Кухарка варила яйца. Яйца стали крутыя.

Дѣти красили и катали яйца.

Курицы несли яйца, а пѣтухи кричали.

Бабушка — старуш-

ка лежала на лежанкѣ, а дѣвочка — внучка играла подлѣ бабушки.

Старая барыня купила у торговки бѣлую гусыню.

Гусыня вывела два гусѣнка.

Слѣпые нищѣ заплѣли подлѣ забора пѣсню про Лазаря. Купчиха слушала и дала одному слѣпому гривну.

Добрыя дѣти дали слѣпому старику лепѣшку.

Малые ребята играли на крылечкѣ, а телята играли на выгонѣ.

Кафтаны теплѣе, нежели рубашки.

Моему брату Матюшкѣ четыре года.

Повезли Матюшку въ чужую деревню и отдали на выучку кузнецу.

Сѣрая лошадь везёт сани.

Подавай поскорѣй моихъ лошадей.

Николай Петровъ пришелъ на крестины.

Женихъ даневѣста — князь и княгиня.

Одинъ годъ весь вѣкъ заѣль.

Бѣдность не порокъ.

Бѣдность не порокъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ.

Конецъ дѣлу вѣнецъ.

Пришла весна, потекла вода. Дѣти взяли дощечки, сдѣлали лодочку, пустили лодочку по водѣ. Лодочка плыла, а дѣти бѣжали за нею, кричали и ничего впереди себя не видали и въ лужу упали.

Рыбамъ море, птицамъ воздухъ, людямъ земля.

Куда иголка, туда и нитка.

Куда иголка, туда и нитка.

Богачу жалко корабля, бѣдняку жалко костыля.

Богачу жалко корабля, бѣдняку жалко костыля.

Ушли два мужика вмѣстѣ на работу, рыли канаву. Рыли три дня, принесли три рубля. И три дня дѣлили три рубля, все между собой спорили. Лучше бы эти мужики эти три дня рыли канаву.

Ходили дѣти по лѣсу за грибами, набрали полны корзины. Вышли дѣти на поляну, сѣли на кошну и считали грибы. За кустами завыли волки. Дѣти забыли про грибы, бросили свои грибы на сѣнѣ и ушли домой.

Попался звѣрь — хорѣкъ въ ловушку и сталъ просить, чтобы мужикъ пустилъ его. Онъ сказалъ: мыши твое добро ѣдятъ, а я ихъ ѣмъ. А мужикъ сказалъ: мышей-то ты ѣшь, да съ ними вмѣстѣ и цыплятъ моихъ поѣлъ, — и убилъ звѣрка.

Пошли разъ старуха и молодка на поле гороха. Набрали гороху и сѣли подъ межу, стали ѣсть. Старая катала во рту горохъ, а

жевать не могла: зубовъ не было; а молодая поѣла свой горохъ, пришла къ старухѣ ѣсть и говоритъ: какая ты, старая, жадная. Я ужъ давно поѣла, а ты все ѣшь.

Пошла коза въ поле за кормомъ, а козлятъ заперла въ сарай, не велѣла никого пускать. Она сказала: только когда мой голосъ кликать будетъ, тогда пустите. Волкъ слышалъ это, пришелъ къ сараю и заѣлъ подъ голосъ козы: *дѣтки, пустите, ваша мать пришла, вамъ корму набрала.* Дѣтки глянули въ окно и сказали: голосъ матушки, а ноги волка, не надо пускать.

Лисица позвала журавля на обѣдъ и подала похлѣбку на тарелкѣ. Журавль ничего не могъ взять своимъ длиннымъ носомъ и лисица сама все поѣла. На другой день журавль къ себѣ позвалъ лисицу и подалъ обѣдъ въ кувшинѣ съ узкимъ горломъ. Лисица не могла продѣть морду въ кувшинъ, а журавль всунулъ свою долгую шею и все выпилъ одинъ.

У одной женщины мыши поѣли въ погребѣ сало. Она заперла въ погребѣ кошку, чтобы кошка ловила мышей. А кошка поѣла и сало, и молоко и мясо.

Ѣхали два мужика, одинъ въ городъ, а другой изъ города. Они заѣли саями другъ за

друга. Одинъ кричитъ: дай дорогу, мнѣ скорѣй въ городъ надо; а другой кричитъ: ты дай дорогу, мнѣ скорѣй домой надо. Они долго кричали. Третій мужикъ видѣлъ и сказалъ: кому скорѣй надо, тотъ осадитъ назадъ.

Ходили овцы по полю. Откуда ни взялся орѣлъ, — уналь съ неба, вцѣнился когтями въ ягнѣнка унёсъ его. Ворона видѣла это и хотѣла тоже мяса поѣсть. Она сказала: это не хитра штука. Дай я тоже сдѣлаю, да еще лучше. Орѣлъ глупъ, онъ мало-го ягнѣнка взялъ, а я вонъ того жирнаго барана выберу. Взясась барану ворона когтями прямо въ волну, хотѣла поднять — не можетъ. И не знаетъ ворона, какъ

самой изъ волны когти выдрать. Пастухъ пришёлъ, выдралъ воронѣ ноги изъ волны, убилъ её и бросилъ.

— Былъ одинъ глупый мужикъ. Онъ пошёлъ въ лѣсъ за дровами. Древа всѣ были велики. Онъ сталъ срубать вѣтки. Одинъ сукъ на дубу былъ высоко. Мужикъ влѣзъ на дубъ,

Сплю. Мсти. Мгла. Мзда. Сбруя. Страхъ. Стклянка. Стрижъ. Портной. Спросъ. Скрипъ. Страсть. Сестра. Взводъ. Москва. Искра. Царство. Сердце. Стремя. Стряпня. Перстень. Встрѣча. Солнце. Бездна. Островъ. Холстъ. Шерсть. Горсть.

— Столяры склеивали столъ.
Искра зажгла Москву.
Сбруя исправна.
Стрижи замерзли.
Отецъ и два сына
втроемъ ушли въ городъ.

сѣлъ верхомъ на сукъ, спиной къ дереву и срубилъ сукъ. Другой сукъ былъ еще выше. Мужикъ влѣзъ на сукъ и чтобы короче срубить сѣлъ на него лицомъ къ дереву. Онъ рубилъ много и сталъ сукъ трещать; мужикъ былъ радъ и сказалъ: впередъ все такъ буду рубить. Но сукъ сломался и мужикъ сорвался.

— Коня вели подъ уздцы.
Дождикъ пошёлъ: вздулись пузыри.
Продѣнь платокъ сквозь перстень.
Завтра праздникъ, будутъ въ церкви пѣть:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ.

— Вскрылась рѣка, потекла быстрая вода.

— Не столкни дѣвочку съ ногъ.

— Я много сплю и нынче поздно всталъ.

— Хлѣбъ очень чѣрствъ.

— Стригла баба шерсть. Ткаланевѣстка холстъ.

— Ушли дѣти въ лавку, купили горсть стручковъ.

— Платокъ слишкомъ пѣстръ.

— Вздѣнь нитку въ иглу.

— Здравствуй! давно не видалъ.

— Стряпала стряпуха постный обѣдъ.

— Я увидалъ страшнаго звѣря, и сердце у меня вздрогнуло отъ страха.

— *Вздулся какъ пу-*

зырь и сталъ ничего.

Скрученъ, связанъ, по избѣ пляшетъ (въникъ).

Дали бабѣ холстъ, сказала толстъ.

— Петя ползаль и сталъ на ножки. Хочетъ ступить — боится. Чуть не упаль. Мать схватила его и понесла.

— Ласточка строила гнѣздо. Влетѣлъ въ гнѣздо стрижъ и сѣлъ. Ласточка позвала другихъ ласточекъ и выгнала стрижа.

— Остригли съ барана шерсть. Стало барашку холодно, прикрыть себя нечѣмъ.

— Стряпуха топила печку и вышла изъ избы. Искра упала на ду-

чину. Лучина зажглась
насилу залили огонь.

Пришла мышь въ го-
сти къ лягушкѣ. Ля-
гушка встрѣтила мышь
на берегу и стала ее
звать къ себѣ въ хо-
ромы подъ воду. Мышь
полѣзла, да воды хлеб-
нула и насилу жива
вонъ вылѣзла. Никог-
да, сказала она, къ чу-
жимъ людямъ въ гости
ходить не буду.

Дрались два пѣту-
ха у навозной кучи.
У одного пѣтуха было
силы больше, онъ за-
билъ другаго и про-
гналъ отъ навозной ку-
чи. Всѣ куры сошлись
вкругъ пѣтуха и стали
хвалить его. Пѣтухъ
хотѣлъ, чтобы и на
другомъ дворѣ узнали
про его силу и славу.
Онъ взлетѣлъ на са-

рай, забилъ крылами и
запѣлъ громко: смотри-
те всѣ на меня, я пѣту-
ха побилъ! Нѣтъ ни у
одного пѣтуха на свѣ-
тѣ такой силы.

Не успѣлъ пропѣть,
летитъ орѣлъ, сбиль
пѣтуха, схватилъ въ
когти и унёсъ въ свое
гнѣздо.

Стало мышамъ пло-
хо жить отъ кота. Что
ни день, то двухъ,
трехъ заѣсть. Сош-
лись разъ мыши и ста-
ли судить, какъ бы имъ
отъ кота спастись. Су-
дили, судили, ничего
не могли вздумать.

Вотъ одна мышка и
сказала: я вамъ скажу,
какъ намъ отъ кота
спастись. Вѣдь мы по-
тому и гибнемъ, что не
знаемъ, когда онъ къ
намъ идетъ. Надо коту
на шею звонокъ на-

дѣть, чтобы онъ гре-
мѣлъ. Тогда всякій
разъ, какъ онъ будетъ
отъ насъ близко, намъ
слышно станетъ и мы
уйдемъ.

Это бы хорошо, ска-
зала старая мышь, да
надо кому нибудь зво-
нокъ на кота надѣть.
Вздумала ты хорошо,
а вотъ навяжи-ка зво-
нокъ коту на шею, тог-
да мы тебѣ спасибо
скажемъ.

Шли по дорогѣ ста-
рикъ и молодой. Ви-
дятъ они: на дорогѣ
лежитъ мѣшокъ денегъ.
Молодой поднялъ и ска-
залъ: вотъ Богъ мнѣ
находку послалъ. А
старикъ сказалъ: чуръ
вмѣстѣ. Молодой ска-
залъ: нѣтъ мы не вмѣ-
стѣ нашли, я одинъ
поднял. Старикъ ниче-
го не сказалъ. — Про-

шли они ещѣ немного.
Вдругъ слышать, ска-
четъ сзади погоня, кри-
чатъ: кто мѣшокъ де-
негъ укралъ! Молодой
струсиль и сказалъ:
какъ бы намъ, дядюш-
ка, за нашу находку
бѣды не было. Старикъ
сказалъ: находка *твоя*,
а не наша, и бѣда *твоя*,
а не наша. Малаго схва-
тили и повели въ го-
родъ судить, а старикъ
пошѣлъ домой.

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

Въ деревнѣ жила дѣ-
вочка. Мать спила ей
красную шапочку и
дѣвочка всегда носила
ее. Народъ сталъ звать
дѣвочку — дѣвочка Крас-
ная Шапочка. Разъ
мать сказала Красной
Шапочкѣ: поди, навѣ-
сти бабушку и снеси ей
отъ меня лепѣшки и гор-
шокъ масла. Красная

Шапочка взяла гостинцы и пошла. Шла она черезъ лѣсъ. Вдругъ въ лѣсу вышелъ ей навстрѣчу волкъ. „Здравствуй, Красная Шапочка!“ „Здравствуй, волкъ. Куда идешь?“ Я иду къ бабушкѣ. Она стара, ходить не можетъ, такъ я несу ей масла и лепёшки. — А гдѣ живётъ твоя бабушка? А вонъ тамъ за лѣсомъ деревня, такъ въ домъ съ краю. — Ну-ка, Красная Шапочка, кто прежде придётъ? И волкъ пустился бѣжать, а Красная Шапочка стала брать грибы и ягоды и забыла про волка. Волкъ пришёлъ прежде Красной Шапочки, нашёлъ домъ бабушки и толкнулъ дверь. Бабушка спросила: кто тамъ? Волкъ сказалъ:

это я, бабушка, Красная Шапочка. Бабушка сказала: подыми, внучка, шеколду. Волкъ вошёлъ, вскочилъ на постель бабушки, заёлъ бабушку, а самъ надѣлъ ея платокъ на голову и лёгъ въ постель. Когда Красная Шапочка пришла, она тоже толкнула дверь и волкъ ей сказалъ: подыми, внучка, шеколду. Красная Шапочка вошла, подошла къ постели и сказала: здравствуй бабушка! Отчего у тебя нынче такіе большіе глаза? А волкъ сказалъ: чтобы лучше глядѣть на тебя, внучка. А за чѣмъ у тебя зубы велики, бабушка? — Чтобы тебя загрызть, внучка!.. И волкъ схватилъ Красную Шапочку и заёлъ её. А самъ раздѣлся и ушёлъ опять въ лѣсъ.

Шайка. Сайка. Гайка. Койка. Тайна. Война. Тройка. Двойка. Лейка. Шейка. Чуйка. Копѣйка. Хозяйка. Злодѣйка. Линейка. Скамейка. Шубейка.

Сайки вкусны.
Лейте воду изъ шайки.

Гречиху сѣйте чаще.
Завинти гайку.
Уйди изъ дому.

Я найду ягоду.
Найми кучера.
Дойная корова.
Бойкій конь.

Улейки тонка шейка.
Можетъ быть, и я найду копѣйку.

Зайди къ намъ въ гости.
Уйми собаку.

Зайцу отъ собакъ не уйти.
Тройка бѣжитъ бойко.

Надѣйся на Бога, самъ не плошай.

У Серёжи были три собаки, онъ запрѣгъ ихъ въ телѣгу тройкой и погналъ. Собаки ушли съ телѣжкой и Серёжа ихъ не поймалъ.

Миша просилъ отца сдѣлать ему скамейку, чтобы ѣздить съ горы. Отцу не было времени. А мать дала Мишѣ шайку. Онъ полилъ её водой, сълъ въ неё и скатился.

У Васи было четыре копѣйки. Онъ пришёлъ въ лавку, купилъ сайку и ему дали сдачи копѣйку. Онъ пошёлъ домой. Подайте, Христа ради, сказалъ нищій. Васѣ жалко было дать сайку. Онъ далъ копѣйку. Потомъ ему жаль

стало нишаго. Онъ вер-
нулся и отдалъ сайку.

Къ Машѣ пришли въ
гости дѣвочки пить чай.
Маша была хозяйка и
сѣла за чайный столъ
угощать гостей. Но хо-
зяйка была мала. Она
взяла чайникъ, ручка
была горяча. Маша уро-
нила изъ рукъ чайникъ
и разбила его, и себя и
другихъ обожгла.

Двѣ крысы нашли
яйцо. Хотѣли его дѣ-
лить и ѣсть; но видятъ
летитъ ворона и хотеть
яйцо взять. Стали ду-
мать крысы, какъ яйцо
отъ вороны стащить
нести? не схватишь;
катить? разбить можно.
И рѣшили крысы вотъ
что: одна легла на спи-
ну, схватила яйцо лап-
ками, а другая повезла
её за хвостъ, и нагъ на

саняхъ стащили яйцо
подъполью.

Дѣвочка поймала стре-
козу и хотѣла рвать ей
ноги. Отецъ сказалъ:
эти самыя стрекозы
поютъ по зарямъ. Дѣ-
вочка вспомнила ихъ
пѣсни и пустила.

Мышка вышла гу-
лять. Ходила по двору
и пришла опять къ ма-
тери. Ну, матушка, я
двухъ звѣрей видѣла.
Одинъ страшный, а дру-
гой добрый. Мать ска-
зала: скажи какіе это
звѣри? Мышка сказала:
одинъ страшный хо-
дитъ по двору вотъ
этакъ: ноги у него чер-
ныя, хохоль красный,
глаза на выкатъ, а носъ
крючкомъ. Когда я ми-
мо шла, онъ открылъ
пасть, ногу поднялъ
и сталъ кричать такъ

громко, что я отъ стра-
ха не знала куда уйти.

— Это Пѣтухъ, ска-
зала старая мышь. Онъ
зла никому не дѣлаетъ,
его не бойся. Ну, а дру-
гой звѣрь?

— Другой лежалъ на
солнышкѣ и грѣлся.
Шейка у него бѣлая,
ножки сѣрыя, гладкія,
самъ лижетъ свою бѣ-
лую грудку и хвостикомъ
чуть движетъ, на
меня глядитъ. Старая
мышь сказала: дура,
ты дура. Въдь это самъ
котъ.

Съѣздъ. Въѣздъ. Разъѣздъ. Подъѣмъ. Подъ-
ѣздъ. Отъѣздъ. Объявѣдъ. Съѣмъ. Съѣли. Съю-
тили. Объявили. Въѣхали.

Въ ворота въѣздъ
узкій.

Подъѣздъ къ дому съ
другой стороны.

Въ объѣздъ ближе
ѣхать чѣмъ прямо.

Пошѣлъ разъ левъ
на охоту и взялъ съ со-
бой осла и сказалъ ему:
ты зайдѣ, осѣлъ, въ
лѣсъ и кричи, что есть
мочи, у тебя горло про-
сторно. Какіе звѣри отъ
этого крика пустятся
бѣжать, я тѣхъ поймаю.
Такъ и сдѣлалъ. Осѣлъ
кричалъ, а звѣри бѣжа-
ли, куда попало и левъ
ловилъ ихъ. Послѣ лов-
ли левъ сказалъ ослу:
ну, хвалю тебя, ты ко-
рошо кричалъ. И съ
тѣхъ поръ осѣлъ всё
кричитъ, всё ждѣтъ,
чтобы его хвалили.

Волки съѣли овцу,
а лисицы подѣли ко-
сточку.

Объявили указъ,
не трясѣ яблоноу а
снимаѣ яблоки съѣмомъ.

Надо мазать телѣгу,
дай подъёмъ.

Гости въѣхали на
дворъ.

Пастухи съютили
шалашъ.

Съ горы съѣзжать
надо шагомъ.

Съѣстные припасы
всѣ вышли.

Подъѣзжай ближе къ
дому.

Эти кони парой съѣз-
жены.

Я съѣзжу на два дня
къ дядѣ.

Безъ костей рыбы не
съѣсть.

Съѣлъ бы пирогъ, да
въ печи сжѣтъ.

Ребята ѣздили съ го-
ры. Пришли мужики,
взяли сани, подняли
оглобли. Насѣли полны
сани и пустили подъ
гору. Съѣхали хорошо,
но на концѣ горы сани
пошли въ бокъ и въѣ-

хали въ сугробъ. Му-
жики упали въ снѣгъ.

Волкъ съѣлъ овцу.
Мужики поймали волка
и стали его бить. Волкъ
сказалъ: за то вы меня
мучите, что я сѣръ. Му-
жики сказали: не за то,
что ты сѣръ, а за то,
что ты овцу съѣлъ.

Старикъ сажалъ яб-
лони. Ему сказали: за-
чѣмъ тебѣ эти яблони.
Долго ждать съ этихъ
яблонь плода, и ты не
съѣшь съ нихъ яблочка.
Старикъ сказалъ: я не
съѣмъ, другіе съѣдятъ,
мнѣ спасибо скажутъ.

Былъ у дурака ножъ
очень хорошъ. Сталъ
дуракъ этимъ ножемъ
гвоздь рѣзать. Ножъ
гвоздя не рѣзалъ. Тогда
дуракъ сказалъ: дурень
мой ножъ. И сталъ
этимъ ножемъ жидкій

кисель рѣзать; гдѣ прой-
детъ по киселю ножемъ,
тамъ кисель опять съѣ-
дется. Дуракъ сказалъ:
дурень ножъ и киселя
не рѣжетъ и бросилъ
хорошій ножъ.

Мужикъ сталъ спу-
скать возъ подъ гору
и держалъ крѣпко воз-
жи въ рукахъ. Возжи
лопнули и возъ одинъ
съѣхалъ съ горы. А му-
жикъ держалъ одинъ воз-
жи въ рукахъ и кри-
чалъ: тпру!

Два мужика пошли
вмѣстѣ на охоту. Одинъ
слѣзъ въ оврагъ и кри-
читъ другому: иди сюда,
я медвѣдя поймалъ!—
Тащи его сюда! Да не
втащу!—Такъ самъ иди
сюда!—да не пускаетъ
меня, съѣсть хочетъ.

Овцы ходили подъ лѣ-
сомъ, два ягнѣнка отош-

ли отъ стада. Старая
овца сказала: не шали-
те, ягнята, не долго до
бѣды. А волкъ стоялъ за
кустомъ и сказалъ: не
правда, ягнята, овца
стара, у ней ноги не
ходятъ, такъ ей завид-
но. Бѣгайте одни по
всему полю. Ягнята
такъ и сдѣлали: отошли
отъ стада; а волкъ пой-
малъ ихъ и съѣлъ.

Одинъ Царь строилъ
себѣ дворецъ и передъ
дворцомъ сдѣлалъ садъ.
Но въ самомъ въѣздѣ
въ садъ стояла избуш-
ка и жилъ бѣдный му-
жикъ. Царь хотѣлъ эту
избушку снести, чтобы
она садъ не портила и
послалъ своего минист-
ра къ бѣдному мужику,
чтобы купилъ избуш-
ку. Министръ пошелъ
къ мужику и сказалъ:
ты счастливъ. Царь

хочетъ твою избушку
купить. Онадесятируб-
лей не стоитъ, а Царь
тебѣ сто даётъ. Мужикъ
сказалъ: нѣтъ, я избуш-
ку за сто рублей не
продамъ. Министръ ска-
залъ: ну такъ Царь двѣ-
сти даётъ. Мужикъ ска-
залъ: ни за двѣсти, ни
за тысячу не отдамъ.
Мой дѣдъ и отецъ въ
избушкѣ этой жили и
померли и я въ ней старъ
сталъ и умру, Богъ
дастъ. Министръ по-
шёлъ къ Царю и ска-
залъ: мужикъ упрямъ
ничего не берётъ. Не
давай же Царь мужику
ничего, а вели снести
избушку даромъ. Вотъ
и всё.

Царь сказалъ: нѣтъ,
я этого не хочу. Тогда
министръ сказалъ: какъ
же быть! Развѣ можно
противъ дворца, гнилой
избушкѣ стоять. Всякій
взглянетъ на дворецъ,
скажетъ: хорошъ бы
дворецъ, да избушка
портитъ. Видно, ска-
жетъ у Царя денегъ не
было избушку купить;
а Царь сказалъ: нѣтъ,
кто взглянетъ на дво-
рецъ, тотъ скажетъ:
видно у Царя денегъ
много было, что такой
дворецъ сдѣлалъ; а
взглянетъ на избушку,
скажетъ: *видно въ Ца-
рѣ этомъ и правда
была.*

Оставь избушку.

Ружьё. Копьё. Бѣльё. Семья. Житьё. Ульи.
Друзья. Ручьи. Бадья. Келья. Ружья. Листья.
Дарья. Сучья. Стулья. Веселье. Колья. Братья.
Счастье. Кушанья. Демьянъ. Деревья. Вьюшка.

Вовсѣмъ воля Божія.
Моё ружьё бѣётъ
далеко.

Бѣльё взяливъ мытьё.
Волчьи ягоды не съ-
добны.

Наша семья мала.
Дарья и Марья ста-
ли друзья.

Въ печи закрыли
вьюшки.

Иванъ бѣётъ лошадь
плетью.

Демьянъ нынче былъ
пьянъ.

Я шью по сукну
шерстью.

Я пью изъ бодиводу.
Петръ своимъ ружь-

ёмъ убѣётъ зайца.

Пастухъ ночью вѣтъ
кнутъ.

Знаетъ кошка, чѣмъ
со събла.

Своя семья самые
вѣрные друзья.

Кукушка не вѣтъ
своего гнѣзда.

Одинъ льётъ, другой
пьётъ, третій растётъ
(дождь, земля, трава).

Живой мертвого
бѣётъ, а мертвый гром-
ко поётъ, (колоколь и
языкъ колокола).

Что краше свѣта? Что
выше лѣса? Что чаще
лѣса? Что безъ коренья?
Чего мы не знаемъ?

— Краше свѣта — крас-
но солнце.

Выше лѣса — свѣтель
мѣсяць.

Чаще лѣса — часты
звѣзды.

А не знаемъ — Божьей
воли.

Петя игралъ плетью
и сталъ бить собаку.

Мать сказала: зачѣмъ
ты бьёшь собаку, она

уйдётъ и ночью некому
насъ стеречь будетъ.

Мать съ дочерью до-
стали бадью воды и хо-

тѣли несть въ избу. Дочь сказала: тяжело нести, дай я воды солью немного. Мать сказала: сама дома пить будешь, а если сольнешь надо будетъ идти въ другой разъ. Дочь сказала: я дома не буду пить, а тутъ на весь день напиюсь.

Ребята сдѣлали себѣ веселье. Они сошлись у ручья, принесли камень и склади ихъ въ ручьѣ. Смазали камень глиной и сталъ прудокъ. Изъ прудка пошла вода струйкой. Подъ струйку ребята подвели колесо. Вода вертѣла колесо.

Мужикъ пошелъ косить луга и заснулъ, а Счастье ходило по свѣту. Подошло Счастье къ мужику и сказало: вотъ

онъ вмѣсто работы спитъ, а потомъ не сбереетъ сѣно за погоду на меня на Счастье скажетъ. Скажетъ: мнѣ счастья нѣтъ.

Хозяинъ хотѣлъ вывести въ своемъ огородѣ репы и каждый день ходилъ ихъ дергать и бросать, но когда онъ дергалъ репы, то онъ ихъ собиралъ на своё платье. Потомъ когда бросалъ ихъ на землю, на томъ мѣстѣ, гдѣ падали старые репы, выросали новые.

Кобыла ходила день и ночь въ полѣ, не пахала, а конь кормился ночью, а днемъ пахалъ. Кобыла и говоритъ коню: зачѣмъ ты пахнешь? Я бы на твоёмъ мѣстѣ не пошла. Онъ бы меня плетью, а я бы его по-

гою.— На другой день конь такъ и сдѣлалъ. Мужикъ видитъ, что конь сталъ упрямъ, запрегъ съ соху кобылу.

Спорилъ одинъ мужикъ съ другимъ, что много выпить можетъ.

Онъ сказалъ: я всё море выпью.— А не можешь.— Выпью! Объявлю закладъ! Бьюсь объ закладъ на тысячу рублей, что всё море выпью. На утро пришли къ мужику: что жъ, иди море пить или давай тысячу рублей! А онъ сказалъ: я брался море выпить и выпью море. Но я рѣкъ всѣхъ не брался пить. Прудите рѣки и ручьи, чтобъ вода въ море не текла, тогда я море выпью.

Худой волкъ ходилъ подлѣ деревни и встрѣтилъ жирную собаку.

Волкъ спросилъ у собаки: скажи, собака, откуда вы кормъ берёте. Собака сказала: люди намъ даютъ.

— Вѣрновы трудную людямъ службу служите.

Собака сказала: нѣтъ, наша служба не трудная. Дѣло наше — по ночамъ дворъ стеречь.

— Такъ только за это васъ такъ кормятъ, сказалъ волкъ. Это я бы сейчасъ въ вашу службу пошелъ, а то намъ волкамъ трудно корма достать.

— Что жъ, иди, сказала собака. Хозяинъ и тебя также кормить станетъ.

Волкъ былъ радъ и пошелъ съ собакой къ людямъ служить. Сталъ уже волкъ въ ворота входить, видитъ онъ что у собаки на шеѣ шерсть стёрта. Онъ сказалъ:

А это у тебя, собака, отъ чего?

— Да такъ, сказала собака.

— Да что такъ?

— Да такъ, отъ цѣпи. Днёмъ вѣдь я на цѣпи сижу, такъ вотъ цѣ-

Львы. Лды. Тьма. Лны. Кольца. Деньги. Свадьба. Вѣдьма. Синька. Пенька. Бѣльмо. Кульки. Крыльцо. Серьги. Пальто. Коньки. Рѣдька. Люлька. Шпилька. Мальчикъ. Мельница.

У меня только мѣдныя деньги.

Моему пальцу больно.

Моё кольцо тоньше вашего.

Дуньку послали въ пуньку.

У насъ будетъ свадьба, мнѣ нельзя ѣхать.

Ванька надѣлъ коньки и бѣгалъ по льду.

Блади въ воду больше синьки.

Танькѣ продѣли серьги и ей не было больно.

пью и стёрло немного шерсть на шеѣ. Ну такъ прощай, собака, скажаль волкъ. Не пойду къ людямъ жить. Пускай не такъ жиренъ буду, да на волѣ.

Привезли сельди въ кулькѣ.

Про вѣдьмъ только слышать, а никто ихъ не видитъ.

Изъ пеньки и льну дѣлаютъ полотно.

Что дальше въ лѣсъ, то больше дровъ.

Львы сильны, но не злы.

Шѣлъ отецъ съ семьёю дѣтьми, одинъ другаго меньше.

Дали Петькѣ рѣдьку, она была горька.

Дарю тебѣ это кольцо и серьги.

Въ люлькѣ спалъ Сенька.

Заря деньгу даётъ. Раньше встанешь больше дня.

Два кольца, два конца, по середкѣ гвоздь. (Ножницы).

Ѣхаль съ базара мужикъ съ сыномъ Ванькой; мужикъ заснулъ въ телѣгѣ, а Ванька взялъ возжи и кнутомъ махаль. На встрѣчу шли воза. Ванька кричить: «держи правѣй! Задавле!» А мужикъ съ возомъ сказаль: не великъ сверчокъ, а слышно кричить.

Хотѣла галка пить. На дворѣ стоялъ кувшинъ съ водой, а въ кувшинѣ была вода только на днѣ. Галкѣ

нельзя было достать. Она стала кидать въ кувшинъ камушки и столько наклала, что вода стала выше и можно было пить.

У одной женщины былъ болѣе старшій сынъ. Отцу жалко было старшаго, онъ сказаль: лучше бы умеръ меньшей. А мать сказала: всё равно, какой палецъ ни укуси, всё больно.

Митька набралъ столько грибовъ, что ему нельзя было всё донести домой. Онъ сложилъ ихъ въ лѣсу. На зарѣ Митька пошѣлъ взять грибы. Грибы унесли и онъ сталъ плакать. Мать ему сказала: что плачешь? Или наши лепѣшки побили коньки? Тогда Митькѣ стало смѣшно, онъ теръ по лицу слезы и самъ смѣялся.

Пропали деньги у мужика и не могли найти вора. Сошлись мужики и стали судить: какъ узнать у кого деньги. Одинъ мужикъ сказалъ: а я знаю такое слово, что у вора шапка будетъ горѣть. Только смотрите, сейчасъ будетъ на ворѣ шапка горѣть. Одинъ мужикъ взялся за шапку и всѣ узнали, что онъ былъ воръ.

Пришелъ разъ ёжъ къ ужу и сказалъ: пусти меня, ужъ, въ своё гнѣздо на время. Ужъ пустилъ. Только какъ залѣзъ ёжъ въ гнѣздо, не стало житья ужатамъ отъ ежа. Ужъ сказалъ ежу: „Я пустилъ тебя только на время, а теперь уходи, ужата мои всё колятся о твоей иглы и имъ больно“. Ежъ ска-

заль: „Тотъ уходи, кому больно, а мнѣ и тутъ хорошо.“

Плыли рыбаки въ лодкѣ. И стала буря. Имъ стало страшно. Они вѣсла бросили и стали молить Бога, чтобы Онъ ихъ спасъ. Лодку несло по рѣкѣ всё дальше отъ берега. Тогда одинъ старшій рыбакъ сказалъ: что вѣслы бросили? Богу то молись, а къ берегу гребись.

Въ одномъ домѣ жили на верху богачъ баринъ, а внизу бѣдный портной. Портной за работой всё пѣлъ пѣсни и мѣшалъ барину спать. Баринъ далъ портному мѣшокъ денегъ, чтобы онъ не пѣлъ. Портной сталъ богатъ и всё стерѣгъ свои деньги, а пѣть ужъ не сталъ. И стало

ему скучно, онъ взялъ деньги и снёсъ ихъ назадъ барину и сказалъ: возьми свои деньги назадъ, а мнѣ ужъ позволю пѣсни пѣть, а то на меня напала тоска.

Заѣли лисицу блохи. Она и вздумала какъ блохъ извести. Пришла къ рѣкѣ и стала съ кончика спускать свой хвостъ въ рѣку. Блохи съ хвоста прыгали ей на спину. Она стала и заднія ноги спускать въ воду. Блохи прыгали ей всё выше на спину, на шею и на голову. Она еще глубже ушла

въ воду, такъ, что только одна голова была видна. Блохи всѣ сошлись у ней на мордочкѣ. Тогда лисица нырнула въ воду. Блохи соскочили на берегъ, а лисица вышла изъ воды въ другомъ мѣстѣ. Волкъ видѣлъ это и хотѣлъ сдѣлать лучше. Волкъ сразу прыгнулъ въ рѣку, нырнулъ глубоко и долго сидѣлъ подъ водой; онъ думалъ, что блохи всѣ на немъ помрутъ. Вышелъ изъ воды, а блохи всѣ на немъ отжили и стали его кусать.

Денникъ. Ссора. Ссадина. Поддѣвка. Оттепель. Вводъ. Ванна. Дрожжи. Суббота. Россія. Анна. Жжетъ. Вверху.

Сонную собаку не буди.

Жарь всю траву сожжётъ.

Баннѣй вѣникъ лежить на полу.

Жуки жужжать. Оттаци прочь брѣвна.

Столъ затрѣся.

На дворѣ оттепель.

Беззубая корова плохо ѣсть сѣно.

Въ денникѣ стоитъ конь.

Рыбаки плыли вверхъ по рѣкѣ.

Вчера ввечеру невѣсту ввели въ домъ, и весь народъ ввалился въ избу на неё смотрѣть.

Рада бы курица на свадьбу не итти, да за крыло сволокли.

Съ году на годъ беззубая старушка Маврушка кости жуётъ. (Мялка, чѣмъ лёнъ мнутъ).

Въ субботу ввечеру у Кати и Вари была ванна. Вышла у нихъ ссора, кому прежде влѣзть.

Пришла мать и сказала: сядьте вмѣстѣ.

Мужуку съ возомъ надо было ѣхать черезъ

рѣку. Черезъ рѣку ходилъ паромъ. Мужикъ отпрѣгъ лошадь и свѣзъ телѣгу на паромъ; но лошадь была упряма и не хотѣла итти на паромъ. Мужикъ тащилъ её изъ всѣхъ силъ за поводъ и не могъ ввести на паромъ, потомъ онъ сталъ толкать её сзади; но не могъ ссунуть съ берега. Тогда онъ вздумалъ тащить её за хвостъ прочь отъ воды. Лошадь была упряма и пошла не туда, куда её тащили, и вошла на паромъ.

Червь дѣлалъ шёлкъ, а паукъ дѣлалъ свои нитки и смѣялся надъ червёмъ. Твоя работа тихая, смотри я сколько сдѣлалъ и какія длинныя мои нитки. Червь сказалъ: нитки твои длинны то длин-

ны, да толку въ нихъ нѣтъ, а за мои золото платятъ.

Два рыбака тянули неводъ. Когда стало тяжело, одинъ сказалъ: неводъ не хорошъ; другой сказалъ: нѣтъ неводъ хорошъ, но ты слабо тянешь. И стала у нихъ ссора. Пока спорили рыба вся ушла.

Бѣлка прыгала съ вѣтки на вѣтку и упала прямо на соннаго волка. Волкъ вскочилъ и хотѣлъ её съѣсть. Бѣлка стала просить: пусти меня. Волкъ сказалъ: хорошо, я пушу тебя, только ты скажи мнѣ отчего вы, бѣлки, такъ веселы. Мнѣ всегда скучно, а на васъ смотришь, вы тамъ вверху всё играете и прыгаете. Бѣлка сказа-

ла: „пусти меня прежде на дерево, я оттуда тебѣ скажу, а то я боюсь тебя.“ Волкъ пустилъ, а бѣлка ушла на дерево и оттуда сказала: тебѣ оттого скучно, что ты золъ. Тебѣ злость сердце жжетъ. А мы веселы оттого, что мы добры и никому зла не дѣлаемъ.

Пришла важная мышь изъ города къ простой мыши. Простая мышь жила въ полѣ, и дала своей гостѣ, что было, гороха и пшеницы. Важная мышь погрызла и сказала: „оттого ты и худа, что житьё твоё бѣдное, приходи ко мнѣ, посмотри какъ мы живёмъ“.

Вотъ пришла простая мышь въ гости. Дождались подъ поломъ ночи. Люди поѣли и ушли. Важная мышь ввела

изъ щели свою гостью въ горницу и обѣ влѣзли на столъ. Простая мышъ никогда не видала такой бды и не знала за что взяться. Она сказала: твоя правда, наше житьё плохое. Я перейду, также въ городъ жить. Только она сказала это, затрясся столъ и въ двери вошёлъ чедовѣкъ со свѣчкой и сталъ ловить мышей. На силу онѣ ушли въ щелку. „Нѣтъ“, говоритъ полевая мышъ, „мое житьё въ полѣ лучше. Хоть у меня сладкой бды и нѣтъ, да зато я и страха такого не знаю“.

Лягушка и мышъ завели ссору. Вышли на рынок и стали драться. Ястребъ видитъ, что онѣ о нёмъ забыли, спустился и схватилъ обѣихъ.

Жила мышъ въ полѣ у рѣки и пришла она къ другой мыши въ гости въ домъ. Поѣли они въ домъ. Гостыя и спросила пить. Хозяйка повела гостью къ ведру. А у ведра была пролита вода. Вотъ тутъ напейся. Рѣчная мышъ вздернула носикъ и сказала: ну ужъ житьё! Когда я у себя пить захочу, я прямо къ рѣкѣ иду, изъ всей рѣки пью вволю. А та мышъ сказала: здѣсь вода всё та же, а и тамъ больше того не выпьешь, что тебѣ въ брюхо войдѣтъ.

Мать и дочь ея Анночка. У одной женщины умерла дѣвочка Анночка. Мать съ горя не пила, не ѣла и три дня и три ночи плакала. На третью ночь мать уснула. И видитъ мать во снѣ, что

будто Анночка вошла къ ней и въ рукѣ держитъ кружечку. Что ты Анночка? И зачѣмъ у тебя кружечка? А я въ эту кружечку, мамочка, всё твои слёзы собрала. Видишь кружечка верхомъ полна. Не плачь больше. Если ты еще по мнѣ плакать будешь,

Иисусъ. Ааронъ. Вообще. Сообща. Приищи. Свѣтлѣе. Живѣе. Гуляя. Стрѣлая. Синяя. Синюю. Митяя

Ааронъ былъ братъ Моисея.

Приищи такихъ друзей, чтобы у нихъ всё съ тобой было сообща.

Я гуляя дошёлъ до лѣса.

Дай мнѣ синюю ленту. Я съѣлъ дурную ягоду и все плюю.

У дяди Митяя была карая лошадь очень хороша. Узнали воры про карую лошадь и взду-

то лишнія слёзы черезъ край на землю падутъ и тогда мнѣ на томъ свѣтѣ дурно будетъ. Мнѣ теперь хорошо тамъ.

Мать съ тѣхъ поръ больше не плакала по своей дѣвочкѣ.

Она рада была, что ей хорошо на томъ свѣтѣ.

мали её украсть. Пришли они ночью и влѣзли на дворъ. А въ тотъ вечеръ мужикъ привёлъ медвѣдя и сталъ на ночь у дяди Митяя. Дядя Митяй пустилъ мужика въ избу, вывелъ карую лошадь на дворъ, а медвѣдя пустилъ въ денникъ, гдѣ стояла карая лошадь. Воры ночью вошли въ денникъ и стали щупать. Медвѣдь

всталъ и схватилъ вора. Воръ отъ страха заоралъ во всю мочь. Дядя Митяй вышелъ и поймалъ воровъ.

Сталъ левъ старъ и пришла ему смерть. Пришли всѣ звѣри и стали вокругъ льва. Звѣрямъ было жутко и жалко, они стояли всѣ молча. Пришелъ, глупая голова, осёлъ и сталъ плевать на льва, онъ сказалъ: я тебя прежде боялся, а теперь не боюсь, плюю на тебя. Звѣри взяли и убили осла.

Сидѣла птичка на вѣткѣ, а внизу было на травѣ сѣмя. Птичка сказала: дай я поклюю. Слетѣла на сѣмя и попала въ сѣть. За что я пропала? сказала птичка, ястребы живыхъ птицъ ловятъ и все имъ ничего, а я за одно сѣмячко погибла.

Стало у мужика много мышей. Онъ взялъ въ домъ кошку, чтобы она ловила мышей, а кошка думала, что её затѣмъ вляли, чтобы она сама стала жирна. Кошка и стала ѣсть кости и молоко и стала жирна и гладка. И не стала больше кошка мышей ловить. Она думала: пока я была худа и шаршава, я боялась, чтобы меня не прогнали, а теперь я стала гладка и красива и мужикъ не прогнать меня. Другую кошку онъ не скоро справить, какъ меня. А мужикъ видитъ, что кошка не ловитъ мышей и говоритъ женѣ: кошка наша не годится, приищи котѣнка худаго. Взялъ жирную кошку, вынесъ въ лѣсъ и бросилъ.

Перепелъ. Перепѣлка. Перепѣлочка. Цыпленокъ. Колокольня. Колокольчикъ. Конопляникъ. Набережная. Подберезникъ. Подосиновичекъ. Коробочники. Воскресенье. Наконечники. Виноградникъ. Черезъсѣдльникъ. Землетрясение. Книгопечатаніе. Хлебобашество. Золотошвейная. Путешествіе. Путешественники.

Нужда и по воскреснымъ днямъ постится.
Незамороженная рѣка не держитъ. Непаханное поле нельзя сѣять.

Морскихъ топить море, а сухопутныхъ горе.
Не будетъ пахатника не будетъ и бархатника.
На всякое чиханье не наздравствуешься.

*Материнская молитва со сна моря поднимается,
Сказанное слово серебрянное, а не сказанное золотое.*

Приѣхалъ купецъ на постоялый дворъ и спросилъ объѣдать. Хозяйка ему рассказывала, кто къ ней заѣзжалъ, а объѣдать все не давала. Купецъ разсердился и говоритъ: у тебя есть что слушать, да нечего кушать.

Два человѣка на улицѣ нашли вмѣстѣ книгу и стали спорить, кому ее взять. Третій шелъ мимо и спросилъ: кто изъ васъ умѣетъ читать? — Никто. — Такъ зачѣмъ вамъ книга? Вы спорите все равно, какъ два плѣшивыхъ дрались за гребень, а самимъ чесать нечего было.

Волкъ убѣгалъ отъ собакъ и хотѣлъ спрятаться въ водомоину. А въ водомоинѣ сидѣла лисица, она оскалила зубы на волка и сказала: не пуцуй тебя — это мое мѣсто. Волкъ не сталъ спорить, а только сказалъ: если бы собаки не были такъ близко, я бы тебѣ показалъ, чье это мѣсто, а теперь видно твоя правда.

Мать отдала дочь замужъ и приказывала ей слушаться всѣхъ въ мужниномъ домѣ. По утру свекровь послала молодку за водой; молодка спросила: въ чемъ воду носить? Невѣстка въ

шутку сказала: рѣшетомъ. Молодая взяла рѣшето и пошла за водой. Мужикъ увидалъ и спросилъ: зачѣмъ она такъ плуцо дѣлаетъ. Мнѣ такъ велѣли. Ну, видно добрыхъ людей слушаться—рѣшетомъ воду носить.

Орель ухвативъ у лисицы лисененка и хотѣлъ унести. Лисица стала просить, чтобы онъ пожалѣлъ ее. Орель не пожалѣлъ ее. Онъ подумалъ: что она мнѣ сдѣлаетъ? Гнѣздо у меня высоко на соснѣ. Она не достанетъ до меня. И унесъ лисененка. Лисица побѣжала въ поле, достала у людей головешку съ огнемъ и принесла подъ сосну. Она хотѣла зажигать сосну; но орель сталъ просить прощенья и принесъ ей назадъ лисененка.

У одной обезьяны были два дѣтеныша. Одного она любила, а другаго нѣтъ. Погнались разъ за обезьяной люди. Она ухватила любимаго дѣтеныша и побѣжала съ нимъ, а нелюбимаго бросила. Нелюбимый дѣтенышъ залѣзъ въ чашу лѣса, люди не примѣтили его, пробѣжали мимо. А обезьяна вскочила на дерево, да второпяхъ ударила головой объ сукъ любимаго дѣтеныша и убила его. Когда люди ушли, обезьяна пошла искать нелюбимаго дѣтеныша, но и его не нашла и осталась одна.

Выбрали разъ звѣри себѣ обезьяну въ начальники. Лисица пришла къ обезьянѣ и говорить: ты теперь у насъ начальникъ, я тебѣ служить хочу: я нашла въ лѣсу кладъ; пойдемъ, я тебѣ покажу. Обезьяна обрадовалась и пошла за лисицей. Лисица привела обезьяну къ капкану и говорить: вотъ здѣсь, возьми сама, а я до тебя трогать не хотѣла. Обезьяна засунула лапы въ капканъ и попалась: Тогда лисица побѣжала, призвала всѣхъ звѣрей и показала имъ обезьяну. Посмотрите, говорить, какого вы начальника выбрали! Видите, у нее ума нѣтъ, она въ капканъ попала.

Пришли неприятельскіе солдаты въ чужую землю. Народъ сталъ разбѣгаться. Одинъ мужикъ побѣжалъ въ поле за своею лошадыю и сталъ ловить ее. Лошадь не давалась мужику. Мужикъ и говорить ей: глупая, не дашься мнѣ, такъ тебя неприятели возмутъ. А лошадь говорить: а что неприятели со мною дѣлать будутъ? Мужикъ говорить; известно, вонять заставятъ. А

лошадь говорить: а у тебя развѣ я не вожу? Стало быть, мнѣ все одно, что на тебя, что на неприятелей твоихъ работать.

Разговорились кошка съ лисицею, какъ отъ собакъ отдѣлываться. Кошка говорить: я собакъ не боюсь, потому, что у меня отъ нихъ одна уловка есть. А лисица говорить: какъ можно съ одной уловкой отдѣлаться отъ собакъ. У меня такъ семьдесятъ семь уловокъ и семьдесятъ семь увертокъ есть. Пока онѣ говорили, наѣхали охотники и наѣжали собаки. У кошки одна уловка: она вскочила на дерево, и собаки не поймали ее; а лисица начала свои увертки дѣлать, да не увернулась, собаки поймали ее.

Была свинья и у ней было пятнадцать бѣленькихъ поросеночковъ. Всѣ были послушны, одинъ только пестрый поросеночекъ ослушивался матери. Мать не приказывала ему отходить отъ себя, а онъ все отбивался. Разъ непослушный поросеночекъ забѣжалъ далеко. Свинья разсердилась на него и говорить: уйду я подальше, онъ испугается и впередъ не будетъ ослушиваться. Только она отошла, слышитъ сзади поросеночекъ повизгиваетъ, ее отыскиваетъ. Ей стало жаль поросеночка, она повернулась назадъ, хотѣла его взять съ собою. Вдругъ услышала—онъ визжитъ. Прибѣжала свинья къ тому мѣсту, гдѣ былъ поросеночекъ, а его уже нѣтъ, только забрызгана земля кровью, и волчи слѣды по пыли видныются.

Орель свиль на деревѣ гнѣздо и вывелъ орлятъ. А подъ деревомъ дикая свинья вывела поросятъ. Орель леталъ на добычу и ворочался къ своимъ орлятамъ, а свинья копала около дерева и ходила въ лѣсъ, а къ ночи приносила кормъ своимъ поросятамъ. И жили орель съ свиньей въ дружбѣ. Задумалъ котъ погубить орлятъ и поросятъ. Пришелъ онъ къ орлу и говорить: ты, орель, не летай далеко. Посматривай за свиньей. Она затѣяла плохое дѣло: хочеть дерево съ кореньями подрить. Видишь, она все копаетъ. Потомъ пошелъ котъ къ свиньѣ и говорить: не хорошъ у тебя, свинья, сосѣдъ. Вчера я слышалъ, орель говорилъ своимъ орлятамъ: ну, орлятушки, угощу васъ скоро поросятинкой. Вотъ дай только она уйдетъ, принесу вамъ молочнаго поросеночка покушать.

Съ тѣхъ поръ пересталъ орелъ летать за добычею, а свинья не ходила больше въ лѣсъ. Подошли съ голода и орлята и поросята и котъ поѣлъ ихъ.

Мужикъ нашель дорогой камень и понесъ къ Царю, пришелъ во дворець и сталъ спрашивать у царскихъ слугъ: какъ бы Царя увидать. Одинъ царскій слуга спросилъ: зачѣмъ ему Царя. Мужикъ рассказалъ. Слуга и говоритъ: хорошо я скажу Царю, но только отдай мнѣ половину того, что тебѣ дастъ Царь. А если не обѣщаешь, то не допущу тебя до Царя. Мужикъ обѣщаль, слуга доложилъ Царю. Царь взялъ камень и говоритъ: какую тебѣ, мужикъ, награду дать? Мужикъ говоритъ: дай мнѣ пятьдесятъ плетей: не хочу другой награды. Только у меня съ твоимъ слугою уговоръ былъ, чтобы пополамъ дѣлить награду. Такъ мнѣ двадцать пять и ему двадцать пять. Царь посмѣялся и прогналъ слугу, а мужику далъ тысячу рублей.

Пропаль у богатаго кушца кошелекъ съ деньгами, и объявилъ купецъ, что было въ кошелькѣ двѣ тысячи рублей, и обѣщаль половину отдать тому, кто найдетъ деньги. Работникъ нашель кошелекъ и принесъ къ купцу. Купцу жаль было отдать обѣщанную половину. Онъ придумаль, что будто у него кромѣ денегъ, въ кошелькѣ еще дорогой камень былъ, и говоритъ: я не отдамъ денегъ. Въ кошелькѣ былъ дорогой камень. Отдай мнѣ камень, тогда отдамъ тысячу рублей. Работникъ пошелъ къ судѣ. Судья разсудилъ такъ: онъ сказалъ купцу: ты говорилъ, что въ кошелькѣ было двѣ тысячи рублей и еще камень дорогой. А въ этомъ кошелькѣ нѣтъ камня, значитъ кошелекъ этотъ не твой. Пускай же этотъ кошелекъ съ деньгами останется у работника, пока ихъ хозяинъ найдется, а ты объяви о своей пропажѣ, можетъ она и найдется. Купецъ не сталъ спорить и отдалъ работнику тысячу рублей.

Былъ одинъ богатый, скупой челоуѣкъ. Денегъ у него было много, а ему все мало было. И рядомъ съ скупымъ, завистливый челоуѣкъ. Завистливому самому ничего не нужно было. Пришла къ этимъ двумъ людямъ волшебница и говоритъ имъ: просите чего хотите, чего пожелаете,—то сдѣлается, только пусть просить

одинъ изъ двоихъ. А чего одинъ просить, того другому дамъ вдвое.

Скупой и подумаль: пускай сосѣдъ просить. Онъ просить богатства, а мнѣ вдвое будетъ. А завистливый подумаль: чего бы я не попросилъ, сосѣду вдвое будетъ. Такъ дай-же, я попрошу того, чему онъ не радъ будетъ. И завистливый попросилъ, чтобы у него у самого одинъ глазъ лопнулъ; такъ и сдѣлалось; завистливый обривѣлъ, а скупой совсѣмъ ослѣпѣлъ.

Тетеревъ сидѣлъ на деревѣ. Лисица подошла къ нему и говоритъ: здравствуй, тетеревочекъ мой дружечекъ, какъ услышала твой голосочекъ, такъ и пришла тебя провѣдать. Спасибо на добромъ словѣ, сказалъ тетеревъ. Лисица притворидась, что не разслышитъ и говоритъ: что говоришь? не слышу. Ты бы тетеревочекъ мой дружечекъ, сошелъ на травушку погулять, поговорить со мной, а то я съ дерева не разслышу. Тетеревъ сказалъ: боюсь я сходить на траву. Намъ птицамъ, опасно ходить по землѣ.

Или ты меня боишься? сказала лисица. Не тебя такъ другихъ звѣрей, боюсь, сказалъ тетеревъ. Всякіе звѣри бываютъ.

Нѣтъ, тетеревочекъ мой дружечекъ, нынче указъ объявленъ, чтобы по всей землѣ миръ былъ. Нынче ужъ звѣри другъ друга не трогаютъ. Вотъ это хорошо, сказалъ тетеревъ, а то вотъ собаки бѣгутъ, кабы по старому, тебѣ бы уходить надо, а теперь тебѣ бояться нечего. Лисица услышала про собакъ, наострила уши и хотѣла бѣжать. Куда-жъ ты? сказалъ тетеревъ, вѣдь нынче указъ, собаки не тронуть. А кто ихъ знаетъ! сказала лисица, можетъ онъ указа не слышала. И убѣжала.

Н о ш а. (Басня)

Въ Москву послѣ Француза пришли два мужика — искать богатства. Одинъ былъ умный, другой глупый. Они вмѣстѣ пришли на пожарище и нашли обгорѣлую шерсть. Они сказали: пригодится для дома. Связали сколько могли унести и понесли домой. На дорогѣ, на улицѣ, они увидали, лежитъ подъ рогами сукно. Умный мужикъ сбросилъ шерсть, связалъ сукна, сколько могъ

донести, и свалили на плечи. Глупый сказал: за чѣмъ бросать шерсть. Она увязана хорошо и на плечахъ хорошо держится и не вьдѣт сукна. Они пошли дальше и увидали: на дорогѣ лежатъ выброшенные платья. Умный мужикъ свалилъ сукно, завязалъ платья и свалили на плечи. Глупый сказал: зачѣмъ бросать шерсть, она хорошо увязана и крѣпко держится на плечахъ. Они пошли дальше и увидали лежить посуда серебряная. Умный бросилъ платья и собралъ, сколько могъ, серебра и понесъ; а глупый не снялъ шерсти, потому что она хорошо увязана и крѣпко держится. Еще дальше на дорогѣ, увидали они, лежить золото. Умный бросилъ серебро и поднялъ золото, а глупый сказал: къ чему снимать шерсть. Она хорошо увязана и крѣпко на плечахъ держится. И они пошли домой. На дорогѣ ихъ засталъ дождь и такъ намочилъ шерсть, что глупый бросилъ и пришелъ домой ни съ чѣмъ, а умный принесъ золото и сталъ богатъ.

Большая печка. (Басня.)

У одного человѣка былъ большой домъ, а въ дому была большая печь; а семья у этого человѣка была небольшая: только самъ, да жена. Когда пришла зима, сталъ человѣкъ топить печь и сжегъ въ одинъ мѣсяцъ всѣ свои дрова. Нечѣмъ стало топить, а холодно. Тогда человѣкъ сталъ ломать дворъ и топить дѣсомъ изъ разломаннаго двора. Когда онъ сжегъ весь дворъ, въ домѣ безъ защиты стало еще холоднѣе, а топить нечѣмъ. Тогда онъ влѣзъ, разломалъ крышу и сталъ топить крышей: въ домѣ стало еще холоднѣе, — а дровъ нѣту. Тогда человѣкъ сталъ разбирать потолокъ изъ дома, чтобы топить имъ. Сосѣдъ увидалъ, какъ онъ потолокъ разворачиваетъ и говорить ему: что ты, сосѣдъ, или съ ума сошелъ? — Зимой потолокъ раскрываешь! Ты и себя и жену заморозишь! А человѣкъ говоритъ: нѣтъ братъ, я вѣдѣю за тѣмъ и потолокъ поднимаю, чтобы мнѣ печку топить. У насъ печь такая, что чѣмъ больше топлю, то холоднѣе становится. Сосѣдъ засмѣялся и говоритъ: ну, а какъ потолокъ сожжешь, тогда домъ разбирать будешь? Жить негдѣ будетъ, останется одна печь, да и та остынетъ.

Такое мое несчастіе, сказалъ человѣкъ. У всѣхъ сосѣдей дровъ на всю зиму хватило, а я дворъ и половину дома сжегъ и то не достало. Сосѣдъ сказалъ: тебѣ надо только печку перѣдѣлать. А человѣкъ сказалъ: знаю я, что ты моему дому и моей печкѣ завидуешь за то, что она больше твоей, затѣмъ и не велишь ломать; и не послушался сосѣда и сжегъ потолокъ и сжегъ домъ и пошелъ жить къ чужимъ людямъ.

Находка. (Былъ.)

Въ одной деревнѣ жила старушка съ внучкой. Онѣ были очень бѣдны и вѣтъ имъ было нечего. Пришло Свѣтло Христова Воскресенья. Народъ радуется. Всѣ кушили себѣ разговѣться, только старушкѣ съ внучкой нечѣмъ разговѣться. Плакали онѣ и стали Бога просить, чтобы Онъ имъ помогъ. И вспомнила старушка, что встарину, во время француза, мужики деньги въ землю зарывали. Старушка и говоритъ внучкѣ: „возьми ты, внучка, лопату и иди на старое сѣлище; помолись Богу, да порой въ землѣ, можетъ Богъ намъ и пошлетъ что нибудь. Внучка и думаетъ: какъ можно кладъ найти. Ну да сдѣлаю, какъ бабушка велитъ. Взяла лопату и пошла. Вырыла она яму и думаетъ: будетъ, порылась, пойду домой. Хотѣла подымать лопату, слышитъ — обо что-то лопата стукнула. Она нагнулась, видитъ кубышка большая. Потрясла ее, что-то звенитъ. Она бросила лопату, побѣжала къ бабушкѣ, кричитъ: бабушка, кладъ нашла! Открыли кубышку, въ ней полно серебряныхъ, рубленыхъ копѣчекъ. И бабушка съ внучкой купили себѣ къ празднику, чѣмъ разговѣться и корову купили и благодарили Бога, что Онъ услышалъ ихъ молитву.

Дѣвочка и разбойники. (Сказка.)

Одна дѣвочка стерегла въ полѣ корову. Пришли разбойники и увезли дѣвочку. Разбойники привезли дѣвочку въ шѣсь въ домъ и велѣли ей стряпать, убирать и шить. Дѣвочка жила у разбойниковъ, работала на нихъ и не знала, какъ уйти. Когда разбой-

ники уходили, они запирали дѣвочку. Разъ ушли все разбойники и оставили дѣвочку одну. Она принесла соломѣ, сдѣлала изъ соломѣ куклу, надѣла на нее свои платя и посадила у окна. А сама вымазала медомъ, вывалялась въ перьяхъ, и стала похожа на страшную птицу. Она выскочила въ окно и побѣжала. Только что она вышла на дорожку, видитъ на встрѣчу ей идутъ разбойники. Разбойники не узнали ее и спросили: „чучело, что наша дѣвочка дѣлаетъ?“ А дѣвочка и говорить:

„Она моетъ, готовитъ и шьетъ, у окна разбойничковъ ждетъ.“ И сама еще скорѣе побѣжала.

Разбойники пришли домой и видятъ у окна кто-то сидитъ. Они поклонились и говорятъ: здравствуй, наша дѣвочка, отопривь намъ; и видятъ, что дѣвочка не кланяется и молчитъ. Они стали бранить куклу, а она все не двигается и молчитъ. Тогда они сломали дверь и хотѣли убить дѣвочку — и тутъ увидали, что это не дѣвочка, а соломенная кукла. Разбойники ее бросили и говорятъ: обманула насъ дѣвочка!

А дѣвочка пришла къ рѣкѣ, обмылась и пришла домой.

Орѣховая вѣтка. (Сказка.)

Жилъ богатый купецъ и было у него три дочери. Собрался онъ ѣхать за товаромъ и спросилъ у дочерей: что имъ привезти? Старшая просила бусы. Вторая просила колечко, а меньшая говорить: мнѣ ничего не нужно. Если вспомнишь про меня, то привези орѣховую вѣтку. Купецъ уѣхалъ, сдѣлалъ свои дѣла и купилъ старшей дочери бусы, второй колечко. Ѣдетъ онъ уже назадъ черезъ большой лѣсъ и вспомнилъ, что меньшая ничего не просила, только орѣховую вѣтку и слѣзъ съ повозки и пошелъ сорвать орѣховую вѣтку. Вдругъ, видитъ орѣховая вѣтка и не простая, а на ней золотые орѣхи. Купецъ и думаетъ: вотъ и моей меньшей умницѣ подарокъ, нагнулъ вѣтку и сломилъ. Вдругъ, откуда ни взялся медвѣдь; схватилъ купца за руку и говоритъ: ты какъ смѣлъ мою вѣтку ломать. Теперь я тебя съемъ. Купецъ испугался и говоритъ: я бы не взялъ вѣтки, да меньшая дочь просила меня.

Медвѣдь и говорить: иди же домой, но помни: тотъ, кто

тебя дома первый встрѣтитъ, того ты мнѣ отдай. Купецъ обѣщался и медвѣдь отпустилъ его. Купецъ поѣхалъ дальше и привѣхалъ домой.

Только въѣхалъ во дворъ, бѣжить на встрѣчу его любимая — меньшая дочь. Купецъ вспомнилъ, что онъ обѣщалъ медвѣдю того, кто его первый встрѣтитъ и такъ и обмеръ.

Рассказалъ купецъ все, что съ нимъ было и что надо меньшую дочь медвѣдю отдать. Стали все плакать. А мать говорить: „не плачьте, я знаю что сдѣлать. Когда медвѣдь придетъ за нашей дочкой, мы нарядимъ пастухову дочь и отдадимъ ее вмѣсто своей.“

Разъ сидятъ все дома и видятъ, что ѣдетъ на дворъ карета. Стали смотрѣть. Видятъ: изъ кареты вышелъ медвѣдь. Пошелъ медвѣдь къ купцу и говорить: давай дочь. Купецъ не знаетъ, что сказать. А мать догадалась, снарядила пастухову дочь и привела медвѣдю. Медвѣдь посадилъ ее въ карету и поѣхалъ. Только отѣхали, медвѣдь зарычалъ и хотѣлъ съѣсть пастухову дочь. Тогда она призналась, что она пастухова, а не купцова дочь.

Медвѣдь вернулся къ купцу и говорить: ты меня обманулъ, давай настоящую дочь. Поплакали, одѣли дочь, простились съ нею и отдали медвѣдю. Медвѣдь посадилъ ее въ карету и поѣхалъ. Ѣхали они, ѣхали; прѣхали въ большой лѣсъ и остановились. Медвѣдь вылѣзъ изъ кареты и сказалъ: вотъ нашъ домъ, иди за мной. Медвѣдь влѣзъ въ яму, дѣвочка пошла за нимъ. Потомъ отворилъ медвѣдь большую дверь и ввелъ дѣвочку въ темный подвалъ и говорить: иди за мной. Дѣвочка дрожала отъ страха и думала, что ея конецъ пришелъ; а все таки шла за медвѣдемъ. Вдругъ затрепало что то, какъ громъ, стало свѣтло и дѣвочка видитъ, что она не въ подвалѣ, а въ богатомъ дворцѣ: свѣтло, музыка играетъ и нарядные люди ее встрѣчаютъ и ей кланяются, а рядомъ съ ней молодой князь. Князь подошелъ къ ней и сказалъ: „я не медвѣдь, а князь, и хочу на тебѣ жениться.“

Тогда послали за отцемъ и матерью, позвали гостей и сыграли свадьбу. Жили они счастливо и всегда берегли орѣховую вѣтку.

Птичка. (Белье)

Был Сережа именинникъ и много ему разныхъ подарилъ подарковъ; и волчки и кони и картинки. Но дороже всѣхъ подарковъ, подарилъ дядя Сережѣ сѣтку, чтобъ птиць ловить. Сѣтка сдѣлана такъ, что на рамѣ придѣлана дощечка и сѣтка откинута. Насыпать сѣмя на дощечку и выставить на дворъ. Прилетитъ птичка, сидеть на дощечку, дощечка подвернется и сѣтка сама захлопнется. Обрадовался Сережа, приближалъ къ матери показать сѣтку. Мать говоритъ: не хороша игрушка. На что тебѣ птички! зачѣмъ ты ихъ мучить будешь!—Я ихъ въ клѣтку посажу. Они будутъ пѣть, и я ихъ буду кормить.—Достала Сережа сѣмя, насыпала на дощечку и выставилъ сѣтку въ садъ. И все стоялъ, ждалъ, что птички прилетятъ. Но птицы его боялись и не летѣли на сѣтку. Пошелъ Сережа обѣдать и сѣтку оставилъ. Поглядѣлъ послѣ обѣда, сѣтка захлопнулась и подъ сѣткой бѣется птичка. Сережа обрадовался, поймалъ птичку и понесъ домой. Мама! посмотрите я птичку поймалъ, это свѣрно соловей! и какъ у него сердце бѣется. Мать сказала: это чижъ. Смотри—же не мучай его, а лучше пусти. Нѣтъ я его кормить и поить буду. Посадила Сережа чижа въ клѣтку и два дня сыпала ему сѣмя и ставила воду и чистила клѣтку. На третій день онъ забылъ про чижа и не переменялъ ему воду. Мать ему и говоритъ: вотъ видишь, ты забылъ про свою птичку, лучше пусти ее. Нѣтъ, я не забуду, я сейчасъ поставлю воды и вычищу клѣтку. Засунулъ Сережа руку въ клѣтку сталъ чистить, а чижики испугался, бѣется объ клѣтку. Сережа вычистилъ клѣтку и пошелъ за водой. Мать увидала, что онъ забылъ закрыть клѣтку и кричитъ ему: Сережа, закрой клѣтку, а то вылетитъ и убѣется твоя птичка! Не успѣла она сказать, чижики нашелъ дверку, обрадовался, распустилъ крылушки и полетѣлъ черезъ горницу къ окошку. Да не видалъ стекла, ударился о стекло и упалъ на подоконникъ.

Прибѣжалъ Сережа, взялъ птичку, понесъ ее въ клѣтку. Чижики былъ еще живъ; но лежалъ на груди распутивши крылушки и тяжело дышалъ. Сережа, смотрѣлъ, смотрѣлъ и началъ плакать.—Мама! что мнѣ теперь дѣлать?

Теперь ничего не сдѣлаешь. Сережа цѣлый день не отходилъ отъ клѣтки и все смотрѣлъ на чижику; а чижики все такъ же лежалъ на груди и тяжело и скоро дышалъ. Когда Сережа пошелъ спать, чижики еще былъ живъ. Сережа долго не могъ заснуть, всякій разъ, какъ закрывалъ глаза, ему представлялся чижики, какъ онъ лежитъ и дышетъ. Утромъ, когда Сережа подошелъ къ клѣткѣ, онъ увидалъ, что чижики уже лежитъ на спинкѣ, поджалъ лапки и заостенѣлъ. Съ тѣхъ поръ Сережа никогда не ловилъ птиць.

Три медвѣдя. (Сказка)

Одна дѣвочка ушла изъ дому въ лѣсъ. Въ лѣсу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла въ лѣсъ къ домику.

Дверь была отворена; она посмотрѣла въ дверь, видитъ въ домикѣ никого нѣтъ и вошла. Въ домикѣ этомъ жили три медвѣдя. Одинъ медвѣдь былъ отецъ, звали его Михайль Ивановичъ. Онъ былъ большой и лохматый. Другой была медвѣдица. Она была поменьше и звали ее Настасья Петровна. Третій былъ маленький медвѣженокъ и звали его Мишутка. Медвѣдей не было дома, они ушли гулять по лѣсу.

Въ домикѣ было двѣ комнаты: одна столовая, другая спальня. Дѣвочка вошла въ столовую и увидѣла на столѣ три чашки съ похлебкой. Первая чашка, очень большая, была Михайлы Ивановичева. Вторая чашка, поменьше, была Настасьи Петровны; третья, синенькая чашечка, была Мишуткина. Подлѣ каждой чашки лежала ложка: большая, средняя и маленькая.

Дѣвочка взяла самую большую ложку и похлебала изъ самой большой чашки; потомъ взяла среднюю ложку и похлебала изъ средней чашки, потомъ взяла маленькую ложечку и похлебала изъ синенькой чашечки; и Мишуткина похлебка ей показалась лучше всѣхъ.

Дѣвочка захотѣла сѣсть и видитъ у стола три стула: одинъ большой, Михайлы Ивановича, другой поменьше, Настасьи Петровны и третій маленький, съ синенькой подушечкой — Мишуткина.

путькинъ. Она ползла на большой стулъ и упала: потомъ сѣла на средній стулъ, на немъ было неловко, потомъ сѣла на маленькй стульчикъ и засмѣялась, такъ было хорошо. Она взяла синенькую чашечку на колѣна и стала ѣсть. Поѣла всю похлебку и стала качаться на стулѣ.

Стульчикъ проломился, и она упала на полъ. Она встала, подняла стульчикъ и пошла въ другую горницу. Тамъ стояли три кровати: Одна большая Михайлы Ивановича, другая средняя — Настасьи Петровны, третья маленькая — Мишенькина. Дѣвочка легла въ большую, ей было слишкомъ просторно; легла въ среднюю — было слишкомъ высоко; легла въ маленькую — кровать приплась ей какъ разъ въ пору, и она заснула.

А медвѣди пришли домой голодные и захотѣли обѣдать. Большой медвѣдь взялъ свою чашку, взглянулъ и заревѣлъ страшнымъ голосомъ:

Кто хлебаль въ моей чашкѣ!

Настасья Петровна посмотрѣла свою чашку и зарычала, не такъ громко:

Кто хлебаль въ моей чашкѣ!

А Мишутка увидалъ свою пустую чашечку и запищалъ тонкимъ голосомъ:

Кто хлебаль въ моей чашкѣ и все выхлебаль!

Михайло Ивановичъ взглянулъ на свой стулъ и зарычалъ страшнымъ голосомъ.

Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ и сдвинулъ его съ мѣста!

Настасья Петровна взглянула на свой стулъ и зарычала не такъ громко:

Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ и сдвинулъ его съ мѣста!

Мишутка взглянулъ на свой сломанный стульчикъ и запищалъ:

Кто сидѣлъ на моемъ стулѣ и сломаль его!
Медвѣди пришли въ другую горницу.

Кто ложился въ мою постель и смялъ ее!

Заревѣлъ Михайло Ивановичъ страшнымъ голосомъ.

Кто ложился на мою постель и смялъ ее!

Зарычала Настасья Петровна не такъ громко.

А Мишенька подставилъ скамеечку, ползъ въ свою кровать и запищалъ тонкимъ голосомъ:

Кто ложился на мою постель!

И вдругъ онъ увидалъ дѣвочку и завизжалъ такъ, какъ будто его рѣжутъ.

Вотъ она. Держи, держи! Вотъ она. Вотъ она! Ай лая! Держи!

Онъ хотѣлъ ее укусить. Дѣвочка открыла глаза, увидѣла медвѣдей и бросилась къ окну. Оно было открыто, она выскочила въ окно и убѣжала. И медвѣди не догнали ее.

Какъ дядя Семень рассказываль про то, что съ нимъ въ лѣсу было. (Рассказъ).

Поѣхаль я разъ зимою въ лѣсъ за деревьями, срубилъ три дерева, обрубилъ сучья, обтесаль, смотрю ужъ поздно, надо домой ѣхать. А погода была дурная: снѣгъ шель и мело. Думаю, ночь захватить и дороги не найдешь. Погналь я лошадь; ѣду, ѣду — все выѣзду нѣтъ. Все лѣсъ. Думаю, шуба на мнѣ плохая, замерзнешь. Ыздилъ, ѣздилъ, нѣтъ дороги и темно. Хотѣль ужъ сани отпрягать, да подъ сани ложиться, слышу недалеко бубенцы погромыхиваютъ. Поѣхаль я на бубенчики, вижу тройка коней соврасыхъ, гривы заплетены лентами, бубенцы свѣтятся и сидятъ двое молодцовъ.

Здорово братцы! — Здорово мужикъ! — Гдѣ братцы дорога? — Да вотъ мы на самой дорогѣ. Выѣхаль я къ нимъ, смотрю, что за чудо — дорога гладкая и не заметеная. — Ступай, говорятъ, за нами и погнали коней. Моя кобылка плохая не поспѣваетъ, Сталь я кричать: подождите, братцы! Остановились, смѣются. — Садись, говорятъ, съ нами. Твоей лошади порожнемъ легче бу-

детъ. Спасибо, говорю. Перелѣзь я къ нимъ въ сани. Сани хорошия, ковровыя. Только сълъ я, какъ свиснуть: ну вы любезные! Завились соврасые кони такъ, что снѣгъ столбомъ. Смотрю, что за чудо. Свѣтлѣй стало и дорога гладкая, какъ ледъ и палимъ мы такъ, что духъ захватываетъ, только по лицу вѣтками стегаетъ. Ужъ мнѣ жутко стало. Смотрю впередъ: гора крутая, прекрутая и подъ горой пропасть. Соврасые прямо въ пропасть летятъ. Испугался я, кричу: батюшки! легче, убьете! Куда тутъ, только смѣются, свищутъ. Вижу я пропадать. Надъ самой пропастью сани. Гляжу, у меня надъ головой сукъ. Ну думаю: пропадайте одни. Приподнялся, схватился за сукъ и повисъ. Только повисъ и кричу: держи! А самъ слышу тоже, кричатъ бабы: дядя Семенъ! чего ты? Бабы, а бабы! дуйте огонь. Съ дядей Семеномъ что-то недоброе—кричитъ. Вздудли огонь. Очнулся я. А я въ избѣ, за палаты ухватился руками, вишу и кричу не путевымъ голосомъ. А это я—все во снѣ видѣль.

К о р о в а. (Быль).

Жила вдова Марья съ своей матерью и съ шестью дѣтьми. Жили они бѣдно. Но купили на послѣднiя деньги бурую корову, чтобъ было молоко для дѣтей. Старшия дѣти кормили Буренушку въ полѣ и давали ей помои дома. Одинъ разъ мать вышла со двора, а старшiй мальчикъ Миша полѣзь за хлѣбомъ на полку, уронилъ стаканъ и разбилъ его. Миша испугался, что мать его будетъ бранить, подобралъ большiя стекла отъ стакана, вынесъ на дворъ и зарылъ въ навозъ, а маленькiя стеклушки всѣ подобралъ и бросилъ въ лоханку. Мать хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказалъ: и такъ дѣло осталось.

На другой день послѣ обѣда, пошла мать давать Буренушкѣ помои изъ лоханки, видитъ Буренушка скучна и не ѣсть корма. Стали лѣчить корову, позвали бабку. Бабка сказала: корова жива не будетъ, надо ее убить на мясо. Позвали мужика, стали бить корову. Дѣти услышали какъ на дворѣ заревѣла Буренушка. Собрались всѣ на печку и стали плакать. Когда убили Буренушку, сняли шкуру и разрѣзали на части, у ней въ горлѣ нашли стекло.

И узнали, что она издохла отъ того, что ей попало стекло въ помояхъ. Когда Миша узналъ это, онъ сталъ горько плакать и признался матери объ стаканѣ. Мать ничего не сказала и сама заплакала. Она сказала: убили мы свою Буренушку, купить теперь не на что. Какъ проживутъ малыя дѣти безъ молока: Миша еще пуще сталъ плакать и не слѣзалъ съ печи, когда ѣли студень изъ коровьей головы. Онъ каждый день во снѣ видѣль, какъ дядя Василiй несъ за рога мертвую, бурую голову Буренушки съ открытыми глазами и красной шеей. Съ тѣхъ поръ у дѣтей молока не было. Только по праздникамъ бывало молоко, когда Марья попроситъ у сосѣдей горшечекъ. Случилось, барынѣ той деревни, понадобилась къ дитяти няня. Старушка и говорить дочери, отпусти меня, я пойду въ няни и тебѣ можетъ Богъ поможетъ одной съ дѣтьми управляться. А я, Богъ дастъ, заслужу въ годъ на корову. Такъ и сдѣлали. Старушка ушла къ барынѣ. А Марья еще тяжелѣе съ дѣтьми стало. И дѣти безъ молока цѣлый годъ жили: одинъ кисель и тюрю ѣли и стали худыя и блѣдныя. Прошелъ годъ, пришла старушка домой и принесла двадцать рублей. Ну дочка! говоритъ, теперь купимъ корову. Обрадовалась Марья, обрадовались всѣ дѣти. Собралась Марья съ старухой на базаръ покупать корову. Сосѣдку попросили съ дѣтьми побыть, а сосѣда дядю Захара, попросили съ ними поѣхать, выбирать корову. Помолитесь Богу, поѣхали въ городъ. Дѣти пообѣдали и вышли на улицу смотрѣть: не ведутъ-ли корову. Стали дѣти судить: какая будетъ корова—бурая или черная. Стали они говорить: какъ ее кормить будутъ. Ждали они, ждали цѣлый день. За версту ушли встрѣчать корову, ужъ смеркаться стало, вернулись назадъ. Вдругъ, видятъ: по улицѣ ѣдетъ на телѣгѣ бабушка, а у задняго колеса идетъ пестрая корова за рога привязана и идетъ сзади мать, хворостиной подгоняетъ. Подѣжались дѣти, стали смотрѣть корову. Набрали хлѣба, травы, стали кормить. Мать пошла въ избу, раздѣлась и вышла на дворъ съ полотенцемъ и подойникомъ. Она сѣла подъ корову, обтерла вымя. Господи благослови! стала доить корову; а дѣти сѣли кругомъ и смотрѣли какъ молоко брызнуло изъ вымя въ край подойника и засвистѣло у матери изъ подъ пальцевъ. Надоила

мать половину подойника, снесла на погребъ и отлила дѣтямъ горшочекъ къ ужину.

Филипокъ. (Быль).

Быль мальчикъ, звали его Филипъ. Пошли разъ всѣ ребята въ школу. Филипъ взялъ шапку и хотѣлъ тоже идти. Но мать сказала ему:—куда ты, Филипокъ, собрался?—Въ школу. Ты еще малъ, не ходи, и мать оставила его дома. Ребята ушли въ школу. Отецъ еще съ утра уѣхалъ въ лѣсъ, мать ушла на поденную работу. Остались въ избѣ Филипокъ да бабушка на печкѣ. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а онъ сталъ искать шапку. Своей не нашелъ, взялъ старую, отцовскую и пошелъ въ школу.

Школа была за селомъ у церкви. Когда Филипъ шелъ по своей слободѣ, собаки не трогали его, онѣ его знали. Но когда онъ вышелъ къ чужимъ дворамъ, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчокъ. Филипокъ бросился бѣжать, собаки за нимъ. Филипокъ сталъ кричать, споткнулся и упалъ. Вышелъ мужикъ, отогналъ собакъ и сказалъ: куда ты, пострѣленокъ, одинъ бѣжишь? Филипокъ ничего не сказалъ, подобралъ полы и пустился бѣжать во весь духъ. Прибѣжалъ онъ къ школѣ. На крыльцѣ никого нѣтъ, а въ школѣ слышны гудятъ голоса ребятъ. На Филипка нашелъ страхъ: что какъ учитель меня прогонитъ? И сталъ думать, что ему дѣлать. Назадъ идти, опять собака заѣстъ, въ школу идти—учителя боится. Шла мимо школы баба съ ведромъ и говоритъ: всѣ учатся, а ты что тутъ стоишь? Филипокъ и пошелъ въ школу. Въ сѣндахъ снялъ шапку и отворилъ дверь. Школа вся была полна ребятъ. Всѣ кричали свое и учитель въ красномъ шарфѣ ходилъ посерединѣ.

Ты что? Закричалъ онъ на Филипка. Филипокъ ухватился за шапку и ничего не говорилъ.—Да ты кто? Филипокъ молчалъ.— Или ты нѣмой? Филипокъ такъ напугался, что говорить не могъ. Ну такъ иди домой, коли говорить не хочешь. А Филипокъ и радъ бы что сказать, да въ горлѣ у него отъ страха пересохло. Онъ посмотрѣлъ на учителя и заплакалъ. Тогда учителю жалко его стало. Онъ погладилъ его по головкѣ и спросилъ у ребятъ, кто этотъ мальчикъ.

— Это Филипокъ, Костюшкинъ братъ, онъ давно просится въ школу, да мать не пускаетъ его, и онъ украдкой пришелъ въ школу.

— Ну, садись на лавку возлѣ брата, а я твою мать попрошу, чтобъ пускала тебя въ школу.

Учитель сталъ показывать Филипку буквы, а Филипокъ ихъ ужъ зналъ и немножко читать умѣлъ.

— Ну-ка сложи: свое имя. Филипокъ сказалъ: хве-и-хви, -ле-и-ли, пеокъ-покъ. Всѣ засмѣялись.

— Молодецъ, сказалъ учитель. Кто же тебя училъ читать?

Филипокъ осмѣлился и сказалъ: Костюшка. Я бѣдовый, я сразу все понялъ. Я страсть какой ловкій! Учитель засмѣялся и сказалъ: а молитвы ты знаешь? Филипокъ сказалъ: знаю, и началъ говорить Богородицу; но всякое слово говорилъ не такъ. Учитель остановилъ его и сказалъ: ты погоди хвалиться, а поучись.

Съ тѣхъ поръ Филипокъ сталъ ходить съ ребятами въ школу.

СЛАВЯНСКІЯ БУКВЫ.

А а	Б б	В в	Г г	Д д	Е е	Ж ж	З з	И и		
Азъ	Буки	Вѣди	Глаголь	Добро	Есть	Живѣте	Зѣло	Земля	Иже	
І і	К к	Л л	М м	Н н	О о	П п	Р р	С с	Т т	
І	Како	Люди	Мыслете	Нашъ	Онъ	Покой	Рци	Слово	Твердо	
У у	Ф ф	Х х	Ц ц	Ч ч	Ш ш	Щ щ	Ъ ъ	Ы ы		
Икъ	Фергъ	Хѣръ	Отъ	Ця	Червь	Ша	Ща	Еръ	Ерн	
Ь ь	Ъ ъ	Ю ю	Ѳ Ѳ	Ѵ Ѵ	Ѷ Ѷ	Ѹ Ѹ	Ѻ Ѻ	Ѽ Ѽ	Ѿ Ѿ	
Ерь	Ять	Ю	Онъ	Я	О	Я	Кси	Пси	Ѳита	Ижица

СЛАВЯНСКІЯ СЛОВА ПОДЪ ТИТЛАМИ.

Бѣзъ Богъ.	Идръ Мудръ.	Смръть Смерть.
Бѣца Богородица.	Илть Милость.	Трѣое Трисвятое.
Гдѣ Господь.	Пѣтз Переть.	оУчѣль Учитель.
Ити Мати.	Прно Присно.	оУчнѣз Ученикъ.
Ицъ Мѣсяць.	Слнце Солнце.	оУчнцы Ученицы.
Ибо Небо.	Срце Сердце.	Архангълз Архангелъ.
Ишъ Нашъ.	Слва Слава.	Блнз Блаженъ.
Ишѣ Нынѣ.	Стъль Святитель.	Блгвенз Благословенъ.
Ила Недѣля.	Трѣз Трисвятъ.	Воскрѣнѣ Воскресеніе.
Оцъ Отець.	Аггълз Ангель.	Премръость Промудрость.
Дхъ Духъ.	Бѣтво Блаженство.	Есттво Естество.
Дша Душа.	Блгть Благодать.	Евлѣстз Евангелистъ.
Днѣ День.	Влѣца Владычица.	Иерлмиз Иерусалимъ.
Сѣтъ Святъ.	Илтва Молитва.	Крѣшеніе Крещеніе.
Апълз Апостоль.	Ичнѣз Мученикъ.	Идрость Мудрость.
Влѣа Владыка.	Илнцз Младенець.	Илрдіе Милосердіе.
Ирѣа Марія.	Ибный Небесный.	Илтъина Милостыня.
Гдръ Государъ.	Гдннз Господинъ.	Ирѣтолз Престоль.
Гйжа Госпожа.	Дѣтво Дѣтство.	Ирѣбенз Преподобенъ.
Двдз Давидъ.	Евлѣе Евангеліе.	Ирѣрокз Пророкъ.
Двца Дѣвица.	Епкпз Епископъ.	Ирѣтеча Предтеча.
Илѣз Имярекъ.	Крѣтъль Креститель.	Слѣеннѣз Священникъ.
Ииль Израиль.	Прѣвнз Праведенъ.	Хрѣтосъ Христось.
Иисъ Исусъ.	Рѣтво Рождество.	Хрѣтовз Христовъ.
Трѣа Троица.	Стрѣтъ Стрѣсть.	Хрѣтіаннѣз Христіанинъ.
Крѣтз Крестъ.		

МОЛИТВЫ.

Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ.

СВ. ДУХУ.

Царю небесный Утѣшителю, Дѣше истины, Иже вездѣ сый и всѣ исполняй, сокровище благухъ и жизни подателю, прииди и вселиси въ ны, и очисти ны отъ всякихъ скверны, и спаси, Блаже, дѣшы наша.

Царю небесный Утѣшителю, Душе истины, Иже вездѣ сый и вся исполняй, сокровище благухъ и жизни Подателю, прииди и вселиси въ ны, и очисти ны отъ всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша.

БОГУ ВЪ ТРОИЦѢ.

Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ.

Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ.

СЛАВОСЛОВІЕ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦѢ.

Слава Отцѣ и Сыну, и Святому Духу, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦѢ.

Пресвятая Троице, помилуй насъ. Господи очисти грѣхи наша: Владыко, прости беззаконіа наша. Святыи, посѣти и исцѣли немощи наша имене Твоего ради. Господи помилуй (трижды).

Пресвятая Троице, помилуй насъ. Господи, очисти грѣхи наша. Владыко, прости беззаконіа наша. Святыи, посѣти и исцѣли немощи наша имене Твоего ради. Господи помилуй (трижды).

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь: и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила и слава во вѣки, аминь.

Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь; и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила и слава во вѣки, аминь.

СЫНУ БОЖІЮ.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ, помилуй насъ. Аминь.

Господи Исусе Христе, Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матере и всѣхъ Святыхъ, помилуй насъ, Аминь.

БОГОРОДИЦѢ.

Богородице Дѣво радуйся, благодатная Маріе, Господь съ Тобою: благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ.

Богородице Дѣво, радуйся, благодатная Маріе, Господь съ Тобою: благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ.

МЫТАРЯ.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!

ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦѢ.

Достойно есть, яко воистинно, блажити Тя, Богородицѣ, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ ислѣнія Бога Слова рождшую, сущую Богородицѣ, Тя величаемъ.

Достойно есть, яко воистинну, блажити Тя Богородицу присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ ислѣнія Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаемъ.

ПРЕДЪ ОБЪДОМЪ.

Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даеши имъ пищу во благовременіи, отверзаеши Ты щедрую руку Твою, и исполниши всяко животное благоволеніемъ.

Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ, и Ты даеши имъ пищу во благовременіи, отверзаеши Ты щедрую руку Твою, и исполниши всяко животное благоволенія.

ПОСЛѢ ОБЪДА.

Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ еси насъ земныхъ Твоихъ благъ; не лиши насъ и небснаго Твоего Царствія.

Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ, яко насытилъ еси насъ земныхъ Твоихъ благъ; не лиши насъ и небснаго Твоего Царствія.

ПРЕДУЧЕНІЕМЪ.

Преблагій Господи! испосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы, внимаѣ преподаваемому намъ ученію, возрасли мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству на пользу.

Преблагій Господи! испосли намъ благодать Духа Твоего Святаго, дарствующаго и укрѣпляющаго душевныя наши силы, дабы, внимаѣ преподаваемому намъ ученію, возрасли мы Тебѣ, нашему Создателю, во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, Церкви и Отечеству на пользу.

ПОСЛѢ УЧЕНІЯ.

Благодаримъ Тебе, Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоеѣ, во еже внимати ученію. Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

Благодаримъ Тебе, Создателю, яко сподобилъ еси насъ благодати Твоеѣ, во еже внимати ученію: Благослови нашихъ начальниковъ, родителей и учителей, ведущихъ насъ къ познанію блага, и подаждь намъ силу и крѣпость къ продолженію ученія сего.

СВМВОЛЪ ВЪ РЫ.

Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божіа, единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ: Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна несотворенна, единосущна Отцу, Имъ же вся быша. Насъ ради человекъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстемъ Пилатѣ, и страдавша и погребена. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И возшедшаго на небеса и сѣдѣща одеснью Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима, глаголавшаго пророки. Во едину, Святую, Соборную, и Апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка, аминь.

Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ: Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна несотворенна, единосущна Отцу, Имъ же вся быша. Насъ ради человекъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася. Распятаго же за ны при Понтійстемъ Пилатѣ, и страдавша и погребена. И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И возшедшаго на небеса и сѣдѣща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима, глаголавшаго пророки. Во едину, Святую, Соборную, и Апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ, и жизни будущаго вѣка. Аминь.

ДЕСЯТЬ ЗАПОВѢДЕЙ БОЖИХЪ.

1. Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не вѣдѣтъ тебѣ бози инии развѣ Мене.

1. Азъ есмь Господь Богъ Твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене.

2. Не сотвори себѣ кумира, и всякаго подобіа, елика на небеси горѣ, и елика на земли низѣ, и елика въ водахъ и подъ землею, да не поклониши имъ, ни послужиши имъ.

2. Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею, да не поклониши имъ, ни послужиши имъ.

3. Не приеми имене Господа Бога твоего всуе.

3. Не приеми имене Господа Бога твоего всуе.

4. Помни день субботный, еже святити его, шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ всѣ дѣла твоа, въ день же седьмый суббота Господу Богу твою.

4. Помни день субботный, еже святити его: шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ всѣ дѣла твоя, въ день же седьмый суббота Господу Богу твоему.

5. Чти отца твоего и мать твою, да благо ти вѣдетъ, и да долготѣнъ вѣдеша на земли.

5. Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долготѣнъ будеша на земли.

6. Не убій.

6. Не убій.

7. Не прелюбы сотвори.

7. Не прелюбы сотвори.

8. Не укради.

8. Не укради.

9. Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

9. Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

10. Не пожелай жены искреннаго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, елика сѣтъ ближняго твоего.

10. Не пожелай жены искреннаго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота, ни всего елика сѣтъ ближняго твоего.

	Арабскія.	Слав.	Грискія.		Арабскія.	Слав.	Римскія
Одинъ	1	ѧ	I	Сорокъ	40	м	XL
Два	2	Ѩ	II	Пятьдесятъ	50	и	L
Три	3	ѧ	III	Шестъдес.	60	ѧ	LX
Четыре	4	ѧ	IV	Семьдесятъ	70	о	LXX
Пять	5	ѧ	V	Восемьдес.	80	п	LXXX
Шесть	6	ѧ	VI	Девяносто	90	ч	XC
Семь	7	ѧ	VII	Сто	100	р	C
Восемь	8	и	VIII	Двѣсти	200	с	CC
Девять	9	ѧ	IX	Триста	300	т	CCC
Десять	10	ѧ	X	Четыреста	400	ѧ	CD
Одиннадцат.	11	ѧ	XI	Пятьсотъ	500	ф	D
Двѣнадцатъ	12	ѧ	XII	Шестьсотъ	600	х	DC
Тринадцатъ	13	ѧ	XIII	Семьсотъ	700	ѧ	DCC
Четырнадц.	14	ѧ	XIV	Восемьсотъ	800	ѧ	DCCC
Пятнадцатъ	15	ѧ	XV	Девятьсотъ	900	п	CM
Шестнадц.	16	ѧ	XVI	Тысяча	1000	ѧ	M
Семнадцатъ	17	ѧ	XVII	Двѣ тысячи	2000	ѧ	MM
Восемнадц.	18	и	XVIII	Три тысячи	3000	ѧ	MMM
Девятнадц.	19	ѧ	XIX	Четыре тыс.	4000	ѧ	MMMM
Двадцать	20	к	XX	Десять тыс.	10.000	ѧ	XM
Тридцать	30	л	XXX				

КАКЪ УЧИТЬ ПО СЛУХОВОМУ СПОСОБУ.

Показать всѣ простыя изображенія буквъ и написать такія же на стѣнѣ. Называть буквы такъ, какъ онѣ обозначены въ Азбукѣ надъ буквами и заставлятъ повторять за собою учениковъ (буква е показывается какъ отдѣльная буква и называется *ю*, *ы* выговаривается, какъ грубое *и*). Не дожидаясь того, чтобы ученики выучили буквы, начинать *на слухъ* складывать и раскладывать тѣ слоги, которые стоятъ во главѣ 1-го отдѣла.

Учить складывать такъ: учитель собираетъ вокругъ себя учениковъ и заставляетъ читать слово *Ба*. Ученики прочтутъ слово *бе* и *а*. Учитель спрашиваетъ: что вышло? Ученики не знаютъ. Учитель говоритъ: *бе* и *а* будетъ *ба* и быстро выговариваетъ: *ба*, и потомъ, указывая на слѣдующіе, склады говоритъ: *бе-у-бу*, *меа-ма*, *пеа-па*, *неу-ну*, заставляетъ учениковъ повторять за собою. Повторивъ такимъ образомъ слоговъ 20 на разные гласныя, учитель говоритъ только: *беа*, и ученики отвѣчаютъ: *ба*. Уловленіе учениками процесса складыванія происходитъ весьма скоро, такъ что не болѣе какъ въ полчаса времени нѣкоторые ученики отвѣчаютъ вѣрно на всякія соединенія изъ согласной и гласной. Упражненіе это, чередуя его съ изученіемъ буквъ, повторяется въ первый же урокъ два или три раза. Когда учитель видитъ, что большинство учениковъ складываетъ на слухъ вѣрно, начинается чтеніе съ начала первой страницы. Читается слово: *туча*. Если ученики не помнятъ 4-хъ буквъ, изъ которыхъ состоитъ слово, учитель показываетъ ихъ, пользуясь словами, начинающимися съ этихъ буквъ: *тедѣга*, *утка*, *червякъ*, *арбузь* и заставляетъ читать. Какъ скоро прочтены *т* и *у*, учитель заставляетъ повторять эти двѣ буквы нѣсколько разъ, быстро одну за другою и спрашиваетъ: что вышло? Ученики отвѣчаютъ: *ту*. Учитель говоритъ: помни *ту*, и читай дальше. Когда прочтено *ча*, учитель спрашиваетъ, что было прежде и заставляетъ повторить одинъ слогъ за другимъ такъ, чтобы ученики изъ соединенія двухъ слоговъ поняли значеніе слова. Такимъ образомъ учитель съ перваго же урока начинаетъ и ведетъ чтеніе по книгѣ или выписывая тѣ же слова на доскѣ, что еще удобнѣе. Самостоятельное занятіе для учениковъ, съ перваго же урока, составляетъ списыванье буквъ и прочтенныхъ словъ.

Съ перваго же или со втораго урока учитель показываетъ обратное дѣйствіе складыванью и чтенію, т. е. раскладыванье словъ на слоги и слоговъ на буквы и писаніе.

Учить раскладывать такъ: учитель говоритъ: напишемъ слово „туча“. Скажи „туча“ рѣже. Ученикъ говоритъ: „ту-ча“. — Во сколько разъ ты сказалъ? — Въ два. — Какіе? — *Ту* и *ча*. — Какъ сложить *ту*? Ученикъ

не знаетъ, и учитель напоминаетъ, что *те у* будетъ *ту* и тутъ же дѣлаетъ съ учениками на слухъ обратное упражненіе тому, которое дѣлаемо было для складыванья, т. е. учитель самъ говоритъ, заставляя учениковъ повторять за собою какъ сложить разные слоги. Какъ сложить *ба*? и самъ отвѣчаетъ: *беа*, какъ сложить *па*? *пеа*. *Ма*? *меа*. *Ну*? *ну*, и т. д. и повторивъ слоговъ 20-ть говорить только: *ту* и ужъ ученики отвѣчаютъ: *те-у*. Тогда учитель возвращается къ слову „туча“, опять растягиваетъ его и опять спрашиваетъ какъ сложить *ту*? Ученики говорятъ: *теу*. Учитель заставляетъ писать или самъ пишетъ подъ ихъ диктовку и спрашиваетъ: чего не достаетъ, чтобы было „туча“? Ученики говорятъ: „ча“. — Сложи *ча* и напиши. Прочти все вмѣстѣ.

Такимъ образомъ читаются и пишутся всѣ упражненія по порядку, передъ началомъ cadaго отдѣла, складывая и раскладывая *на слухъ* слоги и слова, поставленные во главѣ отдѣла.

Склады съ полугласными *ъ* и *ь* взрослымъ ученикамъ могутъ быть объяснены, какъ грубое и тонкое окончаніе согласной безъ всякой гласной. Но въ большой школѣ и съ малыми дѣтьми гораздо проще заучиваются также какъ и обыкновенные склады. Учитель говоритъ, что *бе* и *ерь* будетъ *бъ*, *ве* и *ерь* будетъ *въ* и т. д., а *бе* и *ерь* *бъ*; *ве* и *ерь*—*въ* и т. д., выговаривая *бъ* почти какъ *би* и *бъ* почти какъ *би* и заставляетъ учениковъ повторять за собой до тѣхъ поръ, пока они усвоятъ это соединеніе, что обыкновенно совершается въ одинъ урокъ и тогда приступаетъ къ чтенію словъ оканчивающихся на *ъ* и *ь*.

И краткое—*й* произносится какъ *ій* и приставляется къ сложенному слогу.

Какъ на обыкновенные склады, такъ и на склады съ полугласными дѣлаются одновременно упражненія въ складываніи и раскладываніи. Склады трехъ и четырехъ буквенные какъ *мгла*, *ведро* и т. д. усваиваются учениками на слухъ также быстро, какъ и другіе склады и не представляютъ никакого затрудненія.

При обученіи по слуховому способу одного ученика, можно выучить читать и писать въ двѣ недѣли; въ большой школѣ отъ 25 до 50 учениковъ выучиваются въ 6 недѣль.

Особенное удобство этого способа, кромѣ быстроты, точности и легкости для учителя, состоитъ въ томъ, что процессъ складыванія и раскладыванія на слухъ безсознательно передается учениками другъ другу такъ, что въ мѣстностяхъ и семьяхъ, гдѣ употребляется слуховой способъ, меньшіе братья и сестры безсознательно выучиваются складывать и раскладывать на слухъ, и имъ для того, чтобы умѣть читать и писать, остается только выучить буквы.

Дозволено цензурою. Москва, 22 сентября 1882 г.

Типографія М. П. Щенкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.

не знает, и уныло наводит на мысль, что он и в будущем не увидит своего сына, который, как он знает, будет жить вдали от него. Он чувствует, что его жизнь теряет смысл, и он не знает, что ему делать. Он чувствует, что он должен сделать что-то, но он не знает, что именно. Он чувствует, что он должен сделать что-то, но он не знает, что именно. Он чувствует, что он должен сделать что-то, но он не знает, что именно.

Дорогой мой сын, я пишу тебе эти строки, когда ты находишься вдали от меня. Я думаю о тебе и надеюсь, что ты находишься в безопасности. Я люблю тебя и надеюсь, что ты будешь счастливым. Я пишу тебе эти строки, когда ты находишься вдали от меня. Я думаю о тебе и надеюсь, что ты находишься в безопасности. Я люблю тебя и надеюсь, что ты будешь счастливым.

ПЕРВАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

Графа Д. Н. Толстаго.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ.

Handwritten mark or signature.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щенкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ. 1882.

МЕРВА

ПЕРВАЯ КНИГА

Дозволено цензурой. Москва, 17 сентября 1882 года.

Литва Д. М. Товариство

МАКЕИ ВОСЬМОЕ

Л. М. М. М.

Литва Д. М. Товариство

1882

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-й КНИГИ

Муравей и голубка	5
Слѣпой и глухой	—
Черепаша и Орелъ	—
Подкидышь	6
Голова и хвостъ змѣи	—
Камень	—
Эскимосы	7
Хорекъ	8
Какъ тетюшка рассказывала о томъ, какъ она выучилась шить	—
Тонкія нитки	—
Отъ скорости сила	9
Левъ и мышь	—
Пожарныя собаки	10
Обезьяна	—
Какъ мальчикъ рассказывалъ про то, какъ его не взяли въ городъ	11
Лгунъ	—
Какъ въ городѣ Парижѣ починили домъ	12
Оселъ и лошадь	—
Какъ мальчикъ рассказывалъ про то, какъ его въ лѣсу застала гроза	—
Галка и голуби	13
Мужикъ и огурцы	—
Баба и курица	14
Старый дѣдъ и внучекъ	—
Дѣлежъ наслѣдства	—
Куда дѣвается вода изъ моря?	15
Левъ, медвѣдь и лисица	—
Какъ мальчикъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ дѣдушкѣ нашель пчелиныхъ матокъ	—
Собака, пѣтухъ и лисица	16
Море	17
Лошадь и конюхъ	—
Пожаръ	—

Лягушка и левъ	18
Слонъ	19
Обезьяна и горохъ	—
Какъ мальчикъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ	—
Дойная корова	20
Битайская царица Силиччи	—
Стрекоза и муравей	—
Мышь-дѣвочка	21
Курица и золотыя яйца	—
Липунюшка	22
Волкъ и старуха	23
Котенокъ	24
Ученый сынъ	25
Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей	—
Мужикъ и лошадь	26
Какъ тетюшка рассказывала бабушкѣ о томъ, какъ ей разбойникъ Емелька Пугачевъ далъ гривенникъ	—
Визирь Абдулъ	29
Какъ воръ самъ себя выдалъ	—
Ноша	30
Косточка	—
Два купца	31
Санъ-Готардская собака	32
Рассказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любилъ	33
Какъ я въ первый разъ убилъ зайца	34
Мальчикъ съ пальчикъ	34
Дурень	35
Святогоръ богатырь	43

Стран.

Муравей и голубка. (Басня).

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлеснула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидѣла — муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Слѣпой и глухой. (Быль).

Слѣпой и глухой пошли въ чужое поле за горохомъ. Глухой сказалъ слѣпому: „ты слушай и мнѣ сказывай; а я буду смотрѣть — тебѣ скажу.“

Вотъ они зашли въ горохъ и сѣли. Слѣпой ощупалъ горохъ и говоритъ: „стручистъ“. А глухой говоритъ: „гдѣ стучить?“ Слѣпой спотыкнулся на межу и упалъ. Глухой спросилъ: что ты?“ Слѣпой говоритъ: „межа!“ Глухой говоритъ: „бѣжать?“ — и побѣжалъ. А слѣпой за нимъ.

Черепаша и орелъ. (Басня).

Черепаша просила орла, чтобы научилъ ее летать. Орелъ не совѣтовалъ, потому что ей не пристало, а она все просила. Орелъ взялъ ее въ когти, поднялъ вверхъ и пустилъ: она упала на камни и разбилась.

✱ Подкидышъ. (Быль).

У бѣдной женщины была дочь Маша. Маша утромъ пошла за водой и увидала, что у двери лежитъ что-то завернутое въ тряпки. Маша поставила ведра и развернула тряпки. Когда она тронула тряпки, изъ нихъ закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидала что это былъ маленькій красный ребеночекъ. Онъ громко кричалъ: уа! уа! Маша взяла его въ руки, понесла въ домъ и стала съ ложки поить молокомъ. Мать сказала: „что ты принесла?“ Маша сказала: „ребеночка я нашла у нашей двери“. Мать сказала: „мы и такъ бѣдны, гдѣ намъ кормить еще ребенка; я пойду къ начальнику и скажу, чтобъ его взяли.“ Маша заплакала и сказала: „матушка, онъ немного будетъ ѣсть, оставь его. Посмотри, какіе у него красненькіе сморщенные ручки и пальчики.“ Мать посмотрѣла, ей стало жалко. Она оставила ребеночка. Маша кормила и пеленала ребеночка, и пѣла ему пѣсни, когда онъ ложился спать.

Голова и хвостъ змѣи. (Басня).

Змѣиный хвостъ заспорилъ съ змѣиной головой о томъ, кому ходить впереди? Голова сказала: „ты не можешь ходить спереди у тебя нѣтъ глазъ и ушей.“ Хвостъ сказалъ: „а за-то во мнѣ сила, я тебя двигаю; если захочу, да обернусь вокругъ дерева, ты съ мѣста не тронешься.“ Голова сказала: „разойдемся!“

И хвостъ оторвался отъ головы и поползъ впередъ. Но только что онъ отползъ отъ головы, попалъ въ трещину и провалился.

Камень. (Быль).

Одинъ бѣдный пришелъ къ богатому и сталъ просить милостыню. Богатый не далъ ничего и сказалъ: „поди вонъ!“ но бѣдный не уходилъ. Тогда богатый разсердился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ бѣднаго: бѣдный поднялъ камень,

положилъ за пазуху и сказалъ: „до тѣхъ поръ буду носить этотъ камень, пока не придется и мнѣ бросить въ него.“ И пришло это время. Богатый сдѣлалъ дурное дѣло: у него отняли все, что у него было, и повезли въ тюрьму. Когда его везли въ тюрьму, бѣдный подошелъ къ нему, вынулъ изъ-за пазухи камень и замахнулся; потомъ пораздумался, бросилъ камень на земь и сказалъ „напрасно я такъ долго носилъ этотъ камень: когда онъ былъ богатъ и силенъ, я боялся его; а теперъ мнѣ жалко его.“

Эскимосы. (Описание).

На свѣтѣ есть земля, гдѣ только три мѣсяца бываетъ лѣто а остальное время бываетъ зима. Зимой дни бываютъ такіе короткіе, что только взойдетъ солнце, тотчасъ и сядетъ. А три мѣсяца, въ самую середину зимы, солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца темно. Въ этой землѣ живутъ люди; ихъ называютъ Эскимосами. Люди эти говорятъ своимъ языкомъ, другихъ языковъ не понимаютъ и никуда изъ своей земли не ѣздятъ. Ростомъ Эскимосы бываютъ не велики, но головы у нихъ очень большія. Тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое, волосы черны и жестки. Носы у нихъ тонкіе, скулы широкія, глаза маленькіе. Эскимосы живутъ въ снѣговыхъ домахъ. Они строятъ ихъ такъ: нарубятъ изъ снѣгу кирпичей и сложатъ изъ нихъ домъ, какъ печку. вмѣсто стеколъ они вставляютъ въ стѣны льдины, а вмѣсто дверей они дѣлаютъ длинную трубу подъ снѣгомъ и черезъ эту трубу влѣзаютъ въ свои дома. Когда приходитъ зима, ихъ дома совсѣмъ заноситъ снѣгомъ, и у нихъ дѣлается тепло. Ѣдятъ Эскимосы оленей, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей. Они ловятъ рыбу въ морѣ крючками на палкахъ и сѣтями. Звѣрей они убиваютъ изъ луковъ стрѣлами и копьями. Эскимосы ѣдятъ, какъ звѣри, сырое мясо. У нихъ нѣтъ льна и пеньки, чтобы дѣлать рубахи и веревки, нѣтъ и шерсти, чтобы дѣлать сукно; веревки они дѣлаютъ изъ жилъ звѣрей, а платье—изъ звѣриныхъ кожъ.

Они складываютъ двѣ кожи шерстю наружу, протыкаютъ рыбьими костями и сшиваютъ жилами. Также они дѣлаютъ рубахи, штаны и сапоги. Желѣза у нихъ тоже нѣтъ. Они

дѣлаютъ копыя и стрѣлы изъ костей. Больше всего они любятъ ѣсть звѣриный и рыбій жиръ. Женщины и мужчины одѣваются одинаково. У женщинъ только бываютъ очень широкіе сапоги. Въ эти широкія голенища сапоговъ они кладутъ маленькихъ дѣтей такъ и носятъ ихъ.

Въ срединѣ зимы у Эскимосовъ бываетъ три мѣсяца темно. А лѣтомъ солнце совсѣмъ не садится, и ночей совсѣмъ не бываетъ.

Хорекъ. (Басня).

Хорекъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпирокъ. Изъ языка пошла кровь, хорекъ радовался, — лизалъ, — думалъ, что изъ желѣза крозь идетъ, и погубилъ весь языкъ.

× Какъ тетушка рассказывала о томъ, какъ она выучилась шить. (Рассказъ).

Когда мнѣ было шесть лѣтъ, я просила мать дать мнѣ шить. Она сказала: „ты еще мала, ты только пальцы наколешь;“ а я все приставала. Мать достала изъ сундука красный лоскутъ и дала мнѣ; потомъ вдѣла въ иголку красную нитку и показала мнѣ, какъ держать. Я стала шить, но не могла дѣлать ровныхъ стежковъ; одинъ стежокъ выходилъ большой, а другой попадалъ на самый край и прорывался насквозь. Потомъ я уколола палецъ и хотѣла не заплакать, да мать спросила меня: „что ты?“ — я не удержалась и заплакала. Тогда мать велѣла мнѣ идти играть.

Когда я легла спать, мнѣ все мерещились стежки; я все думала о томъ, какъ бы мнѣ скорѣе выучиться шить, и мнѣ казалось такъ трудно, что я никогда не выучусь. А теперь я выросла большая и не помню, какъ выучилась шить; и когда я учу шить свою дѣвочку, удивляюсь, какъ она не можетъ держать иголку.

× Тонкія нитки. (Басня).

Одинъ человекъ заказалъ пряхѣ тонкія нитки. Пряха спряла тонкія нитки, но человекъ сказалъ, что нитки не хороши

и что ему нужны нитки самыя тонкія. Пряха сказала: „если тебѣ эти не тонки, такъ вотъ тебѣ другія;“ и она показала на пустое мѣсто. Онъ сказалъ, что не видитъ. Пряха сказала: „отъ того и не видишь, что онѣ очень тонки; я и сама не вижу.“

Дуракъ обрадовался и заказалъ себѣ еще такихъ нитокъ, а за эти заплатилъ деньги.

× × Отъ скорости сила. (Быль).

Одинъ разъ машина ѣхала очень скоро по желѣзной дорогѣ. А на самой дорогѣ, на переѣздѣ, стояла лошадь съ тяжелымъ возомъ. Мужикъ гналъ лошадь черезъ дорогу, но лошадь не могла сдвинуть возъ, потому что заднее колесо соскочило. Кондукторъ закричалъ машинисту: „держи,“ но машинистъ не послушался. Онъ смекнулъ, что мужикъ не можетъ ни согнать лошадь съ телѣгой, ни своротить ее, и что машину сразу остановить нельзя. Онъ не сталъ останавливать, а самымъ скорымъ ходомъ пустил машину и во весь духъ налетѣлъ на телѣгу. Мужикъ отбѣжалъ отъ телѣги, а машина, какъ щепку, сбросила съ дороги телѣгу и лошадь, а сама не тряхнулась пробѣжала дальше. Тогда машинистъ сказалъ кондуктору: „теперь мы только убили одну лошадь и сломали телѣгу, а если бы я тебя послушалъ, мы сами бы убились и перебили бы всѣхъ пассажировъ. На скоромъ ходу мы сбросили телѣгу и не слышали толчка, а на тихомъ ходу насъ бы выбросило изъ рельсовъ.“

× Левъ и мышь. (Басня).

Левъ спалъ Мышь пробѣжала ему по тѣлу. Онъ проснулся и поймалъ ее. Мышь стала просить, чтобы онъ пустил ее; она сказала: „если ты меняпустишь, и я тебѣ добро сдѣлаю.“ Левъ засмѣялся, что мышь обѣщаетъ ему добро сдѣлать, и пустил ее.

Потомъ охотники поймали льва и привязали веревкой къ дереву. Мышь услышала львиный ревъ, пробѣжала, перегрызла

веревку и сказала: „помнишь, ты смѣялся, не думалъ, чтобы я могла тебѣ добро сдѣлать, а теперъ видишь,—бываетъ и отъ мыши добро.“

Пожарныя собаки. (Быль).

Бываетъ часто, что въ городахъ на пожарахъ остаются дѣти въ домахъ и ихъ нельзя вытащить; потому что они отъ испуга спрячутся и молчатъ, а отъ дыма нельзя ихъ рассмотретьъ. Для этого въ Лондонѣ *) приучены собаки. Собаки эти живутъ съ пожарными, и когда загорится домъ, то пожарные посылаютъ собакъ вытаскивать дѣтей. Одна такая собака въ Лондонѣ спасла двѣнадцать дѣтей; ее звали Бобъ.

Одинъ разъ загорѣлся домъ, и когда пожарные приѣхали къ дому, къ нимъ выбѣжала женщина. Она плакала и говорила, что въ домѣ осталась двухлѣтняя дѣвочка. Пожарные послали Боба. Бобъ побѣжалъ по лѣстницѣ и скрылся въ дымѣ. Черезъ пять минутъ онъ выбѣжалъ изъ дома и въ зубахъ за рубашку несъ дѣвочку. Мать бросилась къ дочери и плакала отъ радости, что дочь была жива. Пожарные ласкали собаку и осматривали ее—не обгорѣла ли она; но Бобъ рвался опять въ домъ. Пожарные подумали, что въ домѣ еще есть что-нибудь живое, и пустили его. Собака побѣжала въ домъ и скоро выбѣжала съ чемъ-то въ зубахъ. Когда народъ рассмотрѣлъ то, что она несла, то всѣ расхохотались: она несла большую куклу.

Обезьяна. (Басня).

Одинъ чѣловѣкъ пошелъ въ лѣсъ, срубилъ дерево и сталъ распиливать. Онъ поднялъ конецъ дерева на пень, сѣлъ верхомъ и сталъ пилить. Потомъ онъ забилъ клинъ въ распиленное мѣсто и сталъ пилить дальше. Распилилъ, вынулъ клинъ и переложилъ его еще дальше.

*) Лондонъ—главный городъ у Англичанъ.

Обезьяна сѣдѣла на деревѣ и смотрѣла. Когда чѣловѣкъ легъ спать, обезьяна сѣла верхомъ на дерево и хотѣла тоже дѣлать; но когда она вынула клинъ, дерево сжалось и прищемило ей хвостъ. Она стала рваться и кричать. Чѣловѣкъ проснулся, пришилъ обезьяну и привязалъ на веревку.

Какъ мальчикъ рассказывалъ про то, какъ его не взяли въ городъ. (Рассказъ).

Собрался батюшка въ городъ, а я ему говорю: „батя, возьми меня съ собой.“ А онъ говоритъ: „ты тамъ замерзнешь; куда тебя.“ Я повернулся, заплакалъ и пошелъ въ чуланъ. Плакалъ-плакалъ и заснулъ. И вижу я во снѣ, будто отъ нашей деревни небольшая дорожка къ часовнѣ и вижу я—по этой дорожкѣ идетъ батя. Я догналъ его, и мы пошли съ нимъ вмѣстѣ въ городъ. Иду я и вижу—впереди топится печка. Я говорю: „батя, это городъ?“ А онъ говоритъ: „онъ самый.“ Потомъ мы дошли до печки, и вижу я—тамъ пекутъ калачи. Я говорю: „купи мнѣ калачика.“ Онъ купилъ и далъ мнѣ. Тутъ я проснулся, всталъ, обулся, взялъ рукавицы и пошелъ на улицу. На улицѣ ребята катаются на ледянкахъ и на салазкахъ. Я сталъ съ ними кататься и катался до тѣхъ поръ пока не иззябъ. Только я вернулся и влѣзъ на печку, слышу—батя вернулся изъ города. Я обрадовался, вскочилъ и говорю: „Батя, что—купилъ мнѣ калачика?“ Онъ говоритъ: „купилъ;“ и далъ мнѣ калачъ. Я вскочилъ на лавку и сталъ плясать отъ радости.

Лгунъ. (Басня).

Мальчикъ стерегъ овецъ и будто увидалъ волка, сталъ звать: „помогите, волкъ! волкъ!“ Мужики прибѣжали и видятъ неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось—и вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: „сюда, сюда, скорѣй, волкъ!“ Мужики подумали, что опять по всегдашнему обманываетъ,—не послушали его. Волкъ видитъ, боится нечего: на просторѣ перерѣзалъ все стадо.

Какъ въ городѣ Парижѣ *) починили домъ. (Быль).

Въ одномъ большомъ домѣ разошлись врозь стѣны. Стали думать, какъ ихъ свести такъ, чтобы не ломать крыши. Одинъ человѣкъ придумалъ. Онъ вдѣлалъ съ обѣихъ сторонъ въ стѣны желѣзныя ушки: потомъ сдѣлалъ желѣзную полосу, такую, чтобы она на вершокъ не хватало отъ ушка до ушка. Потомъ загнулъ на ней крюки по концамъ такъ, чтобы крюки входили въ ушки. Потомъ разогрѣлъ полосу на огнѣ; она раздалась и достала отъ ушка до ушка. Тогда онъ задрлъ крюками за ушки и оставилъ ее такъ. Полоса стала остывать и сжиматься, и стянула стѣны.

Осель и лошадь. (Басня).

У одного человѣка были осель и лошадь. Шли они по дороге; осель сказалъ лошади: „мнѣ тяжело, не дотащу я все-го; возьми съ меня хоть немного.“ Лошадь не послушалась. Осель упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ все съ осла на лошадь, да еще и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: „охъ, горѣ мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной! Не хотѣла я немножко ему подсобить, теперь вотъ все ташу, да еще и шкуру.“

Какъ мальчикъ рассказывалъ про то, какъ его въ лѣсу застала гроза. (Басня).

Когда я былъ маленькій, меня послали въ лѣсъ за грибами. Я дошелъ до лѣсу, набралъ грибовъ и хотѣлъ идти домой. Вдругъ стало темно, пошелъ дождь и загремѣло. Я испугался и сѣлъ подъ большой дубъ. Блеснула молнія такая свѣтлая, что мнѣ глазамъ больно стало и я зажмурился. Надъ моей головой что-то затрещало и загремѣло; потомъ что-то ударило меня въ голову. Я упалъ и лежалъ до тѣхъ поръ, пока пересталъ дождь. Когда я очнулся, по всему лѣсу капало съ де-

*) Парижъ—главный городъ у Французовъ.

ревьевъ, пѣли птицы и играло солнышко. Большой дубъ сломался и изъ него шелъ дымъ. Вокругъ меня лежали оскретки отъ дуба. Платье на мнѣ было все мокрое и липло къ тѣлу: на головѣ была шишка и было немножко больно. Я нашелъ свою шапку, взялъ грибы и побѣжалъ домой. — Дома никого не было; я досталъ въ столѣ хлѣба и влѣзъ на печку. Когда я проснулся, я увидалъ съ печки, что грибы мои изжарили, поставили на столъ и уже хотятъ ѣсть. Я закричалъ: „что вы безъ меня ѣдите?“ Они говорятъ: „чтожъ ты спишь? иди скорѣй, ѣшь.“

Галка и голуби. (Басня).

Галка увидала, что голубей хорошо кормятъ,—выбѣлилась и влетѣла въ голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь и пустили ее. Но галка забылась и закричала по галчьи. Тогда ее голуби стали клевать и прогнали. Галка полетѣла назадъ къ своимъ, но галки испугались ее оттого, что она была бѣлая и тоже прогнали.

Мужикъ и огурцы. (Басня).

Пошелъ разъ мужикъ къ огороднику огурцы воровать. Подполосъ онъ къ огурцамъ и думаетъ: „вотъ дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ; на эти деньги курочку куплю. Нанесетъ мнѣ курица яицъ, сядетъ насѣдочкой, выведетъ много цыплятъ. Выкормлю я цыплятъ, продамъ, куплю поросеночка—свинку; напороситъ мнѣ свинка поросятъ. Продамъ поросятъ, куплю кобылку; ожеребитъ мнѣ кобылка жеребятъ. Выкормлю жеребятъ, продамъ; куплю домъ и заведу огородъ. Заведу огородъ, насажу огурцовъ воровать не дамъ, карауль буду крѣпкій держать. Найму караульщиковъ, посажу на огурцы, а самъ такъ-то пойду сторонкой, да крикну: „эй, вы, караульте крѣпче!“ Мужикъ такъ задумался, что и забылъ совѣмъ, что онъ на чужомъ огородѣ, и закричалъ всю всю глотку. Караульщики услышали, выскочили, избили мужика.

Баба и курица. (Басня).

Одна курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что если больше давать корму, курица вдвое будет нестись. Такъ и сдѣлала. А курица зажириѣла и вовсе перестала нестись.

Старый дѣдъ и внучекъ. (Басня).

Сталъ дѣдъ очень старъ. Ноги у него не ходили, глаза не видѣли, уши не слышали; зубовъ не было. И когда онъ ѣлъ, у него текло назадъ изо рта. Сынъ и невѣстка перестали его за столъ сажать, а давали ему обѣдать за печкой. Снесли ему разъ обѣдать въ чашкѣ. Онъ хотѣлъ ее подвинуть, да уронилъ и разбилъ. Невѣстка стала бранить старика за то, что онъ имъ все въ домѣ портитъ и чашки бьетъ и сказала, что теперь она ему будетъ давать обѣдать въ лоханкѣ. Старикъ только вздохнулъ и ничего не сказалъ. Сидятъ разъ мужъ съ женой дома и смотрятъ—сыннишка ихъ на полу дощечками играетъ—что-то слаживаеетъ. Отецъ и спросилъ: что ты это дѣлаешь, Миша? А Миша и говорить: „это я, батюшка, лоханку дѣлаю. Когда вы съ матушкой стары будете, чтобы васъ изъ этой лоханки кормить.“

Мужъ съ женой поглядѣли другъ на друга и заплакали. Имъ стало стыдно за то, что они такъ обижали старика, и стали съ тѣхъ поръ сажать его за столъ и ухаживать за нимъ.

Дѣлежъ наслѣдства. (Басня).

У одного отца было два сына. Онъ сказалъ имъ: „умру,—раздѣлите все пополамъ“. Когда отецъ умеръ, сыновья не могли раздѣлить безъ спору. Они пошли судиться къ сосѣду. Сосѣдъ спросилъ у нихъ: „Какъ вамъ отецъ велѣлъ дѣлиться.“ Они сказали: „онъ велѣлъ дѣлить все пополамъ.“ Сосѣдъ сказалъ „такъ разорвите пополамъ все платье, разбейте пополамъ всю посуду и пополамъ разрѣжьте всю скотину.“ Братья послушали сосѣда и у нихъ ничего не осталось.

Куда дѣвается вода изъ моря? (Разсужденіе).

Изъ родниковъ, ключей и болотъ вода течетъ въ ручьи, изъ ручьевъ въ рѣчки, изъ рѣчекъ въ большія рѣки, а изъ большихъ рѣкъ течетъ въ моря. Съ другихъ сторонъ въ моря текутъ другія рѣки, и все рѣки текутъ въ моря съ тѣхъ поръ, какъ мръ сотворенъ. Куда дѣвается вода изъ моря? Отчего она не течетъ черезъ край?

Вода изъ моря поднимается туманомъ; туманъ поднимается выше, потомъ изъ тумана дѣлаются тучи. Тучи гонитъ вѣтромъ и разноситъ по землѣ. Изъ тучъ вода падаетъ на землю. Съ земли стекаетъ въ болота и ручьи. Изъ ручьевъ течетъ въ рѣки; изъ рѣкъ въ море. Изъ моря опять вода поднимается въ тучи, тучи разносятся по землѣ.

Левъ, медвѣдь и лисица. (Басня)

Левъ и медвѣдь добыли мяса и стади за него драться. Медвѣдь не хотѣлъ уступить и левъ не уступалъ. Они такъ долго бились, что ослабѣли и оба легли. Лисица увидала промежъ ихъ мясо, подхватила его и убѣжала.

Какъ мальчикъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ дѣдушкѣ нашелъ пчелиныхъ матокъ. (Разсказъ).

Мой дѣдушка лѣтомъ жилъ на пчельникѣ. Когда я прихаживалъ къ нему, онъ давалъ мнѣ меду.

Одинъ разъ я пришелъ на пчельникъ и сталъ ходить промежъ ульевъ. Я не боялся пчелъ, потому что дѣдъ научилъ меня тихо ходить по осѣку*).

И пчелы привыкли ко мнѣ и не кусали. Въ одномъ ульѣ я услышалъ, что-то квохчетъ. Я пришелъ къ дѣду въ избушку и разсказалъ ему.

*) Мѣсто, гдѣ ставятъ пчелъ.

Онъ пошелъ со мною, самъ послушалъ и сказалъ: „изъ этого улья уже вылетѣлъ одинъ рой, первакъ, съ старой маткой; а теперь молодыя матки вывелись. Это онѣ кричатъ. Онѣ завтра съ другимъ роемъ вылетать будутъ.“ Я спросилъ у дѣдушки, какія такія бываютъ матки? Онъ сказалъ:

— „А matka все равно, что царь въ народѣ: безъ нея нельзя быть пчеламъ.“

Я спрашивалъ: „а изъ себя онѣ какія?“

Онъ сказалъ: „приходи завтра; Богъ дастъ отроится, — я тебѣ покажу и меду дамъ.“

Когда я на другой день пришелъ къ дѣдушкѣ, у него въ сѣняхъ висѣли двѣ закрытыя роевни съ пчелами. Дѣдъ велѣлъ мнѣ надѣть сѣтку и обвязалъ мнѣ ее платкомъ по шеѣ; потомъ взялъ одну закрытую роевню съ пчелами и понесъ ее на пчельникъ. Пчелы гудѣли въ ней. Я боялся ихъ и запрягалъ руки въ портки; но мнѣ хотѣлось посмотрѣть матку, и я пошелъ за дѣдомъ.

На осѣкѣ дѣдъ подошелъ къ простой колодѣ, приладилъ корытце, открылъ роевню и вытряхнулъ изъ нея пчелъ на корыто. Пчелы поползли по корыту въ колоду и всѣ трубили а дѣдъ вѣничкомъ пошевеливалъ ихъ.

„А вотъ и matka?“ Дѣдъ указалъ мнѣ вѣничкомъ, и я увидалъ длинную пчелу съ короткими крылышками. Она проползла съ другими и скрылась. Потомъ дѣдъ снялъ съ меня сѣтку и пошелъ въ избушку. Тамъ онъ далъ мнѣ большой кусокъ меду, я съѣлъ его и обмазалъ себѣ щеки и руки. Когда я пришелъ домой, мать сказала:

Опять тебя баловникъ-дѣдъ медомъ кормилъ.“ А я сказалъ: „онъ за то мнѣ далъ меду, что я ему вчера нашель улей съ молодыми матками, а нынче мы съ нимъ рой сажали.“

Собака, пѣтухъ и лисица. (Басня).

Собака и пѣтухъ пошли странствовать. Вечеру пѣтуха уснулъ на деревѣ, а собака пристроилась у того же дерева

промежъ кореньевъ. Какъ пришло время, пѣтухъ запѣлъ. Лисица услышала пѣтуха, прибѣжала и стала снизу просить, чтобы онъ сошелъ къ ней, будто ей хочется оказать почтенье ему за то что у него голосъ хорошъ. Пѣтухъ сказалъ: „надо прежде разбудить дворника, онъ спитъ промежъ кореньевъ. Пусть отопретъ, тогда я сойду. Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила лисицу.“

Море. (Описание).

Море широко и глубоко, конца морю не видно. Въ морѣ солнце встаетъ и въ морѣ садится. Дна моря никто не досталъ и не знаетъ. Когда вѣтра нѣтъ, море сине и гладко; когда подуетъ вѣтеръ, море всколыхается и станетъ неровно. Подымутся по морю волны; одна волна догоняетъ другую; онѣ сходятся, сталкиваются и съ нихъ брызжетъ бѣлая пѣна. Тогда корабли волнами кидаетъ, какъ щепки. Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.

Лошадь и конюхъ. (Басня).

Конюхъ кралъ у лошади овесъ и продавалъ, а лошадь каждый день чистилъ. Лошадь и говоритъ: „если вправду хочешь чтобы я была хороша,—овесъ мой не продавай.“

Пожаръ. (Быль).

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее сажались мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула. Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы

приготовили эти снопы на связла*). Маша принесла уголья, положила под снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла в избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и онъ только что выучился ходить), и сказала: „глянь, Килюска, какую я печку вздула.“ Снопы уже горѣли и трещали. Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ вь избу. Кирюшка упалъ на порогъ, расшибъ носъ и заплакалъ; Маша втащила его вь избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего на слыхала и спала. Старшій мальчикъ, Ваня (ему было восемь лѣтъ), былъ на улицѣ. Когда онъ увидаль, что изъ сѣней валить дымъ, онъ вбѣжалъ вь дверь, сквозь дымъ проскочилъ вь избу и сталъ будить бабушку; но бабушка съ сонковъ ошалѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворамъ за народомъ. Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала; только маленькій мальчикъ кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услыхаль его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ: „бѣги, сгорить!“ Маша побѣжала вь сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжелъ и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дотащилъ его къ окну; дверь вь избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ мальчикову голову вь окно и хотѣлъ протолкнуть его; но мальчикъ (онъ очень испугался) ухватился рученками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ Машѣ: „тащи его за голову!“ а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его вь окно на улицу и сами выскочили.

Лягушка и волъ. (Басня).

Левъ услыхаль—лягушка громко квакаетъ и испугался. Онъ подумаль, что большой звѣрь такъ громко кричить. Онъ подождаль немного, видитъ—вышла лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: „Впередъ, не разсмотрѣвши, не буду пугаться.“

*) Соломенные жгуты, чтобы вязать снопы.

Слонъ. (Быль).

У одного Индѣйца былъ слонъ. Хозяинъ дурно кормилъ его и заставлялъ много работать. Одинъ разъ слонъ разсердился и наступилъ ногою на своего хозяина. Индѣецъ умеръ. Тогда жена индѣйца заплакала, принесла своихъ дѣтей къ слону и бросила ихъ слону подъ ноги. Она сказала: „слонъ! ты убилъ отца, убей и ихъ.“ Слонъ посмотрѣлъ на дѣтей, взялъ хоботомъ старшаго, потихоньку поднялъ и посадилъ его себѣ на шею. И слонъ сталъ слушаться этого мальчика и работать для него.

Обезьяна и горохъ. (Басня).

Обезьяна несла двѣ полныя горсти гороху. Выскочила одна горошинка; обезьяна хотѣла поднять и просыпала двадцать горошинокъ. Она бросилась поднимать и просыпала всѣ. Тогда она разсердилась, разметала весь горохъ и убѣжала.

Какъ мальчикъ рассказываль о томъ какъ онъ пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ. (Разсказъ).

Когда я былъ маленькій, меня пугали слѣпыми нищими, и я боялся ихъ. Одинъ разъ я пришелъ домой, а на крыльцѣ сидѣло двое слѣпыхъ нищихъ. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я боялся бѣжать назадъ и боялся пройти мимо ихъ: я думаль, что они схватятъ меня. Вдругъ одинъ изъ нихъ (у него были бѣлые, какъ молоко, глаза) поднялся, взялъ меня за руку и сказалъ: „паренекъ! что-же милостыньку?“ Я вырвался отъ него и прибѣжалъ къ матери. Она выслала со мною денегъ и хлѣба. Нищие обрадовались хлѣбу, стали креститься и ѣсть. Потомъ нищій съ бѣлыми глазами сказалъ: „хлѣбъ твой хорошій—спаси Богъ.“ И онъ опять взялъ меня за руку и ощупаль ее. Мнѣ его стало жалко и съ тѣхъ поръ я пересталъ бояться слѣпыхъ нищихъ.

Дойная корова. (Басня).

У одного человека была корова; она давала каждый день горшок молока. Человек позвал гостей; и чтобы набрать для гостей больше молока, он десять дней не доил коровы. Он думал, что на десятый день корова даст ему десять кубшинов молока.

Но в корову перегорело все молоко и она дала меньше молока, чем прежде.

Китайская царевна Силича. (Быль).

У Китайского Императора Гоанчи была любимая жена Силича. Император хотел, чтобы весь народ помнил его любимую царицу. Он показал жену шелкового червя и сказал: „научись, что с этим червяком делать и как его водить, и тебя народ никогда не забудет.“

Силича стала смотреть червей и увидела, что когда они замирают, то на них бывает паутина. Она размотала эту паутину, спряла ее в нитки и соткала шелковый платок. Потом она заметила, что черви водятся на тутовых деревьях. Она стала собирать листы с тутового дерева и кормить ими червей. Она развела много червей и научила свой народ, как водить их.

С тех пор прошло пять тысяч лет, а Китайцы до сих пор помнят Императрицу Силича и в честь ее празднуют.

Стрекоза и муравьи. (Басня).

Осенью у муравьев подмокла пшеница; они ее сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: „что же ты летом не собрала корму?“ Она сказала: „недосуг было: пьешь пьешь.“ Они засмеялись и говорят: „если летом играла, зимой пляши.“

Мышь-двочка. (Сказка).

Один человек шел под рюкзак и увидел, что ворон несет мышку. Он бросил в него камень, и ворон выпустил мышку; мышка упала в воду. Человек достал ее из воды и принес домой. У него не было детей, и он сказал: „ах! если бы эта мышка стала девочкой!“ И мышка стала девочкой. Когда девочка выросла, человек спросил ее: за кого ты хочешь замуж? Девочка сказала: „хочу выйти за того, кто сильнее всех на свете.“ Человек пошел к солнцу и сказал: „солнце! моя девочка хочет выйти замуж за того, кто сильнее всех на свете. Ты сильнее всех, женись на моей девочке.“ Солнце сказал: „я не сильнее всех: тучи заслоняют меня.“

Человек пошел к тучам и сказал: „тучи! вы сильнее всех, женись на моей девочке.“ Тучи сказали: „нет, мы не сильнее всех: ветер гоняет нас.“

Человек пошел к ветру и сказал: „ветер! ты сильнее всех; женись на моей девочке.“ Ветер сказал: „я не сильнее всех: горы останавливают меня.“

Человек пошел к горам и сказал: „горы, женись на моей девочке: вы сильнее всех.“ Горы сказали: „сильнее нас крыса: она грызет нас.“

Тогда человек пошел к крысе и сказал: „крыса! ты сильнее всех; женись на моей девочке.“ Крыса согласилась. Человек вернулся к девочке и сказал: „крыса сильнее всех: она грызет горы, горы останавливают ветер, ветер гонит тучи, а тучи заслоняют солнце, и крыса хочет жениться на тебе.“ Но девочка сказала: „ах! что мне теперь делать! как же я выйду замуж за крысу?“ Тогда человек сказал: „ах! если бы моя девочка стала опять мышкой!“

Из девочки стала мышка, и мышка вышла замуж за крысу.

Курица и золотые яйца. (Басня).

У одного хозяина курица несла золотые яйца. Ему захотелось сразу побольше золота и он убил курицу (он думал,

что внутри ея большой комъ золота), а она была такая-же, какъ и всѣ курицы.

Липунюшка. (Сказка).

Жилъ старикъ со старухою. У нихъ не было дѣтей. Старикъ похвально въ поле пахать. А старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блиновъ и говоритъ:

„Если бы былъ у насъ сынъ, онъ бы отцу блиновъ отнесъ, а теперь съ кѣмъ я пошлю?“

Вдругъ изъ хлопка вылезъ маленькій сыночекъ и говоритъ: — Здравствуй матушка!

А старуха и говоритъ: „откуда ты, сыночекъ, взялся, и какъ тебя звать?“

А сыночекъ и говоритъ:

— Ты, матушка, отпрядла хлопочекъ и положила въ столбочекъ, я тамъ и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блиновъ батюшкѣ.

Старуха и говоритъ:

„Ты донесешь ли, Липунюшка?“

— Донесу, матушка.

Старуха завязала блины въ узелокъ и дала сыночку. Липунюшка взялъ узелокъ и побѣжалъ въ поле.

Въ полѣ попалась ему на дорогѣ кочка; онъ и кричитъ:

— Батюшка, батюшка, пересади меня черезъ кочку! Я тебѣ блиновъ принесъ.

Старикъ услыхалъ съ поля, кто-то его зоветъ, пошелъ къ сыну навстрѣчу, пересадилъ его черезъ кочку и говоритъ:

— „Откуда ты сынокъ?“ А мальчикъ говоритъ:

— Я, батюшка, въ хлопчкѣ вывелся, и подаль отцу блиновъ. Старикъ сълъ завтракъ, а мальчикъ говоритъ:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старикъ говорить: „у тебя силы не достанетъ пахать.“

А Липунюшка взялся за соху и сталъ пахать. Самъ пахать и самъ пѣсни поетъ.

Бѣхалъ мимо этого поля баринъ и увидалъ, что старикъ сидитъ завтракаетъ, а лошадь одна пахнетъ. Баринъ выпелъ изъ кареты и говоритъ старику: „какъ это у тебя, старикъ, лошадь одна пахнетъ?“

А старикъ говорить: „у меня тамъ мальчикъ пахнетъ, онъ и пѣсни поетъ.“ Баринъ подошелъ ближе, услыхалъ пѣсни и увидалъ Липунюшку.

Баринъ и говоритъ: „старикъ! продай мнѣ мальчика“. А старикъ говорить: „нѣтъ мнѣ нельзя продать, у меня одинъ только и есть.“

А Липунюшка говорить старику: „продай, батюшка, я убѣгу отъ него.“

Мужикъ и продалъ мальчика за сто рублей. Баринъ отдалъ деньги, взялъ мальчика, завернулъ его въ платочекъ и положилъ въ карманъ. Баринъ пріѣхалъ домой и говоритъ женѣ: „я тебѣ радость привезъ.“ А жена говорить: „покажи, что такое?“ Баринъ досталъ платочекъ изъ кармана, развернулъ его; а въ платочкѣ ничего нѣту. Липунюшка уже давно къ отцу убѣжалъ.

Волкъ и старуха. (Басня.)

Голодный волкъ разыскивалъ добычу. На краю деревни онъ услыхалъ въ избѣ плачетъ мальчикъ и старуха говоритъ:

— Не перестанешь плакать, я тебя волку отдамъ.

Волкъ не пошелъ дальше и сталъ дожидаться, когда ему отдадутъ мальчика. Вотъ пришла ночь; онъ все ждетъ и слышитъ—старуха опять приговариваетъ:

— Не плачь, дитятко; не отдамъ тебя волку; только приди волкъ, убьемъ его.

Волкъ и подумалъ: видно тутъ говорятъ одно, а дѣлаютъ другое; и пошелъ прочь отъ деревни.

Котенокъ. (Быль.)

Были братъ и сестра—Вася и Катя; у нихъ была кошка. Весной кошка пропала. Дѣти искали ее вездѣ, но не могли найти. Одинъ разъ они играли подлѣ амбара и услышали надъ головой что-то мяучить тонкими голосами. Вася влѣзъ по лѣстницѣ подъ крышу амбара. А Катя стояла внизу и все спрашивала: нашёлъ? нашёлъ? Но Вася не отвѣчалъ ей. Наконецъ Вася закричалъ ей: нашель! наша кошка... и у нея котята; какіе чудесные; иди сюда скорѣе. Катя побѣжала домой, достала молока и принесла кошкѣ.

Котятъ было пять. Когда они выросли немножко и стали вылѣзать изъ подъ угла, гдѣ вывелись, дѣти выбрали себѣ одного котенка сѣраго съ бѣлыми лапками и принесли въ домъ. Мать раздала всѣхъ остальныхъ котятъ, а этого оставила дѣтямъ. Дѣти кормили его, играли съ нимъ и клали съ собой спать.

Одинъ разъ дѣти пошли играть на дорогу и взяли съ собой котенка.

Вѣтеръ шевелилъ солому по дорогѣ, а котенокъ игралъ съ соломой и дѣти радовались на него. Потомъ они нашли подлѣ дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котенка. Вдругъ они услышали, что кто-то громко кричитъ; назадъ, назадъ! и увидали, что скачетъ охотникъ, а впереди его двѣ собаки увидали котенка и хотятъ схватить его. А котенокъ глупый, вмѣсто того чтобы бѣжать, присѣлъ къ землѣ, сгорбилъ спину и смотритъ на собакъ. Катя испугалась собакъ, закричала и побѣжала прочь отъ нихъ. Вася, что было духу пустился къ котенку и въ одно время съ собаками подбѣжалъ къ нему. Собаки хотѣли схватить котенка, но Вася упалъ животомъ на котенка и закрылъ его отъ собакъ.

Охотникъ подскакалъ и отогналъ собакъ; а Вася принесъ домой котенка и ужъ больше не бралъ его съ собой въ поле.

Ученый сынъ. (Басня.)

Сынъ пріѣхалъ изъ города къ отцу въ деревню. Отецъ сказалъ: „нынче покось, возьми грабли и пойдемъ, пособи мнѣ.“ А сыну не хотѣлось работать, онъ и говоритъ: „я учился наукамъ, а всѣ мужицкія слова забылъ; что такое грабли?“ Только онъ пошелъ по двору, наступилъ на грабли; они его ударили въ лобъ. Тогда онъ и вспомнилъ, что такое грабли, хватился за лобъ и говоритъ: „и что за дуракъ тутъ грабли бросилъ!“

Какъ научились Бухарцы разводить шелковичныхъ червей. (Быль.)

Китайцы долго одни умѣли разводить шелкъ и никому этого искусства не показывали, а продавали за дорогія деньги шелковыя ткани.

Бухарскій царь услышалъ объ этомъ, и ему захотѣлось достать червей и научиться этому дѣлу. Онъ просилъ Китайцевъ дать ему сѣмянъ, червей и деревьевъ. Они отказали. Тогда Бухарскій царь послалъ сватать за себя дочь у Китайскаго Императора и велѣлъ сказать невѣстѣ, что у него всего много въ царствѣ, нѣтъ только одного—шелковыхъ тканей:—такъ чтобы она съ собою потихоньку привезла сѣмянъ шелковицы и червей, а то не во что ей будетъ наряжаться.

Царевна набрала сѣмянъ червей и деревьевъ и положила себѣ въ головную повязку.

Когда на границѣ стали осматривать,—не везѣтъ ли она съ собою потихоньку чего запрещеннаго, никто не посмѣлъ развязать ей повязку.

И Бухарцы развели у себя тутовья деревья и шелковичныхъ червей и царевна научила водить ихъ.

// Мужикъ и лошадь. (Басня).

Поѣхалъ мужикъ въ городъ за овсомъ для лошади. Только что выѣхалъ изъ деревни, лошадь стала заворачивать назадъ къ дому. Мужикъ ударилъ лошадь кнутомъ. Она пошла и думаетъ про мужика: „куда онъ, дуракъ, меня гонить; лучше бы домой.“ Не доѣзжая до города, мужикъ видитъ, что лошади тяжело по грязи, своротилъ на мостовую; а лошадь воротить прочь отъ мостовой. Мужикъ ударилъ кнутомъ и дернулъ лошадь; она пошла на мостовую и думаетъ: „зачѣмъ онъ меня повернулъ на мостовую, только копыта обломаешь. Тутъ подъ ногами жестко.“

Мужикъ подѣхалъ къ лавкѣ, купилъ овса и поѣхалъ домой. Когда пріѣхалъ домой, далъ лошади овса. Лошадь стала ѣсть и думаетъ: „какіе люди глупые! только любятъ надъ нами умничать, а ума у нихъ меньше нашего. О чемъ онъ хлопоталъ? Куда-то ѣздили и гоняли меня. Сколько мы ни ѣздили, а вернулись же домой. Лучше бы съ самаго начала оставаться намъ съ нимъ дома: онъ бы сидѣлъ на печи, а я бы ѣла овесъ.“

Какъ тетушка рассказывала бабушкѣ о томъ, какъ ей разбойникъ Емелька Пугачевъ далъ гривенникъ.
(Быль).

Мнѣ было лѣтъ 8 и мы жили въ Казанской губерніи, въ своей деревнѣ. Помню я, что отецъ съ матерью стали тревожиться и все поминали о Пугачевѣ. Потомъ ужъ я узнала, что появился тогда Пугачевъ разбойникъ. Онъ называлъ себя Царемъ Петромъ III, собралъ много разбойниковъ и вѣшалъ всѣхъ дворянъ, а крѣпостныхъ отпускалъ на волю. И говорили, что онъ съ своимъ народомъ уже недалеко отъ насъ. Отецъ хотѣлъ уѣхать въ Казань, да побоялся насъ дѣтей везти съ собою, потому что погода была холодная и дороги дурныя. Было это дѣло въ ноябрѣ и по дорогамъ опасно

было. И собрался отецъ ѣхать одинъ съ матерью въ Казань, и оттуда обѣщался взять казаковъ и пріѣхать за нами.

Они уѣхали, а мы остались однѣ съ няней Анной Трофимовной и всѣ жили внизу, въ одной комнатѣ. Помню я, сидимъ мы вечеромъ, няня качаетъ сестру и носитъ по комнатѣ, у нея животикъ болѣлъ, а я куклу одѣваю. А Параша, дѣвушка наша, и дьячиха сидятъ у стола, пьютъ чай и разговариваютъ; и все про Пугачева. Я куклу одѣваю, а сама все слушаю, какія страсти дьячиха рассказываетъ. Помню я, рассказывала она, какъ къ сосѣдямъ нашимъ за 40 верстъ Пугачевъ приходилъ и какъ онъ барина на воротахъ повѣсилъ, а дѣтей всѣхъ перебилъ. „Какже они ихъ, злодѣи, убивали?“ спросила Параша.

— Да такъ, матка моя. Игнатычъ сказывалъ: возьмутъ за ножки, да объ уголь.

— И, будетъ вамъ страсти рассказывать при ребѣнкѣ, сказала няня. Иди, Катенька, спать, ужъ пора.

Я хотѣла уже собираться спать, вдругъ слышимъ мы—стучать въ ворота, собаки лаютъ и голоса кричатъ.

Дьячиха съ Парашей побѣжали смотрѣть и сейчасъ же пріѣжали назадъ: Онъ! Онъ!“

Няня забыла и думать, что у сестры животикъ болитъ, бросила ее на постельку, побѣжала къ сундуку, достала оттуда рубашку и сарафанчикъ маленькій. Сняла съ меня все, разула и надѣла крестьянское платье. Голову мнѣ повязала платкомъ и говорить:

— Смотри, если спрашивать будутъ, говори, что ты моя дочь.

— Не успѣли меня одѣть, слышимъ наверху уже стучать сапогами. Слышно много народа нашло. Приѣжала къ намъ дьячиха. Михайла лакей.

— Самъ, самъ пріѣхалъ! Барановъ бить велитъ. Вина, наливочку спрашиваетъ.

Анна Трофимовна говоритъ: всего давай. Да смотри не сказывай, что барскія дѣти. Говори всѣ уѣхали. А про нее говори, что моя внучка.

Всю ночь эту мы не спали. Все къ намъ заходили пьяные казаки.

Но Анна Трофимовна ихъ не боялась. Какъ прилѣтъ какой, она говорить: „чего, голубчикъ, надо? У насъ про васъ ничего нѣтъ. Малыя дѣти, да я старая“.

И казаки уходили.

Къ утру я заснула и когда проснулась, то увидала, что у насъ въ горницѣ казакъ въ зеленой бархатной шубѣ, и Анна Трофимовна ему низко кланяется.

Онъ показаль на мою сестру и говорить: „это чья-же?“—А Анна Трофимовна говорить: „внучка моя, дочернина. Дочь съ господами уѣхала, мнѣ оставила.“

—А эта дѣвчонка! Онъ показаль на меня.

—Тоже внучка, Государь.

Онъ поманиль меня пальцемъ.

—Поди сюда, умница. Я заробѣла.

А Анна Трофимовна говорить:

—Иди, Катюшка, не бойся. Я подошла.

Онъ взяль меня за щеку и говорить:

—Вишь, бѣлолицая какая, красавица будетъ. Вынулъ изъ кармана горсть серебра, выбралъ гривенникъ и далъ мнѣ. „На тебѣ, помни Государя“, и ушелъ.

Погостили они у насъ такъ 2 дня, все поѣли, попили; поломали, но ничего не сожгли и уѣхали.

Когда отецъ съ матерью вернулись, они не знали какъ благодарить Анну Трофимовну, дали ей вольную, но она не взяла и до старости жила и умерла у насъ. А меня шутя звали съ тѣхъ поръ: Пугачева невѣста. А гривенникъ тотъ, что мнѣ далъ Пугачевъ, я до сихъ поръ храню; и какъ взгляну на него, вспоминаю свои дѣтскіе годы и добрую Анну Трофимовну.

✓

Визирь Абдуль. (Сказка).

Быль у Персидскаго царя правдивый визирь Абдуль. Поѣхаль онъ разъ къ царю черезъ городъ. А въ городѣ собрался народъ бунтовать. Какъ только увидали визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьютъ, если онъ по ихнему не слѣдуетъ. Одинъ человекъ такъ осмѣлился, что взяль его за бороду и подергаль ему бороду.

Когда они отпустили визиря онъ приѣхаль къ царю и упротилъ его помочь народу, и не наказывать за то, что они его такъ обидѣли.

—На другое утро пришель къ визирю лавочникъ. Визирь спросилъ, что ему надо. Лавочникъ говорить: я пришель выдать тебѣ того самаго человека, который тебя такъ обидѣль вчера. Я его знаю — это мой сосѣдъ, его звать Нагимъ, пошли за нимъ и накажи его!

Визирь отпустиль лавочника и послалъ за Нагимомъ. Нагимъ догадался, что его выдали, пришоль ни живъ ни мертвъ къ визирю и упаль въ ноги.

Визирь подняль его и сказалъ: я не затѣмъ призвалъ тебя, чтобы наказывать, а только затѣмъ, чтобы сказать тебѣ, что у тебя сосѣдъ нехорошъ. Онъ тебя выдалъ, берегись его. Ступай съ Богомъ.

* Какъ воръ самъ себя выдалъ (Быль).

Одинъ воръ залѣзъ ночью къ купцу на чердакъ. Онъ отобраль шубы, полотна и хотѣль слѣзть, да спотыкнулся на переметь и загремѣль. Купецъ услыхаль, что что-то зашумѣло надъ головой, разбудиль работника и пошѣль со свѣчей на чердакъ. Работникъ разоспался и говорить купцу: что сморѣть, никого нѣтъ, нешто кошка? Но купецъ все-таки пошѣль на чердакъ. — Какъ только воръ услыхаль, что идѣтъ кто-то,

онъ положилъ шубы и полотна на прежнее мѣсто и сталъ искать мѣста, куда бы спрятаться. Увидаль онъ большая куча чего-то. А это была куча табаку листового. Воръ раскопалъ табакъ, влѣзъ въ середину и прикрылся табакомъ. И слышитъ воръ, что вошли двое — ходятъ, и говорятъ. Купецъ говоритъ: я слышалъ, что-то тяжелое загремѣло. А работникъ говоритъ: чему гремѣть, либо кошка, либо домовый. Купецъ прошель мимо табаку, ничего не замѣтилъ и говоритъ: и то видно показалось, никого нѣтъ, ну пойдёмъ. И слышитъ воръ, что они уходятъ и думаетъ: теперь всё опять соберу и вылѣзу въ окно. Только вдругъ чувствуетъ воръ, что ему въ носу зашекотало отъ табаку и чихнуть хочется. Зажалъ онъ ротъ рукой, еще больше щекочетъ и не можетъ держаться, чтобы не чихнуть. Купецъ съ работникомъ уже стали выходить. Слышать — въ углу, кто-то чихаетъ: чихъ! чихъ. А чихъ! Вернулись и поймали вора.

Н о ш а. (Басня).

— Два человекъ шли вмѣстѣ по дорогѣ и несли на плечахъ каждый свою ношу. Одинъ человекъ несъ, не снимая всю дорогу, а другой всё оставался, снималъ ношу и садился отдыхать. Но ему надо было всякій разъ опять поднимать ношу и опять взваливать на плечи. И тотъ, который снималъ ношу, больше усталъ, чѣмъ тотъ, который несъ не снимая.

К о с т о ч к а.

Купила мать сливъ и хотѣла ихъ дать дѣтямъ послѣ обѣда. Онѣ еще лежали на тарелкѣ. Ваня никогда не ѣлъ сливъ и все нюхалъ ихъ. И очень онѣ ему нравились. Очень хотѣлось съѣсть. Онѣ все ходилъ мимо сливъ. Когда никого не было въ горницѣ, онъ не удержался, схватилъ одну сливу и съѣлъ. Передъ обѣдомъ мать сочла сливы и видитъ одной нѣтъ. Она сказала отцу.

За обѣдомъ отецъ и говоритъ: А что, дѣти не съѣлъ ли ктонибудь одну сливу. Всѣ сказали: нѣтъ. Ваня покраснѣлъ, какъ ракъ и сказалъ тоже: нѣтъ я не ѣлъ.

Тогда отецъ сказалъ: что съѣлъ ктонибудь изъ васъ, это нехорошо; но не въ томъ бѣда. Бѣда въ томъ, что въ сливахъ есть косточки и если кто не умѣетъ ихъ ѣсть и проглотить косточку, то черезъ день умретъ. Я этого боюсь.

Ваня поблѣднѣлъ и сказалъ:

Нѣтъ, я косточку бросилъ за окошко.

И всѣ засмѣялись, а Ваня заплакалъ.

Х

Два купца. (Басня).

Одинъ бѣдный купецъ уѣзжалъ въ дорогу и отдалъ весь свой желѣзный товаръ подъ сохраненіе богатому купцу. Когда онъ вернулся, онъ пришель къ богатому купцу и попросилъ назадъ свое желѣзо.

Богатый купецъ продалъ уже весь желѣзный товаръ и чтобы отговориться чѣмънибудь, сказалъ: съ твоимъ желѣзомъ несчастье случилось.

— А что?

— Да я его сложилъ въ хлѣбный амбаръ. А тамъ мышей пропасть. Они все желѣзо источили. Я самъ видѣлъ, какъ онѣ грызли. Если не вѣришь — поди посмотри.

Бѣдный купецъ не сталъ спорить. Онъ сказалъ: чего смотреть. Я и такъ вѣрю. Я знаю мыши всегда желѣзо грызутъ. Прощай. И бѣдный купецъ ушелъ.

На улицѣ онъ увидаль, играетъ мальчикъ — сынъ богатаго купца. Бѣдный купецъ приласкалъ мальчика, взялъ на руки и унесъ къ себѣ.

На другой день богатый купецъ встрѣчаетъ бѣднаго и рассказываетъ свое горе, что у него сынъ пропалъ и спрашиваетъ: не видаль ли, не слыхаль ли?

Бѣдный купецъ и говоритъ:

—Какъ же, видѣлъ. Только сталь я вчера отъ тебя выходить, вижу ястребъ налетѣлъ прямо на твоего мальчика, схватилъ и унёсъ.

Богатый купецъ разсердился и говорить: стыдно тебѣ надо мной смѣяться. Развѣ статочное дѣло, чтобъ ястребъ могъ мальчика унести.

—Нѣтъ, я не смѣюсь. Что жъ удивительнаго, что ястребъ мальчика унёсъ, когда мыши 100 пудовъ желѣза съѣли. Все бываетъ.

Тогда богатый купецъ понялъ и говорить: „Мыши не съѣли твоего желѣза, а я его продалъ и вдвое тебѣ заплачу.“

—А если такъ, то и ястребъ сына твоего не уносилъ; и я его тебѣ отдамъ.

Санъ-Готардская собака (Описаніе).

Есть рядомъ двѣ земли: Швейцарія и Италія. Между этими двумя землями есть горы Альпы. Горы эти такъ высоки, что снѣгъ на нихъ никогда не таетъ. По дорогѣ изъ Швейцаріи въ Италію надо переходить черезъ эти горы. Дорога идетъ черезъ гору Санъ-Готардъ. На самомъ верху этой горы, на дорогѣ построенъ монастырь. И въ этомъ монастырѣ живутъ монахи. Монахи эти молятся Богу и пускаютъ къ себѣ дорожныхъ людей на отдыхъ и на ночлегъ. На Санъ-Готардѣ всегда бываетъ пасмурно: лѣтомъ туманъ и ничего не видно. А зимой бываютъ такія метели, что на пять аршинъ заноситъ снѣгомъ. И проѣзжіе и прохожіе часто замерзаютъ въ эти метели. У монаховъ есть собаки. И собаки эти приучены отыскивать въ снѣгу людей.

Одинъ разъ по дорогѣ въ Швейцарію шла женщина съ ребѣночкомъ. Началась метель женщина сбилась съ дороги, съла въ снѣгу и застыла. Монахи вышли съ собаками и нашли женщину съ ребѣночкомъ. Монахи отогрѣли ребѣночка и выкормили. А женщину они принесли уже мертвую и похоронили у себя въ монастырѣ.

Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ.

Я и такъ брата люблю, а больше за то, что онъ за меня въ солдаты пошелъ. Вотъ какъ было дѣло: стали бросать жеребій. Жеребій палъ на меня, мнѣ надо было идти въ солдаты, а я тогда недѣло какъ женился. Не хотѣлось мнѣ отъ молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говорить: какъ Петрушкѣ идти, онъ молоде. Дѣлать было нечего, стали меня собирать. Сшила мнѣ жена рубахи, собрали мнѣ денегъ, и на завтра надо было идти на ставку въ городъ. Матушка убивалась-плакала, а я какъ подумаю, что идти надо, такъ сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру всѣ ужинать. Никому и ѣсть не хотѣлось. Старшій братъ Николай лежалъ на печи и все молчалъ. Молодайка моя выла. Отецъ сидѣлъ сердитый. Какъ матушка поставила на столъ кашу, такъ никто ее и не тронулъ. Матушка стала звать Николая съ печи ужинать. Онъ сошелъ, перекрестился, сѣлъ у стола, да и говорить: „Не убивайся матушка. Я пойду за Петрушку въ солдаты, я старше его. Авось не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Пётръ, безъ меня покой батюшку съ матушкой и жену мою необижай.“ Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться, стали собирать Николая.

Поутру, когда я проснулся, какъ пораздумалъ, что за меня братъ идетъ, стало мнѣ тошно. Я и говорю: не ходи, Николай, мой чередъ я и пойду. А онъ молчитъ и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба въ городъ на ставку. Онъ становится и я становлюсь. Оба мы ребята хорошіе, стоимъ—ждемъ, не бракуютъ насъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на меня—усмѣхнулся и говорить: „Будетъ, Пётръ, ступай домой. Да не скучайте по мнѣ, я своей охотой иду.“ Заплакалъ я и пошелъ домой. А теперь какъ вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдалъ.

Какъ я въ первый разъ убилъ зайца.

(Разсказъ барина).

У меня былъ дядька Иванъ Андреевичъ. Онъ выучилъ меня стрѣлять когда мнѣ было еще 13 лѣтъ. Онъ досталъ маленькое ружьецо и давалъ мнѣ изъ него стрѣлять, когда мы ходили гулять. И я убилъ разъ галку и другой разъ сороку. Но отецъ не зналъ, что я умѣю стрѣлять. Одинъ разъ, это было осенью въ маменькины именины, мы ожидали дядюшку къ обѣду и я сидѣлъ на окнѣ и смотрѣлъ въ ту сторону откуда ему надо было прѣхать, а отецъ ходилъ по комнатѣ. Я увидѣлъ изъ-за роши четверню сѣрыхъ и коляску и закричалъ: влѣтъ! влѣтъ!..

Отецъ поглядѣлъ въ окно, увидалъ коляску, взялъ картузь и пошелъ на крыльцо встрѣчать. Я побѣжалъ за нимъ. Отецъ поздоровался съ дядей и сказалъ: выходи же. Но дядя сказалъ: нѣтъ, возьми лучше ружье да поѣдемъ со мной. Вотъ тамъ, сейчасъ за рошей, русакъ лежитъ въ зеленяхъ. Возьми ружье, поѣдемъ убьемъ. Отецъ велѣлъ подать себѣ шубку и ружье, а я побѣжалъ къ себѣ, на верхъ, надѣлъ шапку и взялъ свое ружье. Когда отецъ сѣлъ съ дядей въ коляску, я приснастился съ ружьемъ сзади на запятки, такъ что ни кто не видалъ меня.

Только что выѣхали за рошу, дядя велѣлъ кучеру остановиться, поднялся и говорить: видишь вонъ въ той межѣ сѣрѣтся. Справа бурьянчикъ, а влѣво шаговъ на 5—видишь. Отецъ долго смотрѣлъ и все ничего не видалъ. А мнѣ снизу и вовсе не видно было. Наконецъ отецъ увидалъ и они съ дядей пошли по полю. Отецъ несъ ружье на готовѣ, а дядя ему указывалъ. Я шелъ сзади съ своимъ ружьемъ и ничего не могъ видѣть. Но я радъ былъ, что меня не замѣтили. Прошли такъ шаговъ 100. Отецъ остановился, хотѣлъ прикладываться, но дядя остановилъ его: нѣтъ далеко, еще подойдемъ. Онъ подпустилъ. Отецъ послушался, но только они прошли немного русакъ вскочилъ и тутъ я только увидалъ его. Русакъ былъ большой, почти бѣлый, только спинка серебряная. Онъ вскочилъ, поднялъ одно ухо и слегка запрыгалъ отъ насъ. Отецъ

прицѣлился. Хлопъ! Русакъ бѣжить. Отецъ изъ другого ствола. Русакъ бѣжить. Я ужъ забылъ и про отца и про все! Прицѣлился сзади ихъ — хлопъ! Смотрю и самъ глазамъ не вѣрю — русакъ перевернулся черезъ голову, лежитъ и одной задней ногой брыкается. Отецъ и дядя оглянулись. Ты откуда взялся! Ну молодецъ. И съ тѣхъ поръ мнѣ дали ружье и позволили стрѣлять.

Х Мальчикъ съ пальчикъ. (Сказка).

У одного бѣднаго человѣка было семеро дѣтей, маль, мала меньше. Самый меньшой былъ такъ, маль, что когда онъ родился, онъ былъ не больше пальца; и оттого его звали: мальчикъ съ пальчикъ. Но мальчикъ съ пальчикъ, даромъ что былъ маль, былъ очень ловокъ и хитеръ.

Отецъ съ матерью все становились бѣднѣе и бѣднѣе и пришло имъ полъ конецъ такъ плохо, что нечѣмъ стало и дѣтей кормить. Подумали, подумали отецъ съ матерью и положили отнести дѣтей въ лѣсъ подальше и оставить ихъ тамъ, такъ чтобы они домой не вернулись. Когда отецъ съ матерью говорили про это, мальчикъ съ пальчикъ не спалъ и все слышалъ. На утро мальчикъ съ пальчикъ прежде всѣхъ проснулся и побѣжалъ на ручей и набралъ полны карманы бѣлыхъ камешковъ. Когда отецъ съ матерью повели дѣтей въ лѣсъ, мальчикъ съ пальчикъ шелъ сзади всѣхъ и все бралъ по одному камешку изъ кармана и кидалъ на дорогу.

Когда отецъ съ матерью завели дѣтей далеко въ лѣсъ, они зашли за деревья и убѣжали. Дѣти стали звать ихъ и когда увидали что никто неидетъ, стали плакать.

Только одинъ мальчикъ съ пальчикъ не плакалъ. Онъ кричалъ своимъ тоненькимъ голосомъ: „перестаньте плакать я васъ выведу изъ лѣсу,“ но братья такъ громко плакали, что не слышали его. Когда они услышали его, онъ разсказалъ имъ, что онъ накидалъ на дорогѣ бѣлыхъ камешковъ и выведетъ ихъ

изъ лѣса; они обрадовались и пошли за нимъ. Мальчикъ съ пальчикъ шелъ съ камешка на камешекъ и такъ довелъ ихъ до дома.

Случилось такъ, что въ тотъ самый день, какъ отецъ съ матерью отвели дѣтей въ лѣсъ, отецъ получилъ деньги. Отецъ съ матерью и говорятъ: зачѣмъ мы отвели дѣтей въ лѣсъ. Они пропадутъ тамъ. А теперь у насъ деньги есть и мы можемъ прокормить дѣтей. Мать стала плакать и говорить: Ахъ! если бы только дѣти съ нами были! А мальчикъ съ пальчикъ услышалъ изъ подъ окошка и говоритъ: „а мы вотъ они!“

Мать обрадовалась, побѣжала на крыльцо и всѣ дѣти одинъ за другимъ вошли въ горницу.

Купили все, что надо и стали жить по прежнему; и жили хорошо до тѣхъ поръ, пока деньги не вышли.

Но деньги опять всѣ вышли, опять стали отецъ съ матерью судить, какъ имъ быть и опять положили свести дѣтей въ лѣсъ и оставить ихъ тамъ.

Мальчикъ съ пальчикъ опять услышалъ и какъ пришло утро, хотѣлъ идти потихоньку въ ручей за камешками. Только подошелъ онъ къ двери, хотѣлъ отворить, но дверь была заперта на задвижку; хотѣлъ отодвинуть, да какъ ни бился не могъ достать до задвижки.

Камешковъ нельзя было ему набрать онъ и взялъ хлѣба. Наложилъ въ карманы и думаетъ: какъ они насъ поведутъ я накидаю крошки хлѣба по дорогѣ и по нимъ опять выведу братьевъ.

Отецъ съ матерью опять свели дѣтей въ лѣсъ и ихъ тамъ бросили; и опять мальчикъ съ пальчикъ кидалъ по дорогѣ крошки хлѣба.

Когда старшіе братья стали плакать, мальчикъ съ пальчикъ опять общалъ ихъ вывести.

Но только въ этотъ разъ онъ не нашелъ дороги, потому что птицы поклевали всѣ крошки хлѣба.

Дѣти ходили, ходили по лѣсу и не нашли дороги до самой ночи. Мальчикъ съ пальчикъ проснулся раньше всѣхъ и влѣзъ на дерево, осмотрѣлъ кругомъ и увидѣлъ избушку. Онъ слѣзъ съ дерева, разбудилъ братьевъ и повелъ ихъ къ избушкѣ.

Они постучались и вышла къ нимъ на крыльцо старушка и спросила чего имъ надо. Они сказали, что заблудились въ лѣсу. Тогда старушка пустила ихъ въ домъ и сказала: „Жалко мнѣ васъ за то, что вы къ намъ зашли. Мужикъ мой лудоѣдъ. И если онъ васъ увидитъ онъ съѣстъ васъ. Мнѣ васъ жалко. Спрячьтесь сюда подъ кровать, а завтра я васъ выпущу.“

Дѣти испугались и залѣзли подъ кровать. Вдругъ слышать они, кто-то постучался въ дверь и вошелъ въ горницу. Мальчикъ съ пальчикъ выглянулъ изъ подъ кровати и видитъ страшный лудоѣдъ сѣлъ за столъ и крикнулъ на старушку: „давай вина.“ Старушка подала вина, онъ выпилъ, сталъ нюхать: „А что у насъ людскимъ духомъ пахнетъ! Ктонибудь у тебя спрятанъ.“ Старушка стала говорить, что никого нѣтъ, но лудоѣдъ сталъ нюхать все ближе и ближе и добрался чутьемъ до кровати. Сталъ шарить подъ кроватью руками, поймалъ за ножку мальчика съ пальчикъ и закричалъ: А вотъ они! И онъ вытащилъ ихъ всѣхъ и сталъ радоваться. Потомъ взялъ ножъ и хотѣлъ ихъ рѣзать, но жена уговорила его. Она сказала: „видишь какіе они худые и плохіе, дай мы ихъ покормимъ немножко, они свѣжей и вкуснѣй будутъ.“ Лудоѣдъ послушался, велѣлъ ихъ накормить и положить спать вмѣстѣ съ своими дѣвочками.

А у лудоѣда было 7 дѣвочекъ, такія же маленькія какъ мальчиковы братья. Дѣвочки всѣ лежали и спали на одной кровати и у каждой дѣвочки на головѣ была золотая шапочка. Мальчикъ съ пальчикъ примѣтилъ это и когда лудоѣдъ съ женой ушли, онъ потихоньку снялъ шапочки съ лудоѣдовыхъ дочерей и надѣлъ ихъ на себя и на братьевъ, а свою и братнины шапочки надѣлъ на дѣвочекъ.

Лудоѣдъ всю ночь пилъ вино. И когда онъ много выпилъ, ему захотѣлось опять ѣсть. Онъ всталъ и пошелъ въ ту горницу, гдѣ спали мальчикъ съ пальчикъ съ братьями и 7 дѣвочекъ. Онъ подошелъ къ мальчикамъ ошупалъ на нихъ зо-

лотыя шапочки и говорить: „вотъ съ пьяну чутыя своихъ дочерей не порѣзалъ.“ Оставилъ мальчиковъ и пошѣлъ къ дочерямъ, ощущалъ на нихъ мягкія шапочки и всѣхъ перерѣзалъ и заснулъ.

Тогда мальчикъ съ пальчикъ поднялъ братьевъ, отворилъ дверь и побѣжалъ съ ними въ лѣсъ.

Дѣти ходили всю ночь и весь день и всё не могли выйти изъ лѣса.

А людодѣ, когда проснулся по утру и увидѣлъ, что онъ вмѣсто чужихъ, перерѣзалъ своихъ дѣтей, надѣлъ свои семиверстные сапоги и побѣжалъ въ лѣсъ искать дѣтей.

А семиверстные сапоги были такіе, что кто ихъ надѣнетъ, тотъ каждый шагъ въ 7 верстъ ступаетъ.

Людодѣ искать, искалъ дѣтей; не нашёлъ и подлѣ самыхъ ихъ присѣлъ отдохнуть и заснулъ.

Мальчикъ съ пальчикъ увидалъ, что людодѣ спитъ, подкрался къ нему и вынулъ у него изъ кармана горсть золота и роздалъ братьямъ. Потомъ онъ потихоньку разулъ его. Когда онъ разулъ его, онъ надѣлъ самъ семиверстные сапоги, велѣлъ братьямъ крѣпче взяться рука съ рукой и держаться за него. И онъ побѣжалъ такъ скоро, что сейчасъ же вышелъ изъ лѣса и нашёлъ домъ.

И когда они вернулись, то отдали отцу съ матерью золото. Они стали богаты и больше ужъ не отсылали ихъ.

Дурень. (Стихи — Сказка).

Задумалъ дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати,
Увидѣлъ дурень
Двѣ избы пусты;
Глянулъ въ подполье:
Въ подпольѣ черти,
Востроголовы,
Глаза, что дожки,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
Въ карты играють,
Костью бросаютъ,
Деньги считаютъ.
Дурень имъ молвилъ:
„Богъ да на помощь,
Вамъ, добрымъ людямъ.“
Черти не любятъ,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Стали давити,
Еле живаго
Дурня пустили.
Приходитъ дурень
Домой, самъ плачетъ,
На голосъ воетъ.
А мать бранити,
Жена пѣнати,
Сестра-то тоже:
„Дурень, ты, дурень,
Глупый ты Бабинь,
То-же ты слово

„Не такъ бы молвилъ
„А ты бы молвилъ:
„Будь ты, врагъ, проклять
„Имемъ Господнимъ!
„Черти ушли бы,
„Тебѣ бы, дурню,
„Деньги достались
„За мѣсто клада.“
— „Добро же, баба,
„Ты, бабариха,
„Матерь Лукерья,
„Сестра Чернава,
„Впередъ, я дурень
„Таковъ не буду.“
Пошѣлъ онъ, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати,
Увидѣлъ дурень
Четырехъ братовъ,
Ячень молотять.
Омъ братьямъ молвилъ:
„Будь ты, врагъ, проклять
„Имемъ Господнимъ!“
Какъ сграбятъ дурня
Четыре брата,
Зачали бити,
Еле живаго
Дурня пустили.
Приходитъ дурень
Домой, самъ плачетъ,
На голосъ воетъ,
А мать бранити,

Жена пняти,
 Сестра-то также:
 „Дурень, ты, дурень,
 „Глупый ты Бабинь,
 „То-же ты слово
 „Не такъ бы молвиль:
 „Ты бы имь молвиль:
 „Богъ вамъ на помочь,
 „Чтобъ по сту на день,
 „Чтобъ не сносити“.
 — „Добро же, баба,
 „Ты, бабариха,
 „Матерь Лукерья,
 „Сестра Чернава,
 „Впередь я, дурень,
 „Таковъ не буду“.
 Пошѣль онъ, дурень,
 На Русь гуляти,
 Людей видати,
 Себя казати,
 Увидѣль дурень,
 Семеро братьевъ,
 Матерь хоронять;
 Всѣ они плачуть,
 Голосомъ воють.
 Онъ имъ и молвиль:
 „Богъ вамъ на помочь,
 „Семеро братьевъ,
 „Матъ хоронити,
 „Чтобъ по сту на день,
 „Чтобъ не сносити“.
 Сграбили дурня,
 Семеро братьевъ,
 Зачали бити,
 Стали таскати,
 Въ грязи валати,
 Еле живаго
 Дурня пустили,
 Идетъ онъ, дурень,

Домой, да плачетъ.
 На голосъ воетъ.
 А мать бранити,
 Жена пняти,
 Сестра-то также:
 „Дурень, ты дурень,
 „То-же ты слово
 „Не такъ бы молвиль;
 „А ты бы молвиль:
 „Канунъ да ладанъ,
 „Дай же Господь Богъ,
 „Царство небесно,
 „Пресвѣтлый рай ей.
 „Тебя бы дурня,
 „Тамъ накормили,
 „Кутьей съ блинами“.
 — „Добро же баба,
 „Ты бабариха,
 „Матерь Лукерья,
 „Впередь я, дурень,
 „Таковъ не буду“.
 Пошѣль онъ, дурень,
 На Русь гуляти,
 Людей видати,
 Себя казати,
 На встрѣчу свадьба,
 Онъ имъ и молвиль:
 „Канунъ да ладанъ,
 „Дай Господь Богъ вамъ,
 „Царство небесно,
 „Пресвѣтлый рай всѣмъ“.
 Скочили дружки,
 Схватили дурня,
 Зачали бити,
 Плетьми стегати,
 Въ лицо хлестати.
 Пошѣль, заплакаль,
 Идетъ да воетъ.
 А мать бранити,

Жена пеняти,
 Сестра-то также:
 „Дурень ты, дурень,
 „Ты глупый Бабинь,
 „Ты то-же слово
 „Не такъ бы молвиль;
 „А ты бы молвиль:
 „Дай Господь Богъ вамъ,
 „Князю съ княгиней,
 „Законъ приняти,
 „Любовно жити,
 „Дѣтей сводити.“
 — „Впередь я, дурень,
 „Таковъ не буду.“
 Пошѣль онъ, дурень,
 На Русь гуляти,
 Людей видати,
 Себя казати.
 Попался дурню
 На встрѣчу старецъ;
 Онъ ему молвиль:
 „Дай Богъ тѣ старцу
 „Законъ приняти,
 „Любовно жити,
 „Дѣтей сводити.“
 Какъ схватить старецъ
 За воротъ дурня,
 Сталь его бити,
 Сталь колотити,
 Сломаль костыль весь.
 Пошѣль онъ, дурень,
 Домой, самъ плачетъ
 А мать бранити,
 Жена журити,
 Сестра-то также:
 „Ты дурень, дурень,
 „Ты глупый, Бабинь,
 „Ты то-же слово
 „Не такъ бы молвиль;

„А ты бы молвиль:
 „Благослови мя,
 „Святой Игумень.“
 — „Добро же, баба,
 „Ты бабариха,
 „Матерь Лукерья,
 „Впередь я, дурень,
 „Таковъ не буду.“
 Пошѣль онъ, дурень,
 На Русь гуляти,
 Въ лѣсу ходити.
 Увидѣль дурень
 Въ бору медвѣдя, —
 Медвѣдь за елью
 Дереть корову.
 Онъ ему молвиль:
 „Благослови мя,
 „Святой Игумень.“
 Медвѣдь на дурня,
 Кинулся, сграбилъ
 Зачаль коверкать,
 Зачаль ломати,
 Едва живаго
 Дурня оставиль.
 Приходитъ дурень
 Домой, самъ плачетъ,
 На голосъ воетъ.
 Матери скажетъ,
 А мать бранити,
 Жена пняти,
 Сестра-то также:
 „Ты дурень, дурень,
 „Ты глупый, Бабинь,
 „Ты то-же слово
 „Не такъ бы молвиль;
 „Ты бы зауськаль,
 „Ты бы загайкаль
 „Заулююкаль.“
 — „Добро же, баба,

„Ты, бабариха,
 „Матерь Лукерья,
 „Сестра Чернава,
 „Впередъ я, дурень
 „Таковъ не буду.“
 Пошѣлъ онъ, дурень,
 На Русь гуляти,
 Людей видати,
 Себя казати.
 Идѣтъ онъ, дурень,
 Во чистомъ полѣ,—

На встрѣчу дурню
 Идѣтъ полковникъ.
 Зауськалъ дурень,
 Загайкалъ дурень,
 Заулююкалъ
 Сказалъ полковникъ
 Своимъ солдатамъ,
 Схватили дурня, —
 Зачали бити,
 До смерти дурня
 Тутъ и убили.

Святогоръ Богатырь. Стихи—(сказка).

Выѣзжалъ ли Святогоръ гулять въ чисто поле,
 Никого-то Святогоръ онъ не нахаживаль,
 Съ кѣмъ бы силой богатырской помѣряться;
 А самъ чуетъ въ себѣ силу онъ великую,
 Чуетъ—живчикомъ по жилкамъ разливается.
 Грузно съ силы Святогору, какъ отъ бремени.
 И промолвилъ Святогоръ свѣтъ похваляючись:
 „По моей ли да по силѣ богатырской
 „Какъ державу мнѣ найти, всю землю поднйль бы.“
 Со тѣхъ словъ увидѣлъ Святогоръ прохожаго,—
 Сдалека въ степи идетъ прохожій съ сумочкой, —
 И поѣхаль Святогоръ къ тому прохожему.
 Ёдетъ рысью, всё прохожій идѣтъ передомъ, —
 Во всю прыть не можетъ онъ догнать прохожаго.
 Закричалъ тутъ Святогоръ да громкимъ голосомъ:
 „Гой, прохожій человекъ, пожди немножечко,
 „Не могу догнать тебя на добромъ конѣ.“
 Сдалека прохожій Святогора слушался,
 Становился, съ плечъ на землю бросаль сумочку.
 Наѣзжалъ Святогоръ на эту сумочку,
 Своей плеточкой онъ сумочку пощупываль,—
 Какъ урослая та сумочка не тронется.
 Святогоръ съ коня перстомъ еѣ потрогиваль,—
 Не сворохнется та сумка, не шевельнется,
 Святогоръ съ коня хваталь рукой, потягиваль,—
 Какъ урослая та сумка не поднимется.
 Слѣзъ съ коня тутъ Святогоръ, взялся за сумочку,
 Онъ приладился, взялся руками обѣими,
 Во всю силу богатырску принагужился, —
 Отъ натуги по бѣлу лицу аль кровь пошла,
 А поднйль суму отъ земли только на волосъ,
 По колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю угрязъ.
 Взговорить ли Святогоръ тутъ громкимъ голосомъ:

Ты скажи же мнѣ, прохожій правду истинну,
 „А и что, скажи ты, въ сумочкѣ наложено?“
 Всговорилъ ему прохожій да на тѣ слова:
 „Тяга въ сумочкѣ отъ матери сырой земли.“
 Взговорить тутъ Святогоръ да ко прохожему:
 „А ты самъ кто есть, какъ звать тебя по имени?“
 Взговорить ему прохожій на тѣ слова:
 „Я Микула есмь, мужикъ я Селяниновичъ“
 „Я Микула, — меня любить мать сыра земля.“

ВТОРАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстаго.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.

Типографія Т. Риска, на Старой Басманной домъ Мараса.

1881.

В Т О Р А Я

ВАСИЛЯ ЯШИНА РАБОТА

Дозволено цензурою. Москва, 6 Августа 1881 года.

№ 213.

Томъ II. Книга II.

КАЖДАЯ СТРАНИЦА

МОСКВА

1881

ОГЛАВЛЕНИЕ II-й КНИГИ.

Дѣвочка и грибы	5
Осель въ львиной шкурѣ	6
Какая бывает роса на травѣ	7
Бурица и ласточка	8
Индѣецъ и англичанинъ	9
Олень и ланчукъ	10
Жилетка	11
Лисица и виноградъ	12
Удача	13
Работницы и пѣтухъ	14
Самокругка	15
Рыбакъ и рыба	16
Осызание и зрѣніе	17
Лисица и козелъ	18
Какъ мужикъ убралъ камень	19
Собака и ея тѣнь	20
Шатъ и Донъ	21
Журавль и аистъ	22
Судомъ	23
Садовникъ и сыновья	24
Сова и заяцъ	25
Волкъ и журавль	26
Орель	27
Утка и мѣсяцъ	28
Медвѣдь на повозкѣ	29
Волкъ въ пыли	30
Лозина	31
Мышь подъ амбаромъ	32
Какъ волки учатъ своихъ дѣтей	33
Зайцы и лягушки	34
Какъ тетюшка рассказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной Воробей — Живчигъ	35

Три калача и одна баранка	21
1000 Золотыхъ	—
Петръ I и мужикъ	22
Вѣшеная собака	23
Двѣ лошади	24
Левъ и собачка	—
Ровное наслѣдство	26
Три вора	—
Отецъ и сыновья	27
Отчего бываетъ вѣтеръ?	28
Для чего вѣтеръ?	—
Самыя лучшія груши	30
Волга и Вазуза	31
Теленокъ на льду	—
Золотоволосая царевна	32
Соколы и пѣтухъ	33
Тепло, I	34
Тепло, II	—
Тепло, III	35
Шакалы и слонъ	36
Магнитъ	—
Цапля, рыбы и ракъ	38
Какъ дядя разсказывалъ про то, какъ онъ ѣздитъ верхомъ	39
Ежъ и заяцъ	40
Два брата	42
Водяной и жемчужина	43
Ужъ	44
Воробей и ласточка	46
Камбизъ и Псаменитъ	47
Акула	48
Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса	49
Архіерей и разбойникъ	51
Ермакъ	52
Сухманъ	60

Оселя въ явнкой шкору (Басня)

Оселя вырѣзала явнкую шкуру, и всѣ думали — какъ она будетъ жить и сколько. Подле шкуры развѣшались, и стало видно, что Оселя вырѣзала шкуру, и сколько она будетъ жить.

Явнкая отвѣтъ дова въ тѣвѣ (Описаніе)

Дѣвочка и грибы. (Быль.)

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами. Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу. Онѣ думали, что машина далеко, влѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина. Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка кричала сестрѣ: „не ходи назадъ!“ Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не слышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко и машинистъ свистѣлъ что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: „брось грибы!“ а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собрать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку.

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидали, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и не шевелится.

Потомъ, когда поѣздъ уже отѣхалъ далеко, дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣни, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

Оселъ въ львиной шкурѣ. (Басня.)

Оселъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали — левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно осла. Сбѣжался народъ: исколотили осла.

Какая бываетъ роса на травѣ. (Описание.)

Когда въ солнечное утро, лѣтомъ, пойдешь въ лѣсъ, то на поляхъ, въ травѣ видны алмазы. Всѣ алмазы эти блестятъ и переливаются на солнцѣ разными цвѣтами — и желтымъ, и краснымъ, и синимъ. Когда подойдешь ближе и разглядишь, что это такое, то увидишь, что это капли росы собрались въ треугольныхъ листахъ травы и блестятъ на солнцѣ.

Листокъ этой травы внутри мохнатъ и пушистъ, какъ бархатъ. И капли катаются по листку и не мочатъ его.

Когда неосторожно сорвешь листокъ съ росинкой, то капелька скатится, какъ шарикъ свѣтлый, и не увидишь, какъ проскользнѣтъ мимо стебля. Бывало сорвешь такую чашечку, потихоньку поднесешь ко рту и выпьешь росинку, и росинка эта вкусуе всеякаго напитка кажется.

Курица и ласточка. (Басня.)

Курица нашла змѣиные яйца и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

„То то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ, они тебя первую обидятъ“.

Индѣецъ и Англичанинъ. (Быль.)

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодаго англичанина, привязали его къ дереву и хотѣли убить.

Старый индѣецъ подошелъ и сказалъ: „не убивайте его, а отдайте мнѣ“.

Его отдали.

Старый индѣецъ отвязалъ англичанина, свелъ въ свой палатъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро индѣецъ велѣлъ англичанину идти за собой. Они шли долго, и когда подошли близко къ английскому лагерю, индѣецъ сказалъ:

„Ваши убили моего сына, я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ“.

Англичанинъ удивился и сказалъ: „зачѣмъ ты смѣешься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына: убивай же меня скорѣе“.

Тогда индѣецъ сказалъ: „когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь“. И индѣецъ отпустилъ англичанина.

Олень и Ланчукъ. (Басня.)

Ланчукъ ¹⁾ сказалъ разъ оленю:

„Батюшка, ты и больше и рѣзвѣе собакъ, да еще и рога у тебя огромные на защиту; отчего же ты такъ боишься собакъ?“

Олень засмѣялся и говоритъ:

„Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужъ бѣгу“.

Жилетка. (Быль.)

Одинъ мужикъ занялся торговлей и такъ разбогатѣлъ, что сталъ первымъ богачемъ. У него служили сотни прикащиковъ, и онъ ихъ всѣхъ и по имени не зналъ.

Пропало разъ у купца двадцать тысячъ денегъ. Стали старшіе прикащики розыскивать и розыскали того, кто укралъ деньги.

Пришелъ старшій прикащикъ къ купцу и говоритъ: „я вора нашель. Надо его въ Сибирь сослать“.

Купецъ говоритъ: „а кто укралъ?“ Старшій прикащикъ говоритъ:

¹⁾ Молодой олень.

„Иванъ Петровъ, самъ признался“.

Купецъ подумалъ и говорить:

„Ивана Петрова надо простить“.

Прикащикъ удивился и говорить:

„Какъ-же простить? Этакъ и тѣ прикащики то же будутъ дѣлать; все добро растаскаютъ“. Купецъ говорить: „Ивана Петрова надо простить: когда я начиналъ торговать, мы съ нимъ товарищами были. Когда я женился, мнѣ подѣ вѣнець надѣтъ нечего было. Онъ мнѣ свою жилетку далъ надѣтъ. Ивана Петрова надо простить“.

Такъ и простили Ивана Петрова.

Лисица и виноградъ. (Басня.)

Лисица увидала — висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ-бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать. Чтобы досаду заглушить, она говорить: „зелены еще“.

У д а ч а. (Басня.)

Пріѣхали люди на островъ, гдѣ было много дорогихъ каменьевъ. Люди старались найти больше; они мало ѣли, мало спали, а все работали. Одинъ только изъ нихъ ничего не дѣлалъ; а сидѣлъ на мѣстѣ, ѣлъ, пилъ и спалъ. Когда стали собираться домой, они разбудили этого человѣка и сказали: „ты съ чѣмъ же домой пойдешь?“ Онъ взялъ поднялъ горсть земли подъ ногами и положилъ въ сумку.

Когда всѣ пріѣхали домой, этотъ человѣкъ досталъ свою землю изъ сумки и въ ней нашелъ камень, драгоценнѣе всѣхъ другихъ вмѣстѣ.

Работницы и пѣтухъ. (Басня.)

Хозяйка по ночамъ будила работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось; и онѣ

вздумали убить пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и еще раньше стала поднимать работницъ.

Самокрутка (Быль.)

Одинъ мужикъ выучился мельничному мастерству и сталъ дѣлать мельницы водяныя, вѣтренныя и конныя.

Потомъ онъ задумалъ сдѣлать такую мельницу, чтобы не нужно было ни воды, ни вѣтра, ни лошадей: онъ хотѣлъ сдѣлать такъ, чтобы тяжёлый камень спускался книзу и своей тяжестью вертѣлъ колесо, и опять бы поднимался кверху, и опять спускался — такъ, чтобы мельница ходила сама.

Мужикъ пошѣлъ къ барину и сказалъ: „я придумалъ такую мельницу — самокрутку, что сама будетъ ходить безъ воды и безъ лошадей; только разъ завести, она и будетъ ходить до тѣхъ поръ, пока остановишь. Нѣтъ только у меня денегъ на лѣсъ, да на чугуны. Дай мнѣ, баринъ, триста рублей денегъ, я тебѣ первому сдѣлаю такую мельницу“.

Баринъ спросилъ у мужика — знаетъ ли онъ грамотѣ.

Мужикъ сказалъ, что не знаетъ.

Тогда баринъ сказалъ: „вотъ еслибы ты зналъ грамотѣ, я бы тебѣ книжку далъ о механикѣ, такъ ты бы прочёлъ о такой мельницѣ и увидалъ-бы, что такой мельницы сдѣлать нельзя, что много людей учёныхъ походили съ ума — все выдумывали такую мельницу, чтобъ сама ходила.“

Мужикъ не повѣрилъ барину и сказалъ: „въ книгахъ вашихъ много дурно пишутъ. Такъ-то учёный машинистъ построилъ крупорушку купцу въ городѣ, да только испортилъ, а я хоть не грамотный, да какъ взглянулъ, такъ увидалъ и переладилъ рушку — стала работать“.

Баринъ сказалъ: „чѣмъ же ты подынешь свой камень, когда онъ спустится!“

Мужикъ сказалъ: „самъ по колесу поднимется“.

Баринъ сказалъ: „поднимется, да ниже, а другой разъ поднимется ещё ниже и станетъ, какія ты колеса не прилаживай. Всё равно, какъ если на салазкахъ съ большой горы съѣдешь —

на маленькую поднимешься, а съ маленькой назад на большую никакъ не поднимешься“.

Мужикъ не повѣрилъ, а пошелъ къ купцу и общалъ ему сдѣлать мельницу безъ воды и лошадей.

Купецъ далъ денегъ. Мужикъ строилъ, строилъ, простроилъ все 300 рублей, а мельница не ходитъ.

Тогда мужикъ сталъ свое имѣніе продавать и все простроилъ.

А купецъ говоритъ: „давай мнѣ мельницу, чтобы сама ходила безъ лошадей, или деньги давай назадъ“.

Пришелъ мужикъ къ барину и рассказалъ о своемъ горѣ.

Баринъ далъ ему денегъ и говоритъ: „оставайся у меня работать: строй ты мнѣ мельницы, только водяныя да конныя — на это ты мастеръ, а впередъ за то не берись, чего и поумнѣ тебя люди не сдѣлали“.

Рыбакъ и рыбка. (Басня.)

Поймалъ рыбакъ рыбку. Рыбка и говоритъ:

„Рыбакъ,пусти меня въ воду; видишь я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. Апустишь, да я вырасту, тогда поймаешь — тебѣ пользы больше будетъ“.

Рыбакъ и говоритъ:

„Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ“.

Осязаніе и зрѣніе. (Разсужденіе.)

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетенными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобы онъ катался промежъ обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза, — увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше съ боку) на хорошее, чистое зеркало: тебѣ покажется, что это окно или дверь, и что тамъ сзади что-то есть. Ощупай пальцемъ, — увидишь, что это зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

Лисица и козелъ. (Басня.)

Захотѣлось козлу напиться: онъ слѣзъ подъ кручъ къ колодезю, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ реветъ. Лисица увидала и говоритъ:

„То-то безтолковый! Коли-бы у тебя, сколько въ бородѣ водось, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзаться, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться“.

Какъ мужикъ убралъ камень. (Быль.)

На площади въ одномъ городѣ лежалъ огромный камень. Камень занималъ много мѣста и мѣшалъ ѣздѣ по городу. Призвали инженеровъ и спросили ихъ, какъ убрать этотъ камень и сколько это будетъ стоить?

Одинъ инженеръ сказалъ, что камень надо разбивать на куски порохомъ и потомъ по частямъ свезти его, и что это будетъ стоить 8000 руб.; другой сказалъ, что подъ камень надо подвести большой вагонъ и на каткѣ свезти камень и что это будетъ стоить 6000 рублей“.

А одинъ мужикъ сказалъ: „а я уберу камень и возьму за это 100 рублей“.

У него спросили, какъ онъ это сдѣлаетъ. И онъ сказалъ: „я выкопаю подлѣ самаго камня большую яму; землю изъ ямы развалю по площади, свалю камень въ яму и заровняю землю“.

Мужикъ такъ и сдѣлалъ, и ему дали 100 руб. и еще 100 р. за умную выдумку.

Собака и ея тѣнь. (Басня.)

Собака шла по дощечкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несетъ, — она бросила свое мясо и кинулась отнимать у той собаки, того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

И осталась собака ни при чемъ.

Шать и Донъ. (Сказка.)

У старика Ивана было два сына: Шать Иванычъ и Донъ Иванычъ. Шать Иванычъ былъ старшій братъ; онъ былъ силь-

нѣе и больше, а Донъ Иванычъ былъ меньшій и былъ меньше и слабѣе. Отецъ показалъ каждому дорогу и велѣлъ имъ слушаться. Шатъ Иванычъ не послушался отца и не пошелъ по показанной дорогѣ, сбился съ пути и пропалъ. А Донъ Иванычъ слушалъ отца и шелъ туда, куда отецъ приказывалъ. За то онъ прошелъ всю Россію и сталъ славенъ.

Въ Тульской губерніи, въ Елифанскомъ уѣздѣ есть деревня „Иванъ-озеро“ и въ самой деревнѣ есть озеро. Изъ озера вытекаютъ въ разныя стороны два ручья. Одинъ ручей такъ узокъ, что черезъ него перешагнуть можно. Этотъ ручей называютъ Донъ. Другой ручеекъ широкій, и его называютъ Шатъ.

Донъ идетъ все прямо и чѣмъ дальше онъ идетъ, тѣмъ шире становится.

Шатъ вертится съ одной стороны на другую. Донъ прошелъ черезъ всю Россію и впалъ въ Черное море. Въ немъ много рыбы, и по немъ ходятъ барки и пароходы.

Шатъ зашатался, не вышелъ изъ Тульской губерніи и впалъ въ рѣку Улу.

Х Журавль и Аистъ. (Басня.)

Мужикъ разставилъ на журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались журавли, а съ журавлями одинъ аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

„Ты меня отпусти: я не журавль, а аистъ; мы самыя почетныя птицы; я у твоего отца на домѣ живу. И по перу видно, что я не журавль“.

Мужикъ говоритъ:

„Съ журавлями поймаю, съ ними и зарѣжу“.

Х Судома. (Сказка.)

Въ Псковской губерніи, въ Порховскомъ уѣздѣ, есть рѣчка Судома, и на берегахъ этой рѣчки есть двѣ горы, другъ противъ дружки.

На одной горѣ былъ прежде городокъ Вышгородъ, на другой горѣ въ прежнія времена судились Славяне. Старики рассказываютъ, что на этой горѣ встарину съ неба висѣла цѣпь, и что кто былъ правъ, тотъ до цѣпи доставалъ рукой, а кто былъ виноватъ, тотъ не могъ достать. Одинъ человекъ занялъ у другаго деньги и отперся. Привели ихъ обоихъ на гору Судому и велѣли доставать до цѣпи. Тотъ, что давалъ деньги, поднималъ руку и сразу доставалъ. Пришѣлъ чередъ виноватому доставать. Онъ не отпирался, а только отдалъ свой костыль поддержать тому, съ кѣмъ, судился, чтобы ловчѣе было руками достать до цѣпи; протянулъ руки и доставалъ. Тогда народъ удивился: какъ оба правы? А у виноватаго костыль былъ пустой, и въ костылѣ были запрятаны тѣ самыя деньги, въ какихъ онъ отпирался. Когда онъ отдалъ въ руки костыль съ деньгами поддержать тому, кому онъ долженъ былъ, онъ съ костылемъ отдалъ и деньги, и потому доставалъ цѣпь.

Такъ онъ обманулъ всѣхъ. Но съ тѣхъ поръ цѣпь поднялась на небо и больше не спускалась. Такъ рассказываютъ старики.

Х Садовникъ и сыновья. (Басня.)

Хотѣлъ садовникъ сыновей приучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

„Вотъ дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что тамъ спрятано“.

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше. И они стали богаты.

Х Сова и заяцъ. (Басня.)

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу, высматривать добычу.

Выскочилъ на полянку большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говоритъ: „что-жъ ты зайца не ловишь?“ Старая говоритъ: „не по силамъ, — великъ русакъ: ты въ него вѣ-“

пишься, а онъ тебя уволочетъ въ чашу“. А молодая сова говоритъ: „а я одной лапой вдѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь“.

И пустилась молодая сова за зайцомъ, вдѣпилась ему лапой въ спину такъ, что все когти ушли, а другую лапу приготовила за дерево удѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она удѣпилась другой лапой за дерево и думала: „не уйдетъ“. Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него въ спинѣ были заросшіе совиные когти.

Волкъ и журавль. (Басня.)

Подавился волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ журавля и сказалъ:

„Ну-ка, ты, журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу“.

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

„Давай же награду“.
Волкъ заскрипѣлъ зубами, да и говоритъ:
„Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?“

✕ Орелъ. (Быль.)

Орелъ свилъ себѣ гнѣздо на большой дорогѣ, вдали отъ моря, и вывелъ дѣтей.

Одинъ разъ подлѣ дерева работаль народъ, а орелъ подлеталь къ гнѣзду съ большой рыбой въ когтяхъ. Люди увидали рыбу; окружили дерево, стали кричать и бросать въ орла камнями.

Орелъ выронилъ рыбу, а люди подняли её и ушли.

Орелъ сѣлъ на край гнѣзда, а орлята подняли свои головы и стали пищать: они просили корма.

Орелъ усталъ и не могъ летѣть опять на море; онъ спустился въ гнѣздо, прикрылъ орлята крыльями, ласкалъ ихъ, оправлялъ имъ перушки и какъ будто просилъ ихъ, чтобы они подождали немного. Но чѣмъ больше онъ ихъ ласкалъ, тѣмъ громче они пищали.

Тогда орелъ отлетѣлъ отъ нихъ и сѣлъ на верхній сукъ дерева... — охотъ отъ орла...
Орлята засвистали и запищали еще жалобнѣе.

Тогда орелъ вдругъ самъ громко закричалъ, расправилъ крылья и тяжело полетѣлъ къ морю. Онъ вернулся только поздно вечеромъ; онъ летѣлъ тихо и низко надъ землею, въ когтяхъ у него опять была большая рыба.

Когда онъ подлеталь къ дереву, онъ оглянулся, — нѣтъ ли опять вблизи людей, быстро сложилъ крылья и сѣлъ на край гнѣзда.

Орлята подняли головы и разинули рты, а орелъ разорвалъ рыбу и накормилъ ихъ.

Утка и мѣсяць. (Басня.)

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивала рыбу и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяць въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобъ поймать мѣсяць. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужъ не ловила ее и умерла съ голоду.

Медвѣдь на повозкѣ. (Быль.)

Повадырь съ медвѣдемъ подошелъ къ кабаку; привязаль медвѣдя къ воротамъ, а самъ вошелъ въ кабакъ выпить. Ямщикъ на тройкѣ подѣхаль къ кабаку, закрутилъ коренную и тоже вошелъ въ кабакъ. А въ телѣгѣ у ямщика были калачи. Медвѣдь учуялъ въ повозкѣ калачи, отвязался, подошелъ къ повозкѣ, влѣзъ и сталъ шарить въ сѣнѣ. Лошади оглянулись и шаркнули отъ кабака по дорогѣ. Медвѣдь ухватился лапами за грядки и не знаетъ, какъ ему быть. А лошади что дальше, то пуще разгораются. Медвѣдь держится передними лапами за грядки и только голову поворачиваетъ то на ту сторону, то на другую. А лошади оглянутся-оглянутся — еще шибче катятъ по дорогѣ, подъ гору, на гору... Проѣзжіе не успѣваютъ постораниваться. Катитъ тройка вся въ мылѣ, на

телѣгѣ сидитъ медвѣдь, держится за грядки да по сторонамъ оглядывается. Видитъ медвѣдь, что дѣло плохо — убьютъ его лошади, началъ онъ ревѣть. Еще пуще лошади понеслись. Скакали-скакали, прискакали домой въ деревню. Всѣ смотрятъ, что такое скачетъ. Уткнулись лошади въ свой дворъ, въ ворота. Хозяйка глядитъ, что такое? Не путемъ прискакалъ хозяинъ — видно пьянъ. Выходитъ на дворъ, а съ телѣги не хозяинъ — медвѣдь лѣзетъ. Соскочилъ медвѣдь, да въ поле, да въ лѣсъ.

Волкъ въ пыли. (Басня.)

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашелъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло шль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

„Напрасно ты, волкъ, въ пыли ходишь, глаза заболятъ“. А волкъ говоритъ: „то-то и горе, собаченька, что у меня ужъ давно глаза болятъ, а говорятъ — отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ“.

Лозина. (Быль.)

На Святой мужикъ пошелъ посмотреть — оттаяла ли земля? Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ошупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошелъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: „дай обсажу огородъ лозиной; выростетъ — защита будетъ!“ Взялъ топоръ, нарубилъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу подъ землею выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями — замерзли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялись. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины и двѣ только остались. На другую весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала окореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчелы гудмя гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и

мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной; а ребята лазили на неё и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ — тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она всё росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина всё росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребенка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина всё росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили её — она всё росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и всё росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить её на колоду, да бросилъ: она была доже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а всё росла, и всё каждый годъ прилетали пчелы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводять огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ влѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они всё въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; всё нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на неё и закричалъ: что, издохла старая кочерга, давно пора было.

Мышь подъ амбаромъ. (Басня.)

Жила одна мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житьё было хорошее, но она захотѣла похвастаться своимъ житьёмъ. Прогрызла больше дыру и позвола другихъ мышей къ себѣ въ гости. „Идите“, говоритъ, „ко мнѣ. Я васъ угошу. Корму на всѣхъ достанетъ“. Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ её.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей. (Разсказъ.)

Я шёлъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ пастухъ. Онъ бѣжалъ по полю и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ — по полю бѣгутъ два волка; одинъ матерой, другой молодой. Молодой нёсъ на спинѣ зарѣзаннаго ягнѣнка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ побѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягнѣнка, перекинулъ себѣ на спину и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягнѣнка, зарѣзалъ его и понесъ.

На встрѣчу выбѣжалъ волчѣнокъ и бросился къ ягнѣнку. Старый отдалъ нести ягнѣнка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягнѣнка.

Зайцы и лягушки. (Басня.)

Сошлись разъ зайцы и стали плакаться на свою жизнь: „И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. — Давайте, утопимся!“

И поскакали зайцы въ озеро топиться. Лягушки услышали зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ заяцъ и говорить:

„Стойте, ребята! Подождёмъ топиться; вотъ лягушачье житье, видно, еще хуже нашего: онъ и насъ боится.“

Какъ тетюшка разсказывала о томъ, какъ у нея былъ ручной воробей — Живчикъ. (Разсказъ.)

Въ нашемъ домѣ за ставнемъ окна воробей свилъ гнѣздо и положилъ пять яичекъ. Мы съ сестрами смотрѣли, какъ воробей по соломенкѣ и по пѣрушку носилъ за ставню и вилъ тамъ гнѣздышко. А потомъ, когда онъ положилъ туда яйца, мы очень обрадовались. Воробей не сталъ больше прилетать съ пѣрушками и соломой, а сѣлъ на яйца. Другой воробей — намъ сказали, что одинъ мужъ, а другой жена — приносили женѣ червей и кормилъ ее.

Черезъ нѣсколько дней мы услышали изъ-за ставня пискъ и посмотрѣли, что слѣдалось въ воробьиномъ гнѣздѣ: въ немъ было пять крошечныхъ голыхъ птичекъ, безъ крыльевъ и безъ перьевъ; носики у нихъ были желтые и мягкіе, и головы большія.

Они показались намъ очень некрасивы, и мы перестали на нихъ радоваться, а только иногда смотрѣли на то, что они дѣлали. Мать часто отъ нихъ улетала за кормомъ, и когда возвращалась, воробушки съ пискомъ открывали свои желтые клювики, и мать одѣляла ихъ кусочками червяковъ.

Черезъ недѣлю маленькіе воробьи подросли, покрылись пухомъ и стали красивѣе, и тогда мы опять стали часто на нихъ смотрѣть. Мы пришли утромъ къ ставню посмотрѣть нашихъ воробьевъ и увидали, что старый воробей лежитъ мертвый подлѣ ставня. Мы догадались, что воробей сѣлъ на ночь на ставень и заснулъ, и что его раздавили, когда закрывали ставень. Мы подняли стараго воробья и бросили въ траву. Маленькіе пищали, высовывали свои головки и открывали клювики; но ихъ некому было кормить.

Старшая сестра сказала: „вотъ у нихъ теперь нѣтъ матери, некому ихъ кормить; давайте выкормимъ ихъ!“

Мы обрадовались, взяли коробокъ, наклали въ него хлопчатой бумаги, уложили въ него гнѣздо съ птичками и понесли къ себѣ на верхъ. Потомъ мы нарыли червяковъ, намочили

хлѣбъ въ молоко и стали кормить воробушковъ. Они ѣли хорошо, трясли головками, чистили клювики объ стѣнки коробка и всё были очень веселы. X

Такъ мы ихъ кормили весь день, и очень на нихъ радовались. На другое утро, когда мы посмотрѣли въ коробокъ, мы увидали, что самый маленькій воробушекъ лежитъ мертвый, а лапки его запутались въ хлопчатую бумагу. Мы его выкинули и вынули всю хлопчатую бумагу, чтобы другой въ ней не запутался, и положили въ коробокъ травы и моху. Но къ вечеру еще два воробья растопырили свои перушки и раскрыли рты, закрыли глаза и тоже померли.

Черезъ два дня умеръ и четвертый воробушекъ и остался только одинъ. Намъ сказали, что мы ихъ окормили.

Сестра плакала о своихъ воробьяхъ и послѣдняго воробья стала кормить одна, а мы только смотрѣли. Послѣдній — пятый воробушекъ, былъ веселый, здоровый и живой; мы называли его Живчикомъ.

Этотъ Живчикъ жилъ такъ долго, что уже сталъ летать и знать свою кличку.

Когда, бывало, сестра закричитъ: Живчикъ, Живчикъ! онъ прилетитъ, сядетъ ей на плечо, на голову или на руку, и она его кормитъ.

Потомъ онъ выросъ и сталъ самъ кормиться. Онъ жилъ у насъ въ горницѣ наверху, улеталъ иногда въ окно, но всегда прилеталъ ночевать на свое мѣсто въ коробокъ.

Разъ онъ утромъ никуда не полетѣлъ изъ своего коробка; перья у него стали мокрыя и онъ ихъ растопырилъ, какъ и другіе воробья, когда они умирали. Сестра не отходила отъ Живчика, ходила за нимъ; но онъ ничего не ѣлъ и не пилъ.

Три дня онъ былъ боленъ и на четвертый умеръ. Когда мы увидѣли его мертвымъ, на спинкѣ, съ подкорюченными лапками, мы всё три сестры стали такъ плакать, что мать прибѣжала наверхъ узнать, что случилось. Когда она вошла, она увидала на столѣ мертваго воробья и поняла наше горе. Сестра нѣсколько дней не ѣла, не играла, а всё плакала.

Живчика мы завернули въ наши самые лучшіе лоскутки, положили въ деревянный ящичекъ и зарыли въ саду, въ ямкѣ. Потомъ сдѣлали надъ его могилкой бугорокъ и положили камушекъ. X

Три калача и одна баранка. (Басня.)

Одному мужику захотѣлось ѣсть. Онъ купилъ калачъ и съѣлъ; ему всё еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ другой калачъ и съѣлъ; ему всё еще хотѣлось ѣсть. Онъ купилъ третій калачъ и съѣлъ, и ему всё еще хотѣлось ѣсть. Потомъ онъ купилъ баранокъ и, когда съѣлъ одну, сталъ сытъ. Тогда мужикъ ударилъ себя по головѣ и сказалъ:

„Экой я дуракъ! чтожь я напрасно съѣлъ столько калачей! — Мнѣ бы надо сначала съѣсть одну баранку“.

1000 золотыхъ. (Быль.)

Богатый человекъ захотѣлъ отдать 1000 золотыхъ бѣднымъ, но не зналъ, какимъ бѣднымъ дать эти деньги.

Онъ пришелъ къ священнику и говоритъ: „я хочу дать 1000 золотыхъ бѣднымъ, да не знаю, — кому дать. Возьмите деньги и раздайте кому знаете“.

Священникъ сказалъ: „деньги большія, я тоже не знаю, кому дать: можетъ быть я одному дамъ много, а другому мало. Скажите, какимъ бѣднымъ и по сколько дать вашихъ денегъ?“

Богатый сказалъ: „если вы не знаете, кому дать деньги, то Богъ знаетъ: кто первый придетъ къ вамъ, тому и отдайте деньги“.

Въ томъ-же приходѣ жилъ бѣдный человекъ. У него было много дѣтей, а самъ былъ боленъ и не могъ работать. Бѣдный человекъ читалъ разъ псалтырь и прочелъ эти слова: „я былъ молодъ и состарился, и не видалъ праведнаго оставленнаго и дѣтей его просящихъ хлѣба“.

Бѣдный подумалъ: я вотъ оставленъ Богомъ! а я дурнаго ничего не сдѣлалъ. Дай пойду къ священнику, спрошу его, какъ такъ неправда сказана въ Писаніи.

Онъ пришелъ къ священнику. Священникъ увидаль его и сказалъ: „этотъ бѣдный первый пришелъ ко мнѣ“, и отдалъ ему всѣ 1000 золотыхъ богатаго человѣка.

Петръ 1-й и мужикъ. (Быль.)

Наѣхаль Царь Петръ на мужика въ лѣсу. Мужикъ дрова рубить.

Царь говорить: „Божья помощь, мужикъ!“ Мужикъ и говорить: „и то мнѣ нужна Божья помощь“.

Царь спрашиваетъ: „а велика ли у тебя семья?“

— „У меня семьи два сына, да двѣ дочери“.

„Ну, не велико твое семейство. Куда-жъ ты деньги кладешь!“

— „А я деньги на три части кладу: во первыхъ долъ плачу, въ другихъ — въ долъ даю, въ третьихъ — въ воду мечу“.

Царь подумаль и не знаетъ, что это значить, что старикъ и долъ платить, и въ долъ даетъ, и въ воду мечетъ.

А старикъ говорить: „долъ плачу — отца-мать кормлю; въ долъ даю — сыновей кормлю; а въ воду мечу — дочерей рошу“.

Царь и говорить: „умная твоя голова, старичекъ. Теперь выведи меня изъ лѣсу въ поле: я дороги не найду“.

Мужикъ говорить: „найдешь и самъ дорогу: иди прямо, потомъ сверни вправо, а потомъ влѣво, потомъ опять вправо“.

Царь и говорить: я этой грамоты не понимаю: ты сведи меня“.

— „Мнѣ, сударь, водить некогда: намъ въ крестьянствѣ день дорого стоитъ“.

„Ну, дорого стоитъ, такъ я заплачу“.

— „А заплатишь, пойдемъ“.

Сѣли на одноколку, поѣхали.

Сталь дорогой Царь мужичка спрашивать: „далече ли ты, мужичекъ, бываль?“

— „Кое-гдѣ бываль“.

„А видаль ли Царя?“

— „Царя не видаль, а надо бъ посмотрѣть“.

„Такъ вотъ, какъ выѣдемъ въ поле, — и увидишь Царя“.

— „А какъ я его узнаю?“

„Всѣ безъ шапокъ будутъ; одинъ Царь въ шапкѣ.“

Вотъ прѣехали они въ поле. Увидаль народъ Царя, — всѣ снимали шапки. Мужикъ пялить глаза, а не видить Царя.

Вотъ онъ и спрашиваетъ: „а гдѣ же Царь?“

Говорить ему Петръ Алексѣевичъ: „видишь, только мы двое въ шапкахъ — кто-нибудь изъ насъ да Царь“.

* Бѣшеная Собака. (Быль.)

Баринъ купилъ лягаваго щенка въ городѣ и въ рукавѣ шубы привѣзъ его въ деревню. Барыня полюбила щенка и въ горницахъ выхаживала его. Щенокъ выросъ и его назвали Дружкомъ.

Онъ ходилъ на охоту съ бариномъ, караулил домъ и игралъ съ дѣтьми.

Одинъ разъ въ садъ забѣжала собака. Собака эта бѣжала прямо по дорожкѣ, хвостъ у ней былъ опущенъ, ротъ былъ открытъ и изо рта текли слюни. Дѣти были въ саду.

Баринъ увидаль эту собаку и закричалъ: — Дѣти! бѣгите скорѣе домой, — бѣшеная собака!

Дѣти услышали, что кричалъ отецъ, но не видали собаки и бѣжали ей прямо на встрѣчу. Бѣшеная собака хотѣла броситься на одного изъ дѣтей, но въ это время Дружокъ кинулся на собаку и сталъ съ ней грызться.

Дѣти убѣжали, но когда Дружокъ вернулся въ домъ, онъ визжалъ, и на шеѣ у него была кровь.

Черезъ десять дней Дружокъ сталъ скученъ, не пилъ, не ѣлъ и бросился грызть щенка. Дружка заперли въ пустую горницу.

Дѣти не понимали, зачѣмъ заперли Дружка, и пошли потихоньку посмотрѣть собаку.

Они отперли дверь и стали кликать Дружка. Дружокъ чуть не сбиль ихъ съ ногъ, выбѣжалъ на дворъ и легъ въ саду подъ кустомъ. Когда барыня увидала Дружка, она кликнула его,

но Дружокъ не послушался, не замахалъ хвостомъ и не взглянулъ на неё. Глаза у него были мутные, изо рта текла слюна. Тогда барыня позвала мужа и сказала:

— Иди скорѣй! кто-то выпустилъ Дружка, онъ совсѣмъ бѣшеный. Ради Бога сдѣлай съ нимъ что-нибудь.

Баринъ вынесъ ружьё и подошёлъ къ Дружку. Онъ прицѣлился въ него, но рука тряслась у него, когда онъ цѣлился. Онъ выстрѣлил и не попалъ въ голову, а въ задъ.

Собака завизжала и забилась.

Баринъ подошелъ ближе, что-бы разсмотрѣть, что съ нимъ. Весь задъ у Дружка былъ въ крови и обѣ заднія ноги перебиты. Дружокъ подползъ къ барину и сталъ лизать ему ногу. Баринъ затрясся, заплакалъ и убѣжалъ въ домъ.

Тогда кликнули охотника, и охотникъ изъ другаго ружья до смерти убилъ собаку и унёсъ её.

Двѣ лошади. (Басня.)

Двѣ лошади везли два воза. Передняя лошадь везла хорошо, а задняя остановилась. На переднюю лошадь стали класть перекидывать съ задняго воза; когда всё переложили, задняя пошла на легкѣ и сказала передней:

„Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить.“

Когда прѣхали на постоянный дворъ, хозяинъ и говорить:

„Чѣмъ мнѣ двухъ лошадей кормить, а на одной возить; лучше одной дамъ вволю корму, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму.“

Такъ и сдѣлалъ.

Левъ и Собачка. (Быль.)

Въ Лондонѣ показывали дикихъ звѣрей и за смотрѣнье брали деньгами, или собаками и кошками на кормъ дикимъ звѣрямъ.

Одному человѣку захотѣлось поглядѣть звѣрей; онъ ухватилъ на улицѣ собаченку и принёсъ её въ звѣринецъ. Его впустили смотрѣть, а собаченку взяли и бросили въ клѣтку ко льву на съѣдене.

Собачка поджала хвостъ и прижалась въ уголъ клѣтки. Левъ подошелъ къ ней и понюхалъ её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостикомъ.

Левъ тронулъ её лапой и перевернулъ.

Собачка вскочила и стала передъ львомъ на заднія лапки.

Левъ смотрѣлъ на собачку, поворачивалъ голову со стороны на сторону и не трогалъ её.

Когда хозяинъ бросилъ льву мяса, левъ оторвалъ кусокъ и оставилъ собачкѣ.

Вечеромъ, когда левъ лёгъ спать, собачка легла подлѣ него и положила свою голову ему на лапу.

Съ тѣхъ поръ собачка жила въ одной клѣткѣ со львомъ, левъ не трогалъ её, ѣлъ кормъ, спалъ съ ней вмѣстѣ, а иногда игралъ съ ней.

Одинъ разъ баринъ пришелъ въ звѣринецъ и узналъ свою собачку; онъ сказалъ, что собачка его собственная, и попросилъ хозяина звѣринца отдать ему. Хозяинъ хотѣлъ отдать, но какъ только стали звать собачку, чтобы взять её изъ клѣтки, левъ оцетинился и зарычалъ.

Такъ прожили левъ и собачка цѣлый годъ въ одной клѣткѣ.

Черезъ годъ собачка заболѣла и издохла. Левъ пересталъ ѣсть, а всё нюхалъ, лизалъ собачку и трогалъ её лапой.

Когда онъ понялъ, что она умерла, онъ вдругъ вспрыгнулъ, оцетинился, сталъ хлестать себя хвостомъ по бокамъ, бросился на стѣну клѣтки и сталъ грызть засовы и полъ.

Цѣлый день онъ бился, метался по клѣткѣ и ревѣлъ; потомъ лёгъ подлѣ мѣртвой собачки и затихъ. Хозяинъ хотѣлъ унести мѣртвую собачку, но левъ ни кого не подпускалъ къ ней.

Хозяинъ думалъ, что левъ забудетъ свое горе, если ему дать другую собачку, и пустилъ къ нему въ клѣтку живую собачку; но левъ тотчасъ разорвалъ её на куски. Потомъ онъ обнялъ своими лапами мѣртвую собачку и такъ лежалъ пять дней.

На шестой день левъ умеръ.

Ровное наследство. (Басня.)

У одного купца было два сына. Старший был любимецъ отца и отецъ всё своё наследство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшаго сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлять: она хотѣла какъ нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ её послушалъ и не объявлялъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала: къ окну подошѣлъ странникъ и просилъ, о чёмъ она плачетъ?

Она сказала: „какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну всё отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣшенія сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшему. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ и я не знаю, какъ помочь горю.“

Странникъ сказалъ: „твоему горю легко помочь: поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется всё богатство, а меньшему ничего; и у нихъ будетъ поровну.“

Меньшой сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушѣлъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожилъ всё своё имѣнiе, а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ и сталъ богатъ.

Три вора. (Быль.)

Одинъ мужикъ велъ въ городъ продавать осла и козу. На козѣ былъ бубенчикъ.

Три вора увидали мужика, и одинъ сказалъ: „я украду козу, такъ что мужикъ и не замѣтитъ.“

Другой воръ сказалъ „а я изъ рукъ у мужика украду осла“.

Третій сказалъ: „и это не трудно; а я такъ всё платье съ мужика украду“.

Первый воръ подкрался къ козѣ; снялъ съ нея бубенчикъ и привѣсилъ къ хвосту осла, а козу увѣлъ въ поле.

Мужикъ на поворотѣ оглянулся; увидаль, что козы нѣтъ, сталъ искать.

Тогда къ нему подошѣлъ второй воръ и спросилъ, чего онъ ищетъ?

Мужикъ сказалъ, что у него украли козу. Второй воръ сказалъ: „я видѣлъ твою козу: вотъ сейчасъ только въ этотъ мѣстъ пробѣжалъ человекъ съ козою. Его можно поймать“.

Мужикъ побѣжалъ догонять козу и попросилъ вора подержать осла. Второй воръ увѣлъ осла.

Когда мужикъ вернулся изъ лѣсу и увидаль, что и осла его нѣтъ, онъ заплакалъ и пошелъ по дорогѣ.

На дорогѣ, у пруда увидаль онъ—сидитъ человекъ и плачетъ. Мужикъ спросилъ, что съ нимъ?

Человекъ сказалъ, что ему велѣли отнести въ городъ мѣшокъ съ золотомъ и что онъ сълъ отдохнуть у пруда, заснулъ и во снѣ столкнулъ мѣшокъ въ воду.

Мужикъ спросилъ—отчего онъ не лѣзетъ доставать его?

Человекъ сказалъ: „я боюсь воды и не умѣю плавать; но я дамъ 20 золотыхъ тому, кто достанетъ мѣшокъ“.

Мужикъ обрадовался и подумалъ: мнѣ Богъ далъ счастье за то, что у меня украли козу и осла. Онъ раздѣлся, полѣзъ въ воду, но мѣшка съ золотомъ не нашель; а когда онъ вылѣзъ изъ воды, его платье уже не было.

Это былъ третій воръ: онъ укралъ и платье.

Отецъ и сыновья. (Басня.)

Отецъ приказывалъ сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принести вѣнникъ и говорить:

„Сломайте!“

Сколько они не бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣнникъ и велѣлъ ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья по одиночкѣ.

Отецъ и говоритъ:

„Такъ-то и вы, если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться да всё врозь,—васъ всякій легко погубить“.

Отчего бываетъ вѣтеръ? (Разсужденіе.)

Рыбы живутъ въ водѣ, а люди въ воздухѣ. Рыбамъ не слышно и не видно воды, пока сами рыбы не шевелятся, или пока вода не шевелится. И намъ также не слышно воздуха, пока мы не шевелимся, или воздухъ не шевелится.

Но какъ только мы побѣжимъ, мы слышимъ воздухъ—намъ дуетъ въ лицо; а иногда слышно, когда мы бѣжимъ, какъ воздухъ въ ушахъ свиститъ. Когда-же отворимъ дверь въ тёплую горницу, то всегда дуетъ вѣтеръ *низомъ* со двора въ горницу, а *верхомъ* дуетъ изъ горницы на дворъ.

Когда кто нибудь ходитъ по комнатѣ или махаетъ платьемъ, то мы говоримъ: „онъ вѣтеръ дѣлаетъ“, а когда топятъ печку, всегда въ неё дуетъ вѣтеръ. Когда на дворѣ дуетъ вѣтеръ, то онъ дуетъ цѣлые дни и ночи, иногда въ одну сторону, иногда въ другую. Это бываетъ оттого, что гдѣ-нибудь на землѣ воздухъ очень разогрѣется, а въ другомъ мѣстѣ остынетъ,—тогда и начинается вѣтеръ, и низомъ идётъ холодный духъ, а верхомъ тёплый, такъ же какъ съ надворья въ избу. И до тѣхъ поръ дуетъ, пока не согрѣется тамъ, гдѣ было холодно, и не остынетъ тамъ, гдѣ было жарко.

(впередъ) ваяны и лето.

Для чего вѣтеръ?

Свяжутъ крестъ изъ двухъ лучинъ и кругомъ креста обвяжутъ ещё четыре лучины. На всё наклеятъ бумаги. Къ одному концу привяжутъ мочальный хвостъ; а къ другому привяжутъ длинную бичёвку, и выйдетъ змѣй. Потомъ возьмутъ змѣй, разбѣгутся на вѣтеръ и пустятъ. Вѣтеръ подхватитъ змѣй, занесетъ его высоко въ небо. И змѣй подрагиваетъ и гудитъ.

и рвѣтся, и поворачивается, и развѣвается мочальнымъ хвостомъ.

Если-бы не было вѣтра, нельзя бы было пускать змѣя.

Сдѣлаютъ изъ тѣса четыре крыла, утвердятъ ихъ крестомъ въ валъ и придѣлаютъ къ валу шестерни и колеса съ кулачьями, такъ чтобы, когда валъ вертится, онъ бы цѣплялъ за шестерни и колеса, а колеса бы вертели жѣрновъ. Потомъ крылья поставятъ противъ вѣтра: крылья начнутъ вертѣться, станутъ шестерни и колеса цѣплять другъ за друга, и жѣрновъ станетъ вертѣться на другомъ жѣрновѣ. И тогда сыплютъ зерно промежду двухъ жернововъ, зерно растирается, и высынается въ ковшъ мука.

Если бы вѣтра не было, нельзя бы было молотъ зерно на вѣтряныхъ мельницахъ.

Когда плывутъ на лодкѣ и хотятъ плыть скорѣе, то возьмутъ на серединѣ лодки вставятъ въ дыру большой шестъ мачты; къ шесту этому придѣлана верёвка, и поперёкъ перекладина. Къ этой перекладинѣ привяжутъ холстинный парусъ, къ низу паруса привяжутъ веревку и держатъ ее въ рукахъ. Потомъ поставятъ парусъ противъ вѣтра. И тогда вѣтеръ надуетъ парусъ такъ крѣпко, что лодка нагибается на бокъ, верёвка рвѣтся изъ рукъ; и лодка поплывётъ по вѣтру такъ скоро, что подъ носомъ лодки забурчитъ вода, и берега точно бѣгутъ назадъ мимо лодки.

Если бы не было вѣтра, нельзя бы было плавать съ парусомъ.

Тамъ, гдѣ люди живутъ, бываетъ дурной духъ; еслибы не было вѣтра, духъ этотъ такъ и оставался бы. А придѣтъ вѣтеръ, разгонитъ дурной духъ и принесётъ изъ лѣсовъ и съ полей хорошей, чистый воздухъ. Если бы не было вѣтра, люди бы надышали и испортили воздухъ. Воздухъ всё бы стоялъ на мѣстѣ и людямъ надо бы уходить изъ того мѣста, гдѣ они надышали.

Когда дикіе звѣри ходятъ по лѣсамъ и полямъ, то они всегда ходятъ на вѣтеръ, и слышатъ ушами, и чувуютъ носомъ то, что впереди ихъ. Если бы не было вѣтра, они бы не знали, куда имъ идти.

Почти всё травы, вусты и деревья такіе, что для того, чтобы на травѣ, кустѣ или деревѣ завязалось сѣмя, нужно, чтобы

съ одного цвѣтка пыль перелетала на другой цвѣтокъ. Цвѣтки бываютъ далеко другъ отъ друга, и имъ нельзя пересылать свою пыль съ одного на другой.

Когда огурцы растутъ въ парникахъ, гдѣ вѣтра нѣтъ, тогда люди сами срываютъ одинъ цвѣтокъ и накладываютъ на другой, чтобы цвѣтовая пыль попала на плодовой цвѣтокъ, и она бы завязь. Пчѣлы и другія насѣкомыя иногда переносятъ на лапкахъ пыль съ цвѣтка на цвѣтокъ; но больше всего пыль эту переносятъ вѣтеръ. Если бы не было вѣтра, половина растений была бы безъ сѣмени.

Въ тёплое время надъ водой поднимается паръ. Паръ этотъ поднимается выше, и когда остынетъ на верху, то падаетъ внизъ каплями дождя.

Надъ землею поднимается паръ только тамъ, гдѣ есть вода, надъ ручьями, надъ болотами, надъ прудами и рѣками; больше всего надъ моремъ. Если бы вѣтра не было, пары не ходили бы, а собирались бы въ тучи надъ водой и падали бы опять тамъ, гдѣ поднялись. Надъ ручьёмъ, надъ болотомъ, надъ рѣкой, надъ моремъ былъ бы дождь, а на землѣ, на поляхъ и лѣсахъ дождя бы не было. Вѣтеръ разноситъ тучи и поливаетъ землю. Если бы вѣтра не было, то гдѣ вода, тамъ бы было больше воды, а земля вся бы пересохла.

Самыя лучшія груши. (Басня.)

Одинъ баринъ послалъ слугу за грушами, и сказалъ ему: купи мнѣ самыхъ хорошихъ. Слуга пришелъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

„Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ“.

Купецъ сказалъ: „Отвѣдай одну; ты увидишь, что всѣ хороши“.
„Какъ я узнаю“, сказалъ слуга, „что онѣ всѣ хороши, если отвѣдаю только одну?“

Онъ откусилъ по немногу отъ каждой груши и принесъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

Волга и Вазуза. (Сказка.)

Были двѣ сестры: Волга и Вазуза. Онѣ стали спорить, кто изъ нихъ умнѣе и кто лучше проживётъ.

Волга сказала: „зачѣмъ намъ спорить,—мы обѣ на возрастѣ. Давай выйдемъ завтра по утру изъ дому и пойдемъ каждая своей дорогой; тогда увидимъ, кто изъ двухъ лучше пройдетъ и скорѣе придетъ въ Хвалынское царство.“

Вазуза согласилась, но обманула Волгу. Только что Волга заснула, Вазуза ночью побѣжала прямой дорогой въ Хвалынское царство.

Когда Волга встала и увидала, что сестра ея ушла, она ни тихо ни скоро пошла своей дорогой и догнала Вазузу.

Вазуза испугалась чтобъ Волга не наказала ее; назвалась меньшей сестрой и попросила Волгу довести ее до Хвалынскаго царства. Волга простила сестру и взяла съ собой.

Рѣка Волга начинается въ Осташковскомъ уѣздѣ изъ болотъ въ деревнѣ Волго. Тамъ есть не большой колодезь, изъ него течётъ Волга. А рѣка Вазуза начинается въ горахъ. Вазуза течётъ прямо, а Волга поворачиваетъ.

Вазуза весной раньше ломаетъ ледъ и проходитъ, а Волга позднѣе. Но когда обѣ рѣки сходятся, въ Волгѣ уже 30 саженой ширины, а Вазуза еще узкая и маленькая рѣчка. Волга проходитъ черезъ всю Россію на три тысячи сто шестьдесятъ верстъ и впадаетъ въ Хвалынское (Каспійское) море. И ширины въ ней въ полоую воду бываетъ до двѣнадцати верстъ.

Теленокъ на льду. (Басня.)

Теленокъ скакалъ по заутѣ и выучился дѣлать круги и повороты. Когда пришла зима, теленка выпустили съ другою скотиною на ледъ къ водою. Всѣ коровы осторожно подошли къ корыту, а теленокъ разбѣжался на ледъ, загнулъ хвостъ, приложилъ уши и сталъ кружиться. На первомъ же кругу нога его раскатилась, и онъ ударился головою о корыто.

Онъ заревѣлъ:

„Несчастный я! По колѣно въ солому скакалъ—не падалъ, а тутъ на гладкомъ поскользнулся“.

Старая корова сказала:

„Кабы ты былъ не теленокъ, ты бы зналъ, что гдѣ легче скакать, тамъ труднѣе держаться“.

Золотоволосая царевна. (Сказка.)

Въ Индіи была одна царевна съ золотыми волосами; у нея была злая мачиха. Мачиха возненавидѣла золотоволосую падчерицу и уговорила царя сослать ее въ пустыню. Золотоволосую свели далеко въ пустыню и бросили. На пятый день золотоволосая царевна вернулась верхомъ на львѣ назадъ къ своему отцу.

Тогда мачиха уговорила царя сослать золотоволосую падчерицу въ дикія горы, гдѣ жили только коршуны. Коршуны на четвертый день принесли ее назадъ.

Тогда мачиха сослала царевну на островъ среди моря. Рыбаки увидали золотоволосую царевну и на шестой день привезли ее назадъ къ царю.

Тогда мачиха велѣла на дворѣ вырыть глубокій колодезь, опустила туда золотоволосую царевну и засыпала землей.

Черезъ шесть дней изъ того мѣста, куда зарыли царевну, засвѣтился свѣтъ, и когда царь велѣлъ раскопать землю, тамъ нашли золотоволосую царевну.

Тогда мачиха велѣла выдолбить колоду тутоваго ¹⁾ дерева, задѣлала туда царевну и пустила ее по морю.

На девятый день море принесло золотоволосую царевну въ японскую землю и тамъ ее Японцы вынули изъ колоды. Она была жива.

Но какъ только она вышла на берегъ, она умерла, и изъ нея сдѣлался шелковичный червь.

¹⁾ На тутовомъ деревѣ растутъ ягоды—похожи на малину, а листъ похожъ на березовый; этимъ листомъ кормятъ шелковичныхъ червей.

Шелковичный червь вползъ на тутовое дерево и сталъ ѣсть тутовый листъ. Когда онъ повзросъ, онъ вдругъ сдѣлался мертвымъ: не ѣлъ и не шевелился.

На пятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевну принёсъ левъ изъ пустыни,—червь ожилъ и опять сталъ ѣсть листъ.

Когда червь опять повзросъ, онъ опять умеръ и на четвертый день, въ тотъ самый срокъ, какъ коршуны принесли царевну, червь ожилъ и опять сталъ ѣсть.

И опять умеръ, и въ тотъ самый срокъ, какъ царевна вернулась на лодкѣ опять ожилъ.

И опять умеръ въ четвертый разъ и ожилъ на шестой день, когда царевну выкопали изъ колодца.

И опять въ послѣдній разъ умеръ, и на девятый день, въ тотъ самый срокъ, какъ царевна приплыла въ Японію, ожилъ въ золотой шелковой куколкѣ. Изъ куколки вылѣтела бабочка и положила яички, а изъ яичекъ вывелись черви и повелись въ Японіи. Черви пять разъ засыпаютъ и пять разъ оживаютъ.

Японцы разводятъ много червей, дѣлаютъ много шёлка: и первый сонъ червя называется *сномъ льва*, второй—*сномъ коршуна*, третій—*сномъ лодки*, четвертый—*сномъ двора* и пятый—*сномъ колоды*.

Соколы и пѣтухъ. (Басня.)

Соколы привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколы и говорятъ пѣтуху:

„Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности; видна холопская порода. Вы, только когда голодны, идёте къ хозяевамъ. То-ли дѣло мы, дикая птица; въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ; а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами ещё ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ“.

Пѣтухъ и говоритъ:

„Вы не бѣгаете отъ людей оттого что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то-и-дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ“.

Т е п л о. (Разсужденіе.)

I.

Отчего на чугунокъ кладутъ рельсы такъ, чтобы концы не сходились съ концами?

Оттого, что зимой желѣзо отъ холода сжимается, а лѣтомъ отъ жару растягивается. Если-бы зимою вплотную сомкнуть рельсы концы съ концами, они бы лѣтомъ растянулись, уперлись бы другъ въ друга и поднялись.

Отъ жару всё раздается, отъ холода всё сжимается.

Если винтъ не входитъ въ гайку, то погрѣть гайку и винтъ войдѣтъ. А если винтъ слабъ то нагрѣть винтъ и онъ будетъ тугъ.

Отчего стаканъ лопається, если нальѣшь въ него кипятокъ?

Оттого, что то мѣсто, гдѣ кипятокъ, разогрѣвается, растягивается, а то мѣсто гдѣ нѣтъ кипятка, остается по прежнему: внизу тянетъ стаканъ врозь, а вверху не пускаетъ, и онъ лопается.

Т е п л о.

II.

Отчего, когда въ оттепель идѣтъ снѣгъ, онъ таетъ на рукѣ, а на шубѣ остаѣтся?

Оттого, что тепло лица и руки переходитъ въ снѣгъ и выпускаетъ его; отъ этого то мѣсто лица, гдѣ растаялъ снѣгъ, дѣлается холодно.

Отчего, если подержать жестяную кружку съ холодной водой въ ладоняхъ, вода согрѣется, а ладони охолодѣютъ?

Оттого, что тепло изъ рукъ перейдетъ въ жесть, а потомъ въ воду.

Если держать кружку рукавицами, отчего она не скоро согрѣвается?

Оттого, что рукавицы не позволяютъ теплу изъ руки перейти въ воду, а жесть пропускаетъ тепло изъ рукъ въ воду. Желѣзо и жесть пропускаетъ тепло и холодъ, а шуба и дерево не пропускаютъ. Отъ этого желѣзо, жесть, мѣдь и всякій металл ¹⁾ разогрѣваются на солнцѣ сильнѣе дерева, шерсти, бумаги, и скорѣе остываютъ. Отъ этого-то въ холода одѣваются въ мѣха, шерсть и во всё, что не пропускаетъ тепла.

Для чего закрываютъ квашню шубой, а не заслонкой?

Для того, что шуба не пропуститъ тепла, и хлѣбы (квашни) не остынутъ, а заслонка пропуститъ тепло наружу и хлѣбы остынутъ.

Отчего подъ щепой и соломой снѣгъ не таетъ, а лежитъ до Петровокъ?

Отчего лёдъ лучше держится въ погребахъ подъ соломенной крышей?

Отчего, когда хотятъ высушить доски, то кладутъ ихъ подъ желѣзную, а не подъ соломенную крышу?

Для чего на покосѣ и жнитвѣ мужики, чтобы не согрѣлась вода, — обѣртываютъ кувшины полотенцомъ?

Т е п л о.

III.

Отчего, когда вѣтрено безъ мороза, то забнешь, больше, чѣмъ въ морозъ безъ вѣтра?

Оттого, что тепло изъ тѣла переходитъ въ воздухъ, и если тихо, то воздухъ вокругъ тѣла нагрѣвается и стоитъ тѣплый. Но когда дуетъ вѣтеръ, онъ относитъ нагрѣтый воздухъ и приноситъ холодный. Опять изъ тѣла выходитъ тепло и нагрѣваетъ воздухъ вокругъ него и опять вѣтеръ относитъ тѣплый воздухъ. Когда выйдетъ много тепла изъ тѣла, тогда и забнешь.

Отчего, когда горячъ чай въ чашкѣ, на него дуютъ?

¹⁾ Металлы: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, олово, ртуть и другіе.

Шакалы и Слоны. (Басня.)

Шакалы ¹⁾ поѣли всю пададь въ лѣсу, и имъ нечего стало ѣсть. Одинъ старый шакаль придумалъ, какъ имъ прокормить-ся. Онъ пошѣлъ къ слону и говоритъ:

„Быль у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣ-латъ такія дѣла, какихъ нельзя исполнить; хотимъ мы другаго царя выбрать,—и послалъ меня нашъ народъ просить тебя въ пари. У насъ житье хорошее:—что велишь, всё то будемъ дѣлать и почитать тебя во всѣмъ будемъ. Пойдемъ въ наше царство“. Слоны согласился и пошѣлъ за шакаломъ. Шакаль привѣлъ его въ болото. Когда слонъ завязъ, шакаль и гово-рить:

„Теперь приказывай; что велишь, то и будемъ дѣлать“.

Слоны сказалъ:

„Я приказываю вытащить меня отсюда“.

Шакаль размѣялся и говоритъ: „хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,—сейчасъ вытащу“.

Слоны говоритъ:

„Развѣ можно меня хвостомъ вытащить? А шакаль и гово-рить: „такъ зачѣмъ-же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы и перваго царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать“.

Когда слонъ издохъ въ болотѣ, шакалы пришли и съѣли его.

Магнитъ. (Описание.)

Въ старину былъ пастухъ; звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошѣлъ въ горы искать. Пришѣлъ на одно мѣсто, гдѣ—одни голые камни. Онъ пошѣлъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ кам-нямъ. Онъ потрогалъ рукой—камни сухіе и къ рукамъ не лип-нутъ. Пошѣлъ опять,—опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

¹⁾ Звѣри похожіе на маленькихъ волковъ.

Тронуть кожей и подошвой—не прилипаетъ, а какъ тронуть гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ. Онъ тронулъ камень деревомъ—не прилипаетъ: тронулъ желѣзомъ—прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень, видитъ, что похожъ на желѣ-зо, и принёсъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя маг-нитъ похожъ на желѣзо.

Если положишь кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить сталь-ную иголку на магнитъ, и поддержать подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣп-ляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой отворачиваться. И ещё разруби—тоже будетъ, а ещё руби сколько хочешь,—всѣ тоже будетъ: одинакіе концы бу-дутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другаго втягиваетъ. И какъ его не разломи, всё съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другаго втягивать. Всѣ равно какъ словую шишку, гдѣ ни разломи, всё будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другаго чашечкой. Съ того ли, съ другаго ли конца,—чашечка съ пу-помъ сойдется, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить её серединкой на шпенёкъ, такъ чтобы она ходи-ла вольно на шпенёкѣ, то какъ хочешь верти магнитную игол-ку, какъ пустишь—она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали, куда плыть. А если пасмурно,

не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несётъ вѣтромъ и занесётъ на камни, и разобьётъ.

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенекѣ, чтобъ она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плынуть. Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ, и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная верёвка съ узлами на концѣ корабля. И верёвка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

Цапля, рыбы и ракъ. (Басня.)

Жила цапля у пруда и состарѣлась; не стало ужъ въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говорить рыбамъ: „а вы, рыбы, не знаете, что на васъ бѣда собирается: слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ выловить. Знаю я, тутъ за горой хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да старѣ стала: тяжело летать“. Рыбы стали просить цаплю, чтобъ помогла.

Цапля и говорить:

„Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ: только вдругъ не могу, а поодиночкѣ“.

Вотъ рыбы и рады; всѣ просятъ: „меня отнеси, меня отнеси!“

И принялась цапля носить ихъ: возьметъ, вынесетъ въ поле, да и съѣстъ. И переѣла она такъ много рыбъ.

Жилъ въ пруду старый ракъ. Какъ стала цапля выносить рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говорить:

„Ну, теперь, цапля, и меня снеси на новоселье“.

Цапля взяла рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбросить рака. Но ракъ увидаль рыбы косточки на полѣ, стиснулъ клещами цаплю за шею и удавилъ её, а самъ приползъ назадъ къ пруду и рассказалъ рыбамъ.

Какъ дядя рассказывалъ про то, какъ онъ ѣздилъ верхомъ. (Разсказъ.)

У насъ былъ старый старикъ Пимень Тимоѣичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлѣпалъ губами, и нельзя было понять, что онъ говорить.

Насъ было четыре брата и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ: ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подѣзжалъ назадъ, мы закричали: „ну, теперь проскачи!“

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго съѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ подъ горы. Онъ еще хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да ещё и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота.

Когда пришѣлъ мой черёдъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюш-

ни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а шѣлъ шагомъ и то всё заворачивалъ назадъ. Я злился на лошадь и изо всёхъ силъ билъ её хлыстомъ и ногами. Я старался бить её въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ всё не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подѣхалъ къ дядкѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

„Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить? Я обидѣлся и сказалъ: „какъ же я совсѣмъ не ѣздить? Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу! Дай, пожалуйста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу“.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— „Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ. Что его разжигать? Вѣдь ему 20-ть лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышетъ, да и стара. Вѣдь она такая старая? Все равно какъ Пимень Тимоѣичъ. Вы бы сѣли на Тимоѣича, да такъ-то чрезъ силу погоняли бы его хлыстомъ. Что-же, вамъ не жалко бы было?“

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади и, когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ-же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенья за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѣича, когда вижу, что мучаютъ лошадей.

✕ Ежъ и заяцъ. (Басня.)

Повстрѣчалъ заяцъ ежа и говорить:

„Всѣмъ бы ты хороши, ежъ, только ноги у тебя кривыя, заплетаются“.

Ежъ разсердился и говорить:

„Ты что-жъ смѣешься; мои кривыя ноги скорѣе твоихъ прямыхъ бѣгаютъ. Вотъ дай только схожу домой, а потомъ давай побѣжимъ на перегонку!“

Ежъ пошѣлъ домой и говорить женѣ: „я съ зайцемъ поспорилъ: хотимъ бѣжать на перегонку!“

Ежова жена и говорить: „ты, видно, съ ума сошѣлъ! гдѣ тебѣ съ зайцемъ бѣжать? У него ноги быстрыя, — а у тебя кривыя и тупыя“.

А ежъ говорить: „у него ноги быстрыя, а у меня умъ быстрый. Ты только дѣлай, что я велю. Пойдемъ въ поле“.

Вотъ пришли они на вспаханное поле къ зайцу; ежъ и говорить женѣ:

„Спрячься ты на этомъ концѣ борозды, а мы съ зайцомъ побѣжимъ съ другаго конца; какъ онъ разбѣжится, я вернусь назадъ; а какъ прибѣжить къ твоему концу, ты выходи и скажи: а я уже давно жду. Онъ тебя отъ меня не узнаетъ — подумаетъ, что это я“.

Ежова жена спряталась въ бороздѣ, а ежъ съ зайцемъ побѣжали съ другаго конца.

Какъ заяцъ разбѣжался, ежъ вернулся назадъ и спрятался въ борозду. Заяцъ прискакалъ на другой конецъ борозды: глядь! — а ежова жена уже тамъ сидитъ. Она увидала зайца и говорить: „а я уже давно жду“.

Заяцъ не узналъ ежову жену отъ ежа и думаетъ: „что за чудо! какъ это онъ меня обогналъ?“

„Ну“, говорить, „давай еще разъ побѣжимъ!“

„Давай!“

Заяцъ пустился назадъ, прибѣжалъ на другой конецъ, глядь! — а ежъ уже тамъ, да и говорить: „э, братъ, ты только теперь, а я уже давно тутъ“.

„Что за чудо!“ думаетъ заяцъ, „ужъ какъ я шибко скакалъ, а всё онъ обогналъ меня. Ну, такъ побѣжимъ еще разъ, теперь уже не обгонишь“.

„Побѣжимъ!“

Поскакалъ заяцъ, что было духу: глядь — ежъ впереди сидитъ и дожидается.

И такъ заяцъ до тѣхъ поръ скакалъ изъ конца въ конецъ, что изъ силъ выбился.

Заяцъ покорился и сказалъ, что впередъ никогда не будетъ спорить.

Два Брата. (Сказка.)

Два брата пошли вмѣстѣ путешествовать. Въ полдень они легли отдохнуть въ лѣсу. Когда они проснулись, то увидали—подлѣ нихъ лежитъ камень и на камнѣ что-то написано. Они стали разбирать и прочли:

„Кто найдетъ этотъ камень, тотъ пускай идетъ прямо въ лѣсу на восходъ солнца. Въ лѣсу придетъ рѣка; пускай плыветъ черезъ рѣку на другую сторону. Увидишь медведицу съ медвѣжатами: отними медвѣжатъ у медведицы и бѣги безъ оглядки прямо въ гору. На горѣ увидишь домъ и въ домъ тамъ найдешь счастье.“

Братья прочли, что было писано, и меньшой сказалъ: „давай, пойдѣмъ вмѣстѣ. Можетъ быть мы переплывемъ эту рѣку, донесѣмъ медвѣжатъ до дому и вмѣстѣ найдемъ счастье“.

Тогда старшій сказалъ: „я не пойду въ лѣсу за медвѣжатами и тебѣ не совѣтую. Первое дѣло: никто не знаетъ—правда-ли написана на этомъ камнѣ; можетъ быть всё это написано на смѣхъ. Да можетъ быть мы и не такъ разобрали. Второе:—если и правда написано,—пойдѣмъ мы въ лѣсу, придетъ ночь, мы не попадѣмъ на рѣку и заблудимся. Да если и найдѣмъ рѣку, какъ мы переплывѣмъ её? Можетъ быть она быстра и широка? Третье:—если и переплывѣмъ рѣку, развѣ лёгкое дѣло отнять у медведицы медвѣжатъ: она насъ задерѣтъ, и мы, вмѣсто счастья, пропадѣмъ ни за что. Четвертое дѣло:—если намъ и удастся унести медвѣжатъ, мы не добѣжимъ безъ отдыха въ гору. Главное-же дѣло—не сказано: *какое счастье мы найдѣмъ въ этомъ домѣ? Можетъ быть насъ тамъ ждётъ такое счастье, какого намъ вовсе не нужно“*.

А меньшой сказалъ: „по моему не такъ. Напрасно этого писать на камнѣ не стали-бы. И всё написано ясно. Первое дѣло:—намъ бѣды не будетъ, если и попытаемся. Второе дѣло:—если мы не пойдѣмъ, ктонибудь другой прочтѣтъ написанъ на камнѣ и найдѣтъ счастье, а мы останемся ни при чёмъ. Третье дѣло:—не потрудиться, да не поработать, ничто въ свѣтѣ не радуетъ. Четвертое:—не хочу я, чтобъ подумали, что я чего-нибудь да побоялся“.

Тогда старшій сказалъ: „и пословица говорить: *искать большого счастья—малое потерять; да ещё: не сули журавля въ небо; а дай синицу въ руки“*.

А меньшой сказалъ: „а я слыхалъ—*волковъ бояться, въ лѣсу не ходить; да ещё: подъ лежащій камень вода не течётъ. По мнѣ надо идти“*.

Меньшой братъ пошѣлъ, а старшій остался.

Какъ только меньшой братъ вошѣлъ въ лѣсу, онъ напалъ на рѣку, переплылъ её и тутъ-же на берегу увидалъ медведицу. Она спала. Онъ ухватилъ медвѣжатъ и побѣжалъ безъ оглядки на гору. Только что добѣжалъ до верху,—выходитъ ему на встрѣчу народъ: подвезли ему карету, повезли въ городъ и сдѣлали царѣмъ.

Онъ царствовалъ пять лѣтъ. На 6-й годъ пришѣлъ на него войной другой царь, сильнѣе его: завоевалъ городъ и прогналъ его. Тогда меньшой братъ пошѣлъ опять странствовать и пришѣлъ къ старшему брату.

Старшій братъ жилъ въ деревнѣ ни богато, ни бѣдно. Братья обрадовались другъ другу и стали рассказывать про свою жизнь.

Старшій братъ и говорить: „вотъ и вышла моя правда: я всё время жилъ тихо и хорошо, а ты хошь и былъ царѣмъ, за то много горя видѣлъ“.

А меньшой сказалъ: „я не тужу, что пошѣлъ тогда въ лѣсу на гору; хошь мнѣ и плохо теперь, за то есть чѣмъ помянуть мою жизнь, а тебѣ и помянуть-то нечѣмъ“.

Водяной и жемчужина. (Басня.)

Одинъ человекъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человекъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ устали.

На четвертый день выпелъ изъ моря водяной и спросилъ: „Зачѣмъ ты черпаешь?“

Человекъ говорить: „Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ“.

Водяной спросилъ:

„А скоро-ли ты перестанешь?“

Человѣкъ говоритъ:

„Когда высушу море, тогда перестану.“

Тогда водяной вернулся въ море, принёсъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

У ж ъ. (Сказка.)

У одной женщины была дочь Маша. Маша пошла съ подругами купаться. Дѣвочки сняли рубашки, положили на берегъ и попрыгали въ воду.

Изъ воды выползъ большой ужъ и свернувшись лёгъ на Машину рубашку. Дѣвочки вылезли изъ воды, надѣли свои рубашки и побѣжали домой. Когда Маша подошла къ своей рубашкѣ и увидала, что на ней лежитъ ужакъ, она взяла палку и хотѣла согнать его, но ужъ поднялъ голову и засипѣлъ человѣчьимъ голосомъ.

„Маша, Маша, обѣщай за меня замужъ.“

Маша заплакала и сказала: только отдай мнѣ рубашку, я всё сдѣлаю“.

„Пойдѣшь ли замужъ?“

Маша сказала: „пойду“. И ужъ сползъ съ рубашки и ушѣлъ въ воду.

Маша надѣла рубашку и побѣжала домой. Дома она сказала матери: „матушка, ужакъ лёгъ на мою рубашку и сказалъ: иди за меня замужъ, а то не отдамъ рубашки. Я ему обѣщала“.

Мать посмѣялась и сказала: „это тебѣ приснилось“.

Черезъ недѣлю цѣлое стадо ужей приползло къ Машину дому.

Маша увидала ужей, испугалась и сказала: „матушка, за мной ужей приползли“.

Мать не повѣрила, но какъ увидала, сама испугалась и заперла сѣни и дверь въ избу. Ужей проползли подъ ворота и вползли въ сѣни, но не могли пройти въ избу. Тогда они выползли назадъ, всё вмѣстѣ свернулись клубкомъ и бросились

въ окно. Они разбили стекло, упали на полъ въ избу и поползли по лавкамъ, столамъ и на печку. Маша забилась въ уголь на печи, но уже нашли её, стащили оттуда и повели къ водѣ.

Мать плакала и бѣжала за ними, но не догнала. Уже вмѣстѣ съ Машей бросились въ воду.

Мать плакала о дочери и думала, что она умерла. X

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Вдругъ она увидала, что къ ней идѣтъ ея Маша и ведѣтъ за руку маленькаго мальчика, а на рукахъ несѣтъ дѣвочку.

Мать обрадовалась и стала цѣловать Машу и спрашивать её, гдѣ она была и чьи эти дѣти! Маша сказала, что это ея дѣти, что ужъ взялъ её замужъ, и что она живѣтъ съ нимъ въ водяномъ царствѣ.

Мать спросила дочь, хорошо ли ей жить въ водяномъ царствѣ, и дочь сказала, что лучше, чѣмъ на землѣ.

Мать просила Машу, чтобъ она осталась съ нею, но Маша не согласилась. Она сказала, что обѣщала мужу вернуться.

Тогда мать спросила дочь:

„А какъ же ты домой пойдѣшь?“

„Пойду, покличу: „Осипъ, Осипъ, выйди сюда и возьми меня“, онъ и выйдеть на берегъ и возьмѣтъ меня“.

Мать сказала тогда Машѣ; „ну, хорошо, только переночуй у меня“.

Маша легла и заснула, а мать взяла топоръ и пошла къ водѣ.

Она пришла къ водѣ и стала звать: Осипъ, Осипъ, выйди сюда“.

Ужъ выплылъ на берегъ. Тогда мать ударила топоромъ и отрубила голову. Вода сдѣлалась красною отъ крови.

Мать пришла домой, а дочь проснулась и говоритъ: „я поиду домой, матушка; мнѣ скучно стало“, и она пошла.

Маша взяла дѣвочку на руки, а мальчика повела за руку.

Когда она пришла къ водѣ, она стала кликать: „Осипъ, Осипъ, выйди ко мнѣ“. Но никто не выходилъ.

Тогда она посмотрѣла на воду и увидала, что вода красная и ужава голова плаваетъ по ней.

Тогда Маша поцѣловала дочь и сына, и сказала имъ: „Нѣтъ у васъ батюшки, не будетъ у васъ и матушки. Ты, дочка,

будь птичкой ласточкой, летай надъ водой; ты, сынокъ, будь соловейчикомъ, распѣвай по зарямъ: а я буду кукушечкой, буду куковать по убитому по своему мужу“. И они все разлетѣлись въ разныя стороны.

Воробей и ласточки. (Разсказъ.)

Разъ я стоялъ на дворѣ и смотрѣлъ на гнѣздо ласточекъ подъ крышей. Обѣ ласточки при мнѣ улетѣли, и гнѣздо осталось пустое.

Въ то время, какъ они были въ отлучкѣ, съ крыши слетѣлъ воробей, прыгнулъ въ гнѣздо, оглянулся, взмахнулъ крылушками и юркнулъ въ гнѣздо; потомъ высунулъ оттуда свою голову и зачирикалъ.

Скоро послѣ того прилетѣла къ гнѣзду ласточка. Она сунулась въ гнѣздо, но какъ только увидала гостя, запищала, побилась крыльями на мѣстѣ и улетѣла.

Воробей сидѣлъ и чирикалъ.

Вдругъ прилетѣлъ табунокъ ласточекъ: все ласточки подлетали къ гнѣзду—какъ будто для того, чтобъ посмотреть на воробья, и опять улетали.

Воробей не робѣлъ, поворачивалъ голову и чирикалъ.

Ласточки опять подлетали къ гнѣзду, что-то дѣлали и опять улетали.

Ласточки не даромъ подлетали: они приносили каждая въ клювикѣ грязь и понемногу замазывали отверстіе гнѣзда.

Опять улетали и опять прилетали ласточки, и все больше и больше замазывали гнѣздо, и отверстіе становилось все тѣснѣе и тѣснѣе.

Сначала видна была шея воробья, потомъ уже одна головка, потомъ носикъ, а потомъ ничего не стало видно—ласточки все въ замазали его въ гнѣздѣ, улетѣли и съ свистомъ стали кружиться вокругъ дома.

X

Камбизъ и Псаменитъ. (Исторія.)

Когда царь Персидскій Камбизъ завоевалъ Египетъ и положилъ царя Египетскаго Псаменита, онъ велѣлъ вывести на площадь царя Псаменита съ другими египтянами и велѣлъ вывести на площадь двѣ тысячи человекъ, а съ нимъ вмѣстѣ Псаменитову дочь, приказавъ одѣть её въ лохмотья и выслать съ ведрами за водой; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ въ такой-же одеждѣ и дочерей самыхъ знатныхъ египтянъ. Когда дѣвицы съ воемъ и плачемъ прошли мимо отцевъ, отцы заплакали, глядя на дочерей. Одинъ только Псаменитъ не заплакалъ, а только потупился.

Когда дѣвицы прошли, Камбизъ выслалъ сына Псаменита съ другими египтянами. У всехъ ихъ вокругъ шеи были обвязаны верѣвки, а во рту были удила. Ихъ вели убивать.

Псаменитъ видѣлъ это и понялъ, что сына ведутъ на смерть. Но такъ же, какъ и при видѣ дочери, когда другіе отцы плакали, глядя на своихъ дѣтей, онъ только потупился.

Потомъ прошѣлъ мимо Псаменита прежній товарищъ его и родственникъ.

Онъ прежде былъ богатъ а теперь какъ нищій просилъ милостыню по войску. Какъ только Псаменитъ увидалъ его, онъ назвалъ его по имени, ударилъ себя по головѣ и зарыдалъ. Камбизъ удивился тому, что Псаменитъ сдѣлалъ, и послалъ спросить его такъ:

„Псаменитъ! Господинъ твой Камбизъ спрашиваетъ: отчего, когда дочь твою осрамили и сына вели на смерть, ты не плакалъ, а нищаго, и вовсе не роднаго, такъ пожалѣлъ?“

Псаменитъ отвѣчалъ:

„Камбизъ! мое собственное горе такъ велико, что о немъ и плакать нельзя; а товарища мнѣ жалко стало за то, что онъ въ старости изъ богатства попалъ въ нищету“.

Былъ при этомъ другой плѣнный царь — Крезъ. Когда онъ услышалъ эти слова, ему больнѣе показалось свое горе, и онъ заплакалъ — и все Персы, что тутъ были, все заплакали.

И на самого Камбиза нашла жалость, и онъ велѣлъ вернуть назадъ Псаменитова сына, а самого Псаменита привести къ себѣ. Но сына не застали живымъ—онъ уже былъ убитъ, а самого Псаменита привели къ Камбизу, и Камбизъ помиловалъ его.

α // **Акула.** (Разсказъ.)

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный, съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ; но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно и точно изъ топленой печки несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу крикнулъ; „купаться!“ и въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба какъ ящерицы вытягивались въ водѣ и что было силы поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему: „не выдавай! понатужься!“

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ: „акула!“ и всѣ мы увидели въ водѣ спину морскаго чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— „Назадъ! назадъ! вернитесь! акула!“ закричалъ артиллеристъ. Но ребята не слышали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ неё и, сгибая весла, понеслись что было силы къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слышали того, что имъ кричали, и не видали акулы; но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся, и мы всѣ услышали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разныя стороны.

Визгъ этотъ какъ будто разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ повернулъ хоботъ, прилегъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидели, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошелся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ропотъ этотъ сталъ сильнѣе и наконецъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Отчего потѣютъ окна и бываетъ роса?
(Разсужденъе.)

Когда сохнетъ вода, что дѣлается съ этой водой?

Отъ тепла всѣ вещи раздаются. Вода отъ тепла раздается и вся разойдется на такія маленькiя частички, что ихъ глазомъ не видать, и уйдѣтъ въ воздухъ. Частички эти, пары, носятся въ воздухѣ, и ихъ не видно, покуда воздухъ тепелъ. Но оступи воздухъ, и сейчасъ паръ остынетъ и станетъ видѣнь.

Если натопить жарко баню и налить воду на кирпичи, вода вся уйдѣтъ паромъ и будетъ сухо. Поддай еще, — вода опять разойдется. Если баня горяча: летучей воды разойдется въ воздухъ ушатъ. Ушатъ воды будетъ стоять въ горячемъ воз-

духъ бани и его не будетъ видно. Воздухъ бани впитаетъ въ себя весь ушатъ. Но если станешь еще поддавать, то воздухъ уже напитается и не станетъ больше принимать воды, а лишняя вода потечетъ каплями. Одинъ ушатъ будетъ держаться, а лишняя вода вытечетъ.

Если въ ту-же баню натопленную принесешь горячіе кирпичи и станешь лить на нихъ воду, выльешь шайку — она разойдётся и не будетъ видно, воздухъ всосётъ её въ себя. Но если станешь лить другую шайку, вода потечётъ каплями. Лишняя вода стечётъ каплями, и холодный воздухъ только будетъ держать одну шайку. Въ той же банѣ воздухъ, когда былъ горячъ, впиталъ ушатъ; а когда холоденъ, можетъ впитать только шайку.

Если подуть на стекло, на стеклѣ сядутъ капли. И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ больше сядетъ капель. Отчего это будетъ? Оттого что дыханіе человѣка теплѣе, чѣмъ стекло и въ дыханіи много летучей воды. Какъ только это дыханіе сядетъ на холодное стекло, изъ него выйдетъ вода.

Губка держитъ въ себѣ воду, и воды не видать, покуда губка не сожмется; но только что пожмешь её, вода польётся. Также и воздухъ держитъ въ себѣ воду, пока онъ горячъ; а какъ онъ остынетъ, такъ вода польётся.

Если лѣтомъ вынесешь изъ погреба холодный горшокъ, по нёмъ сейчасъ сядутъ капли воды. Откуда взялась эта вода? Она тутъ и была. Только пока тепло было, ея не видно было, а какъ ушло тепло изъ воздуха въ холодный горшокъ, воздухъ вокругъ горшка остылъ, и капли сѣли. То-же бываетъ и на окнахъ. Въ горницѣ тепло, и пары держатся въ воздухѣ; но съ надворья остынуть окна и снаруди подлѣ оконъ воздухъ охолодѣетъ; и потекутъ капли.

Отъ этого же бываетъ роса. Какъ остынетъ земля ночью, надъ ней воздухъ остынетъ и изъ холоднаго воздуха выходятъ пары каплями и садятся на землю.

Иногда бываетъ, что и холодно на дворѣ, а въ горницѣ тепло, — а не потѣютъ окна: а иногда и теплѣе на дворѣ, а въ горницѣ не такъ тепло, — а потѣютъ окна.

Тоже иногда ночь теплая, а большая роса; а то холодная ночь и нѣтъ росы.

Отчего это бываетъ? Оттого что бываетъ сухой и сырой воздухъ. Сухой воздухъ бываетъ тогда, когда онъ не нагрѣваясь можетъ поднять еще много паровъ, а сырой тогда, когда онъ не нагрѣваясь не можетъ больше поднять паровъ. Сухой воздухъ — это губка не вся еще напитанная водой; а сырой воздухъ — губка вся напитанная водой. Чуть похолоднѣй воздухъ и чуть пожать губку, и потечетъ. Въ сыромъ воздухѣ всякая вещь, если она холоднѣе воздуха, намокнетъ, а въ сухомъ всякая мокрая вещь высохнетъ. Пары выйдутъ изъ нея, и воздухъ впитаетъ ихъ въ себя.

Архіерей и разбойникъ. (Быль.)

Одного разбойника давно искали. Разъ онъ переодѣлся и пришёлъ въ городъ. Въ городѣ его узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты: онъ вошёлъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его — что ему нужно? Разбойникъ не зналъ, что отвѣчать, и на-обумъ сказалъ: „мнѣ нужно Архіерея.“

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ — за какимъ онъ дѣломъ пришелъ къ нему?

Разбойникъ отвѣчалъ: „я разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя.“

Архіерей сказалъ: „я — старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жаль тебя. Поди въ ту горницу, ты усталъ отдохни, а я тебѣ пришлю поѣсть.“

Полицейскіе не посмѣли войти къ Архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, Архіерей пришёлъ къ нему и сказалъ: „мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобой гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!“

Разбойникъ сказалъ: „нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худаго; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру.“

Архіерей ушёлъ отъ него, растворилъ всѣ двери и лёгъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ и пошёлъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, какъ Архіерей ничего не заперъ и оставилъ всё двери настежь.

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ—что бы ему украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ: возьму я эту вещь—она много денегъ стоитъ—и уйду отсюда, а старика убивать не буду. Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ Архіерейскаго дома и все время караулили разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дому, его окружили и нашли у него подъолой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но полицейскіе сказали: „если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираться, то отъ кражи подсвѣчника отклепаться не можешь. Пойдемъ къ Архіерею—онъ тебя уличитъ.“

Привели вора къ Архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили: „ваша ли это вещь?“ Онъ говоритъ: „моя.“

Полицейскіе сказали: „у васъ украли эту вещь, а вотъ воръ“.

Разбойникъ молчалъ, и у него какъ у волка бѣгали глаза. Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, подаль разбойнику и говоритъ: „зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ.“

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ: „я воръ и разбойникъ, ведите меня!“

Потомъ онъ сказалъ Архіерею: „прости меня ради Христа и помолись за меня Богу.“

Ермакъ. (Исторія.)

При Царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгоновы и жили они въ Перми на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстѣ въ кругу есть хорошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные отъ вѣка нерублены. Въ лѣсахъ звѣря много, а по рѣкѣ озера рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только захаживаютъ Татары.

Строгоновы написали Царю письмо. „Отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберёмъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу Татарамъ“.

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгоновы послали прикащиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гуляющаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгоновы отводили землю, лѣсъ, давали скотину, и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ Татарамъ. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ 20-ть. Строгоновы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 верстѣ. Захотѣли они еще болѣе земли. Верстѣ за 100 отъ нихъ были высокія горы, Уральскія, и за этими горами, прослышали они, есть прекраснѣйшая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣль этой землей Сибирскій князёкъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился Царю Русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгоновскіе городки.

Вотъ Строгоновы и написали Царю: „отдай ты намъ землю, мы ее подъ твою руку покорили; теперь воровской царёкъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведёмъ“. Царь согласился и отписалъ: „Если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте“.

Вотъ Строгоновы какъ получили отъ Царя письмо, послали прикащиковъ ещё собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дона. А въ то время по Волгѣ, по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человекъ, выберутъ Атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали прикащики на Волгу и стали спрашивать: какіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: „казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимофеича, Атамана.“

У того человекъ 1000 народа и его не только народъ и кушцы боятся, а царское войско къ нему приступить не смѣетъ“.

И поѣхали прикащики къ Ермаку Атаману и стали его уговаривать идти къ Строгонову. Ермакъ принялъ прикащиковъ, отслушалъ ихъ рѣчи и общалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгоновымъ казаки человекъ 600 съ Атаманомъ Ермакомъ Тимофеечемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгоновъ на ближнихъ Татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгоновъ Ермака и говорить: „Я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете“. А Ермакъ говорить: „Я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь, набаловались. Дай намъ работу“. Строгоновъ и говорить: „Идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землею. Васъ и Царь наградить“. И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говорить:

„Вы меня срамите передъ хозяиномъ— все безъ толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа“.

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строгонову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошелъ Ермакъ къ Строгонову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ мастеровъ ружейныхъ.

Строгоновъ и думаетъ; хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся, раззорятъ меня. Согласился Строгоновъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками,

1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было 20-ть человекъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя.

Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ переправиться черезъ горы и вереть 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ, и выгрузили всю снасть; и струга побросали, а наладили телѣги, уложили всё и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста всё были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они 10 дней сухопутьемъ, попали на Жаровню, на рѣку. Тутъ опять постояли, и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли; мѣста ещё веселѣе: луга, лѣса, озера. И рыбы и звѣря много; и звѣрь непуганный. Проплыли еще день, выплыли въ Туру рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе. ×

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотреть одинъ городокъ, что за городокъ и много ли въ немъ силы. Пошли 20 казаковъ, распугали всёхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьемъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьей рукой живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ поумнѣе взялъ съ собой, чтобы они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится, а мѣста, что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всё городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почетнаго, стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что онъ за человекъ? Онъ и говорить: „Я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга, и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ“.

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя. Далекое ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ все рассказалъ. Говоритъ: „Кучумъ первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь—самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума царя счёту нѣтъ, его всё цари вмѣстѣ не завоюютъ“.

А Ермакъ говоритъ: „Мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять: русскому Царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли—это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ—счёту имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки, стрѣлы. Вотъ смотри“.

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололъ, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: „ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется а не покорится, такъ и его погубимъ“. И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболь, и все къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ рѣчкѣ Вабасанъ, смотрятъ,—на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ — узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: „Это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ — Маметкуль. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьетъ“.

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услышали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять, и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкуль ушѣлъ. X

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу-рѣчкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошѣлъ, вернулся и говоритъ: „Тутъ живѣтъ Кучумовъ слуга Атякъ Мурза Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка“.

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

„Ну, ребята, если не возьмёмъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ,

то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ“. Такъ и сдѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ, и какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и мѣду много. Похоронили мёртвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Не далеко проплыли, смотрятъ — на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава льсомъ завалена. Остановились казаки. Стали думать; собралъ Ермакъ кругъ. „Ну что, ребята, какъ быть?“

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: „зачѣмъ ты насъ завёл сюда? Вотъ перебили ужъ изъ насъ сколько, да переранили; и всѣ мы тутъ пропадѣмъ“. Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманю, Ивану Кольцо: „Ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?“ А кольцо и говоритъ: „А я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра; а не завтра, такъ даромъ на печи помремъ. По мнѣ—выйти на берегъ, да и валить прямо лавой на Татаръ, — что Богъ дастъ!“

Ермакъ и говоритъ: „Ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно бѣлужину ловить, да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти — перебьютъ; мимо плыть — перебьютъ; здѣсь стоять — перебьютъ. Куда же намъ попятиться. Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку — везѣтъ и по ровному везѣтъ, а какъ придѣтся въ гору, заноровится, назадъ воротить, думаетъ легче будетъ. Такъ взялъ батюшка коль, возилъ-возилъ её коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ её батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы муки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось, прямо на татаръ ломить“.

Засмѣялись казаки, говорятъ: „видно ты Тимофеичъ умнѣе нашего; насъ дураковъ и спрашивать нечего. Веди куда знаешь. Двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать“. Ермакъ и говоритъ: „Ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они ещё насъ всѣхъ не видали. Разобьёмтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучи въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ — выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьёмъ, ужъ бояться некого. Царями сами будемъ“.

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили—справа Иванъ Кольцо, слѣва — Мещерякъ атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошёлъ въ самый городъ Сибирь. И на-сѣлъ туда Ермакъ все равно какъ Царёмъ.

Стали прѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары прѣзжать селиться въ Сибири: а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополюю прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: Маметкуль опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ.

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много татаръ. и самага Маметкула забралъ живѣмъ и привёзъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ Татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдѣшь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгоновымъ и письмо. „Я говорю, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ, и весь здѣшній народъ подъ свою руку привёлъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ“.

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей. Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ всё держалъ Сибирь, помощь изъ Россіи всё не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: „мы тебѣ покорились, а насъ Нагайцы обижаютъ, пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ Нагайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ“.

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человекъ. Какъ пришли эти сорокъ человекъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ еще меньше стало.

Прислали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь городъ товаръ везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собою 50 человекъ и пошёлъ очистить дорогу Бухарцамъ. Пришёлъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, и нашёлъ Бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только легли спать казаки: откуда не взялись татары, бросились на сонныхъ; начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку. Только его и видѣли. И тѣло его не нашли, и никто не знаетъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и Татары замирились.

Сухманъ. Стихи—(сказка.)

Какъ у ласкова князь Владимира
Пированье шло, шёл почестень пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодець.
На пиру-то всё порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конёмъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничёмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
„Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
„Что не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
„Бѣлой лебеди ты не рушаешь,
„И ничёмъ въ пиру ты не хвастаешь?“
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
— „Если хвастать мнѣ ты приказываешь,
— „Привезу-жь къ тебѣ я, похвастаю,
— „Лебедь бѣлую не кровавлену
— „И не ранену, а живьёмъ въ рукахъ“.
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня своего добраго,
Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,
Ко синю морю, къ тихимъ заводамъ.

Подѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи,
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.
Подѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,
Не нахаживалъ гусей-лебедей.
И у третьей тихой заводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Тутъ Сухмантьюшка призадумался:
„Какъ поѣду я въ славный Киевъ-градъ?
„Что сказать будетъ князь Владиміру?“
И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ,
Глядь-течѣтъ Нѣпра не по старому,
Не по старому, не по прежнему.
А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру рѣку Сухманъ спрашивалъ:
„Что течѣшь ты такъ, мать Нѣпра рѣка,
„Не по старому, не по прежнему,
„А вода съ пескомъ помутилася?“
Испровѣщитъ мать Нѣпра рѣка:
„Я затѣмъ теку не по старому,
„Не по прежнему, по старинному,
„Что стоять за мной, за Нѣпррой рѣкой,
„Сорокъ тысячей злыхъ Татаровой.
„Они мостъ мостятъ съ утра до ночи.
„Что намостятъ днѣмъ, то въ ночь вырою,
„Да изъ силъ ужъ я выбиваюся“.
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
„То не честь-хвала молодецкая—
„Не отвѣдать мнѣ силъ татарскіихъ.“
И пустилъ коня своего добраго,
Черезъ Нѣпру рѣку перескакивалъ,
Не мочилъ копытъ его добрый конь.
Подѣзжалъ Сухманъ ко сыру дубу,
Ко сыру дубу, кряковистому,
Дубъ съ кореньями выворачивалъ,
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубиначку за вершину бралъ
И пустилъ коня на Татаровой.
Сталъ Сухмантьюшка поворачивать.
Той дубиначкой сталъ помахивать.

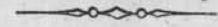
Какъ махнётъ впередъ, станетъ улица,
Отвернётъ назадъ пуреулочекъ.
Всѣхъ побилъ Татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало ли три Татарченка,—
Подъ кусточками, подъ ракизовыми
У Нѣпры рѣки схоронилися.
Подѣзжалъ Сухманъ къ мать Нѣпрѣ рѣкѣ,
Изъ подъ кустиковъ въ Одихмантьича
Три Татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ-Сухмантьюшка стрѣлки выдернула
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкиваль,
И спороль ножомъ трѣхъ Татарченковъ.
Привзжалъ Сухманъ къ князь-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,
Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владимиръ князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ;
„Чтожь, Сухмантьюшка не привезъ ты мнѣ
„Лебедь бѣлую не кровавлену?“
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
„Гой, Владимиръ князь, за Нѣпрой рѣкой
„Доходило мнѣ не до лебедей:
„Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой рѣкой
„Сила ратная въ сорокъ тысячей:—
„Шли во Кіевъ градъ злы Татаровья,
„Съ утра до ночи мосты ладили,
„А Нѣпра рѣка вырывала въ ночь,
„Да изъ силъ она выбивалася.
„Я пустилъ коня на Татаровей;
„И побилъ ихъ всѣхъ до одинаго“.
Володиміръ князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ,
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрнымъ
Братъ Сухмантія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ

Про Сухмантьевы свѣдаты заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня своего добраго,
Выѣзжалъ въ поле, къ мать-Нѣпрѣ рѣкѣ.
Увидаль,—лежитъ сила ратная,
Въ сорокъ тысячей, вся побитая,
И валяется дубъ съ кореньями,
На лучинушки весь исщепанный.
Дубъ Добрынюшка подымаль съ земли,
Привозилъ его ко Владимиру,
Такъ Добрынюшка выговариваль:
„Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
„За Нѣпрой рѣкой я видаль—лежать
„Сорокъ тысячей злыхъ Татаровей,
„И дубиночка Одихмантьича,
„На лучиночки вся исщепана.“
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговариваль:
„За услуги тѣ за великія
„Добра молодца буду миловать,
„Буду жаловать его до любви
„Городами ли съ пригородками,
„Еще сѣлами да съ просѣлками,
„Золотой казной да безсчѣтною.“
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорять ему таковы слова:
„Выходи, Сухманъ, ты изъ погреба:
„Володиміръ князь тебя милуетъ,
„За твои труды за великіе
„Хочетъ солнышко тебя жаловать
„Городами ли съ пригородками,
„Еще сѣлами да съ присѣлками,
„Золотой казной да безсчѣтною.“
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:

„Гой, Владиміръ князь, ласково солнышко,
 „Не умѣлъ меня въ пору миловать,
 „Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
 „А теперъ тебѣ не видать будетъ,
 „Не видать меня во ясны очи.“
 И выдѣргиваль Одихмантьевичъ
 Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,
 Свѣтъ-Сухмантьюшка приговариваль:
 „Потеки рѣка отъ моей крови,
 „Отъ моей крови отъ горючія,
 „Отъ горючія, отъ напрасныя,
 „Потеки Сухманъ, ахъ Сухманъ рѣка,
 „Будь Нѣпръ рѣкѣ ты родна сестра,“

ТРЕТЬЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Л. Н. Толстаго.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, на Старой Басманной, домъ Мареева.

1881.

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ

Дозволено цензурою. Москва, 6 Августа 1881 года.

№ 238.

Графа М. Л. Толстого

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА

Толстой М. Л. в Стрелъной Башннкой домъ Мншева.

1881

ОГЛАВЛЕНІЕ III-й КНИГИ.

	Стран.
Лотъ и минн	5
Лохъ вода и гдѣ	6
Перенелъ и перенелъ	7
Буль	—
Буль и едѣн	—
Фаванъ	—
Милтонъ и Буль	—
Перенелъ	—
Буль и волъ	—
Рто сѣдѣноръ ст	—
Конецъ Буль и Милтонъ	—
Пнинъ въ сѣн	—
Буль	—
Буль и новѣдъ	—
Огоннн Рѣкъ	—
Лотъ и минн	5
Лисица	6
Строгое наказаніе	7
Дивій и ручной осель	—
Зяць и гончая собака	7
Олень	—
Зайцы	—
Собака и волъ	8
Царскіе братья	—
Слѣпой и молоко	9
Русаць	—
Волъ и лукъ	11
Какъ мужикъ гусей дѣлилъ	—
Комаръ и левъ	12
Яблони	—
Лошадь и хозяева	13
Клопы	14
Старикъ и смерть	15
Какъ гуси Римъ спасли	—
Отъ чего въ морозы трещать деревья	16
Сырость, I	17
Сырость, II	—
Разная связь частицъ	18
Левъ и лисица	—
Праведный судья	19
Олень и виноградникъ	22
Царскій сынъ и его товарищи	—
Галченочъ	25
Какъ я выучился ѣздить верхомъ	—
Топоръ и пила	28
Солдатинно житъе	—

Котъ и мыши	33
Ледъ, вода и парь	—
Перепелка и перепелата	36
Булька	—
Булька и кабанъ	37
Фазаны	39
Мильтонъ и Булька	40
Черепаша	41
Булька и волкъ	43
Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ	44
Конецъ Бульки и Мильтона	46
Птицы въ сѣти	48
Чутье	—
Собака и поварь	50
Основаніе Рима	—
Вогъ правду видитъ, да не скоро скажетъ	51
Кристаллы	59
Волкъ и коза	61
Поликарпъ Самосскій	—
Вольга богатырь	63

✓ Царь и соколъ. (Басня.)

Одинъ царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ царь нашёлъ воду. Только она по каплѣ капала, вотъ царь досталъ чашу съ сѣдла и поставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, царь поднялъ её ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ соколъ встрепенулся на рукѣ у царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять поставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберётся вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить её ко рту, соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ царь набралъ полную чашу и сталъ подносить её къ губамъ, соколъ опять разлилъ её. Царь разсердился и, со всего размаха ударивъ сокола объ камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и скорѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принесъ воды; онъ вернулся съ пустой чашкой и сказалъ: „ту воду нельзя пить; въ родникѣ змѣя и она выпустила свой ядъ въ воду. Хорошо, что соколъ разлилъ воду. Если бы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ“.

Царь сказалъ „дурно же я отплатилъ соколу — онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его“.

Лисица. (Басня.)

Попалась лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть. Со-

звала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобы отрубили хвосты. — „Хвостъ“, говорить, „совсѣмъ не кстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ“. — Одна лисица и говорить: — „Охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была купчая“.

Купчая лисица смолчала и ушла.

Строгое наказаніе. (Сказка.)

Одинъ человекъ пошёлъ на торгъ и купилъ говядины. На торгу его обманули — дали дурной говядины, да ещё обвѣсили.

Вотъ онъ идётъ домой съ говядиной и бранится. Встрѣчается ему царь и спрашиваетъ: кого ты бранишь? А онъ говоритъ: „я браню того, кто меня обманулъ. Я заплатилъ за три фунта, а мнѣ дали только два, и то дурную говядину. Царь и говорить: Пойдѣмъ назадъ на торгъ; покажи того, кто тебя обманулъ“. Человекъ пошёлъ назадъ и показалъ купца. Царь свѣсилъ при себѣ мясо: видитъ, точно обманули; царь и говорить: „Ну, какъ ты хочешь, чтобы я наказалъ купца?“ Тотъ говорить: „вели вырѣзать изъ его спины столько мяса, насколько онъ обманулъ меня“.

Царь и говорить: „Хорошо, возьми ножъ и вырѣжь изъ купца фунтъ мяса; только смотри — чтобы у тебя вѣсъ былъ-бы вѣренъ, а если вырѣжешь больше или меньше фунта, ты виновать останешься“.

Человекъ смолчалъ и ушёлъ домой.

Дикій и ручной осель. (Басня.)

Дикій осель увидалъ — ручного осла, подошёлъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного осла, да какъ сзади сталъ погонщикъ подгонять его дубиной, дикій осель и говорить: „нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твое житьё тебѣ сокомъ достается“.

Заяцъ и гончая собака. (Басня.)

Заяцъ сказалъ разъ гончей собакѣ: для чего ты лаешь, когда гонишься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ; и онъ забываетъ съ ружьёмъ намъ на встрѣчу, убиваетъ насъ и ничего не даётъ тебѣ“.

Собака сказала: „я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запахъ, то и сержусь, и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не зная зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая“.

Олень. (Басня.)

Олень подошёлъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говорить: „только ноги мои плохи и жидки“. Вдругъ выскочи левъ и бросься на оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришёлъ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погнать оленю, онъ и говорить: „то-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ“.

Зайцы. (Описаніе.)

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые — озимями и травой, гүменники, — хлѣбными зёрнами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокой, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость, — и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро

враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по лѣсу, и начинаетъ отъ страху метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Ещё услышитъ что-нибудь и со всего размаха прыгнетъ въ сторону и поскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь, опять заяцъ повернѣтся назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далекимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится.

Собака и волкъ. (Басня.)

Собака заснула за дворомъ. Голодный волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть её. Собака и говоритъ: „Волкъ! подожди меня ѣсть, — теперь я костлява, худа. А вотъ дай сроку, хозяйева будутъ свадьбу играть; тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю, — лучше тогда меня съѣсть“. Волкъ повѣрилъ и ушѣлъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ — собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: „чтожь — была свадьба?“ А собака говоритъ: „вотъ что, волкъ: коли въ другой разъ застанешь меня сонною передъ дворомъ, не дожидайся больше свадьбы“.

Царскіе братья. (Разсказъ.)

Одинъ царь шѣлъ по улицѣ, нищій подошѣлъ къ нему и сталъ просить милостыню.

Царь не далъ ничего. Нищій сказалъ: „Царь, ты, видно, забылъ, что Богъ всѣмъ одинъ Отецъ; мы всѣ братья и намъ всѣмъ дѣлиться надо“. Тогда царь остановился и сказалъ: „ты правду говоришь, мы братья и намъ дѣлиться надо“, и далъ нищему золотую деньгу. Нищій взялъ золотую деньгу и сказалъ: „Ты мало далъ; развѣ такъ дѣлятся съ братьями?“

Надо дѣлить поровну. У тебя миллионъ денегъ, а ты мнѣ далъ одну“. Тогда царь сказалъ: „то правда, что у меня миллионъ, а я тебѣ далъ одну; но у меня и братьевъ столько же, сколько денегъ“.

Мораль: Братья и сестры должны делить все поровну.

Слѣпой и молоко. (Басня.)

Одинъ слѣпой отъ роду спросилъ зрячаго: „Какого цвѣта молоко?“ Зрячій сказалъ: „цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая“. Слѣпой спросилъ: „а что, этотъ цвѣтъ такъ же шуршитъ подъ руками, какъ бумага?“ Зрячій сказалъ: „нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая“. Слѣпой спросилъ: „а что онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука“. Зрячій сказалъ: „нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ бѣлый“. Слѣпой спросилъ: „что-же онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?“ Зрячій сказалъ: „нѣтъ, бѣлый цвѣтъ точно такой, какъ снѣгъ“. Слѣпой спросилъ: „что-же онъ холодный, какъ снѣгъ?“ И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, слѣпой не могъ понять — какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

Русакъ. (Описаніе.)

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ; потомъ поднялъ другое, поводитъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти через большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади, скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изъ ртовъ и носовъ ихъ шѣлъ паръ. Ленивѣ ихъ были потныя, и къ поту приставъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ рассказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошѣло къ гумну. Собачѣнка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца держали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошѣлъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошѣлъ дальше. На деревнѣ было всё тихо, огни были потушены. Только слышался на улицѣ плачь ребенка въ избѣ, да трескъ мороза въ бревнахъ избѣ. Заяцъ прошѣлъ на гумно и тамъ нашѣлъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на овинъ и черезъ плетень пошѣлъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше и ещё гуще морозный паръ подымался надъ землею. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой; мужики несли кормъ съ гумень, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ ещё больше шло обозовъ и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошѣлъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спияѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

Волкъ и лукъ. (Басня.)

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошѣлъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понёсъ ее. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, споролъ его до смерти, да и самъ тутъ-же издохъ. Волкъ почувалъ кровь и пришѣлъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человекъ и его лукъ. Волкъ обрадовался и думалъ: „Теперь я буду долго сытъ; только я не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ что пожѣстче, а потомъ закушу тѣмъ, что помягче и послаще.“

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человека и сказалъ: „это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ; а прежде дай съѣмъ эти жилы на лукъ“. И онъ сталъ грызть жилы на лукъ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ волка по брюху. Волкъ тутъ-же издохъ, а другіе волки съѣли и человека, и козу, и кабана, и волка.

Какъ мужикъ гусей дѣлилъ. (Сказка.)

У одного бѣднаго мужика не стало хлѣба. Вотъ онъ и задумалъ попросить хлѣба у барина. Чтобы было съ чѣмъ идти къ барину, онъ поймалъ гуся, изжарилъ его и понёсъ. Баринъ принялъ гуся и говоритъ мужику: „спасибо мужикъ, тебѣ за гуся; только не знаю, какъ мы твоего гуся дѣлить будемъ. Вотъ у меня жена, два сына, да двѣ дочери. Какъ бы намъ раздѣлить гуся безъ обиды?“ Мужикъ говоритъ: „я раздѣлю“. Взялъ ножикъ, отрѣзалъ голову и говоритъ барину: „ты всему дому голова, тебѣ голову“. Потомъ отрѣзалъ задокъ, подаётъ баринѣ: „тебѣ, говоритъ, дома сидѣть, за домомъ смотрѣть, тебѣ задокъ“. Потомъ отрѣзалъ лапки и подаётъ сыновьямъ. „Вамъ“ говоритъ, „ножки—топтать отповскія дорожки“. А дочерямъ далъ крылья. „Вы“, говоритъ, „скоро изъ дома улетите, вотъ вамъ по крылышку. А остаточки себѣ возьму!“—и взялъ себѣ всего гуся.

Баринъ посмѣялся, далъ мужику хлѣба и денегъ.

Услыхалъ богатый мужикъ, что баринъ за гуся наградилъ бѣднаго мужика хлѣбомъ и деньгами, зажарилъ пять гусей и понёсъ къ барину.

Баринъ говоритъ: „спасибо за гусей, да вотъ у меня жена, два сына, двѣ дочери—всѣхъ шестеро; какъ бы намъ поровну раздѣлить твоихъ гусей?—Сталъ богатый мужикъ думать и ничего не придумалъ.

Послалъ баринъ за бѣднымъ мужикомъ и велѣлъ дѣлить. Бѣдный мужикъ взялъ—одного гуся далъ барину съ барыней и говоритъ: „вотъ васъ трое съ гусемъ“; одного далъ сыновьямъ—„и васъ“, говоритъ, „трое“; одного далъ дочерямъ—„и васъ трое“; а себѣ взялъ двухъ гусей. „Вотъ“, говоритъ, „и насъ трое съ гусями,—всѣ поровну“.

Баринъ посмѣялся и далъ бѣдному мужику ещё денегъ и хлѣба, а богатаго прогналъ.

// Комаръ и левъ. (Басня.)

Комаръ прилетѣлъ ко льву и говоритъ: „Ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? Какъ-бы не такъ! Какая въ тебѣ сила? Что царапаешь ногтями и грызёшь зубами;—это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я салыѣе тебя; хочешь, выходи на войну!“ И комаръ затрубилъ и сталъ кусать льва въ голыя щеки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь всё лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: „сильнаго звѣря, льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дрянаго паука пигибаю“.

Яблоня. (Разсказъ.)

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года весною и осенью окапывалъ ихъ и на зиму заворачивалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошѣлъ снѣгъ, я пошѣлъ

смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцовитая и налитая: сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развиликахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтотыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуковки и виднѣлись алые края цвѣтотыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуковки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самой землею, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину—какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши. Я развернулъ другую яблоню,—и на другой было тоже самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлой. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолою съ воскомъ; но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ-же спали, Вышли маленькіе листики, и тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухсотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ полоскахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли, но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то всѣ дикіе.

Кора у деревьевъ — тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку,—и чрезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листы и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить; но если кора пропадетъ, дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умретъ во первыхъ потому, что кровь вытечетъ, а во вторыхъ потому, что крови не будетъ уже ходу по тѣлу.

Такъ и берѣза засыхаетъ, когда ребята продолжаютъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ.

Лошадь и хозяйка. (Басня.)

У садовника была лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобы ей перейти къ другому

хозяйину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежняго стало работы. И опять стала лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяйину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала лошадь на кожевничьемъ дворѣ конинныя шкуры, она и завывла: „охъ горе мнѣ бѣдной! лучше бы у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужь, видно, не на работу продали меня, а на шкуру“.

К л о п ы. (Разсказъ.)

Я остановился ночевать на постояломъ дворѣ. Прежде чѣмъ ложиться спать, я взялъ свѣчу и посмотрѣлъ углы кровати и стѣнъ, и когда увидаль, что во всѣхъ углахъ были клопы, сталъ придумывать—какъ бы устроиться на ночь такъ, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать, но я зналъ, что поставя я ее и посрединѣ комнаты, клопы сползуть со стѣнъ на полъ, и съ полу по ножкамъ кровати доберутся и до меня; а потому я попросилъ у хозяина четыре деревянные чашки, налилъ въ чашки воды и каждую ножку кровати поставилъ въ чашку съ водой. Я лёгъ, поставилъ свѣчу на полъ и сталъ смотрѣть—что будутъ дѣлать клопы. Клоповъ было много и они уже чуяли меня: я видѣлъ, какъ они ползли по полу, влѣзали на край чашки и одни падали въ воду, другіе ворочались назадъ. „Перехитрилъ я васъ“, подумалъ я „теперь не доберётесь“ — и хотѣлъ уже тушить свѣчу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня кусаетъ что-то. Осматриваюсь: клопъ. Какъ онъ попалъ ко мнѣ? Не прошло минуты, я нашёлъ другаго; я сталъ оглядываться и допытываться—какъ до меня они добрались?

Долго я не могъ понять, но наконецъ взглянулъ на потолокъ и увидаль—клопъ ползъ по потолку; какъ только онъ доползъ вровень съ кроватью, онъ отцѣпился отъ потолка и упалъ на меня. „Нѣтъ“, подумалъ я, „васъ не перехитришь“—надѣлъ шубу и вышелъ на дворъ.

Старикъ и смерть. (Басня.)

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понёсъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: „эхъ хоть бы смерть пришла!“ — Смерть пришла и говоритъ: „вотъ я, чего тебѣ надо?“ — Старикъ испугался и говоритъ: „мнѣ вязанку поднять“.

Какъ гуси Римъ спасли. (Исторія.)

Въ 390-мъ году до Р. Х. дикіе народы Галлы напали на Римлянъ. Римляне не могли съ ними справиться, и которые убѣжали совсѣмъ вонъ изъ города, а которые заперлись въ кремль. Кремль этотъ назывался Капитолій. Остались только въ городѣ одни сенаторы. Галлы вошли въ городъ, перебили всѣхъ сенаторовъ и сожгли Римъ. Въ серединѣ Рима оставался только кремль Капитолій, куда не могли добраться Галлы. Галламъ хотѣлось разграбить Капитолій, потому что они знали, что тамъ много богатствъ. Но Капитолій стоялъ на крутой горѣ: съ одной стороны были стѣны и ворота, а съ другой былъ крутой обрывъ. Ночью Галлы украдкой полѣзли изъ подъ обрыва на Капитолій: они поддерживали другъ друга снизу и передавали другъ другу копы и мечи.

Такъ они потихоньку взобрались на обрывъ: ни одна собака не услышала ихъ.

Они уже полѣзли черезъ стѣну, какъ вдругъ гуси почували народъ, загоготали и захлопали крыльями. Одинъ Римлянинъ проснулся, бросился къ стѣнѣ и сбиль подъ обрывъ одного Галла. Галлъ упалъ и свалилъ за собою другихъ. Тогда сбѣжались Римляне и стали кидать брёвна и камни подъ обрывъ и перебили много Галловъ. Потомъ пришла помощь къ Риму, и Галловъ прогнали.

Съ тѣхъ поръ Римляне въ память этого дня завели у себя праздникъ. Жрецы идутъ наряженные по городу; одинъ изъ нихъ

не мучити

Ваше дело

Гуси

несёт гуся, а за ними на верёвкѣ тащатъ собаку. И народъ подходитъ къ гусю и кланяется ему и жрецу; для гусей даютъ дары, а собаку бьютъ палками до тѣхъ поръ, пока она не издохнетъ.

Отъ чего въ морозы трещатъ деревья? (Разсужденіе.)

Отъ того, что въ деревьяхъ есть сырость, и сырость эта замерзаетъ, какъ вода. Когда вода замёрзнетъ, она раздается, а когда ей нѣтъ мѣста раздаться — она разрываетъ деревья.

Если налить воды въ бутылку и поставить на морозъ, вода замёрзнетъ и разорвётъ бутылку.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ, то во льду этомъ такая сила, что, если наполнить чугунную пушку водой и заморозить, то льдомъ разорвётъ её.

Отъ чего вода не сжимается, какъ желѣзо, отъ холода, — а раздѣтся, когда замёрзнетъ?

Отъ того, что когда вода замёрзнетъ, ея частицы связываются между собою по другому, и промежъ нихъ больше пустыхъ мѣстъ.

Для чего вода не сжимается, когда замёрзнетъ?

Для того, чтобы вода въ рѣкахъ и озёрахъ не замёрзла до дна.

Лёдъ раздѣтся отъ мороза, отъ того дѣлается легче воды и плаваетъ на водѣ, и только снизу подмерзаетъ и дѣлается толще и толще, но никогда не замерзаетъ до дна. А если-бы вода сжималась отъ мороза, какъ сжимается желѣзо, то верхняя вода замерзала бы на рѣкѣ и тонула-бы, потому что лёдъ былъ-бы тяжелѣе воды. Потомъ опять бы замерзала верхняя вода и тонула бы — и такъ замёрзли бы озера и рѣки отъ дна и до верху.

Сырость. (Разсужденіе.)

I.

Отъ чего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода; если паукъ сидитъ забившись въ серединѣ паутины и не выходитъ — это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины, — то это къ погодѣ.

Какъ можетъ паукъ знать впередъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнётъ только собираться сырость, и мы этой сырости не слышимъ, и для насъ погода еще ясная — для паука уже идётъ дождь.

Точно такъ же, какъ и человекъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идётъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

Сырость. (Разсужденіе.)

II.

Отъ чего зимою двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Отъ того, что осенью и зимой дерево насытится водой, какъ губка, и его разопрѣтъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ и оно съёжится.

Отъ чего слабое дерево, — осина, больше расбухаетъ, а дубъ меньше?

Отъ того, что въ крѣпкомъ деревѣ, — дубѣ, пустаго мѣста меньше и водѣ некуда набраться, а въ слабомъ деревѣ, — осинѣ, пустаго мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустаго мѣста и отъ того гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчёл дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилаго дерева: самые лучшіе улья бываютъ изъ гнилой лозины. Отъ чего это? Отъ того, что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ, и для пчёлъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отъ чего доски коробятся?

Отъ того, что неровно сохнутъ. Если приставить сырую доску одной стороной къ печкѣ, вода выйдетъ и дерево сожмётся съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой стороной сжаться нельзя, потому что въ ней вода,—и вся доска погнётся.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски, и куски эти вывариваютъ въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

Разная связь частицъ. (Разсужденіе.)

Отъ чего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колёса точатъ не изъ дуба, а изъ берёзы? Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже берёзы. Отъ того, что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Отъ того, что дубъ, хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ берёза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а берёза не расходится.

Отъ чего колёса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ берёзы и липы?

Отъ того, что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а берёза и липа на всѣ стороны мочалются.

Всё отъ того, что частицы дерева въ дубѣ и берёзѣ иначе связаны.

Левъ и лисица. (Басня.)

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростію жить: зашёлъ онъ въ пещеру, лёгъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать, и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула

дѣло, стала у входа въ пещеру и говорить: „что левъ, какъ можешь?“

Левъ говоритъ: „плохо,—да ты отчего-жъ не входишь“.

А лисица говоритъ: „оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу—входовъ много, а выходовъ нѣтъ“.

х Праведный судья. (Сказка.)

Одинъ Алжирскій царь Бауакасъ захотѣлъ самъ узнать,—правду-ли ему говорили, что въ одномъ изъ его городовъ есть праведный судья, что онъ сразу узнаётъ правду и что отъ него ни одинъ плутъ не можетъ укрыться. Бауакасъ переодѣлся въ купца и поѣхалъ верхомъ на лошади въ тотъ городъ, гдѣ жилъ судья. У вѣзда въ городъ къ Бауакасу подошѣлъ калѣка и сталъ просить милостыню. Бауакасъ подаль ему и хотѣлъ ѣхать дальше, но калѣка уцѣпился ему за платье. „Что тебѣ нужно?“ спросилъ Бауакасъ; „развѣ я не далъ тебѣ милостыню?“—„Милостыню ты далъ“, сказалъ калѣка, „но еще сдѣлай милость, довези меня на твоей лошади до площади, а то лошади и верблюды какъ-бы не раздавили меня“. Бауакасъ посадилъ калѣку сзади себя, и довёзъ его до площади. На площади Бауакасъ остановилъ лошадь. Но нищій не слѣзаль. Бауакасъ сказалъ: „что-жъ сидишь, слѣзай, мы пріѣхали!“ А нищій сказалъ: „зачѣмъ слѣзать,—лошадь моя; а не хочешь добромъ отдать лошадь, пойдемъ къ судѣѣ“. Народъ собрался вокругъ нихъ и слушалъ какъ они спорили; всѣ закричали; „ступайте къ судѣѣ, онъ васъ разсудитъ“.

Бауакасъ съ калѣкой пошли къ судѣѣ. Въ судѣѣ былъ народъ и судья вызывалъ по очереди тѣхъ, кого судить. Прежде чѣмъ чередъ дошѣлъ до Бауакаса, судья вызвалъ учёнаго и мужика; они судились за жену. Мужикъ говорилъ, что это его жена, а учёный говорилъ, что его жена. Судья выслушалъ ихъ, помолчалъ и сказалъ: „Оставьте женщину у меня, а сами приходите завтра“.

Когда эти ушли, вошли мясникъ и масленникъ. Мясникъ былъ весь въ крови, а масленникъ въ маслѣ. Мясникъ держалъ въ рукѣ деньги, масленникъ руку мясника. Мясникъ сказалъ: „Я купилъ у этого человѣка масло и вынулъ кошелёкъ, что-

бы расплатиться; а онъ схватилъ меня за руку и хотѣлъ отнять деньги. Такъ мы и пришли къ тебѣ,—я держу въ рукѣ кошелекъ; а онъ держитъ меня за руку. Но деньги мои, а онъ—воръ“.

А мясникъ сказалъ: „Это неправда. Мясникъ пришелъ ко мнѣ покупать масло. Когда я налилъ ему полный кувшинъ, онъ просилъ меня размѣнять ему золотой. Я досталъ деньги и положилъ ихъ на лавку, а онъ взялъ ихъ и хотѣлъ бѣжать. Я поймалъ его за руку и привелъ сюда“. Судья помолчалъ и сказалъ: „оставьте деньги у меня и приходите завтра“.

Когда очередь дошла до Бауакаса и до калѣки, Бауакасъ рассказалъ какъ было дѣло. Судья выслушалъ его и спросилъ нищаго. Нищій сказалъ: „это всё неправда. Я ѣхалъ верхомъ черезъ городъ, а онъ сидѣлъ на землѣ и просилъ меня подвезти его. Я посадилъ его на лошадь и довезъ, куда ему нужно было; но онъ не хотѣлъ слѣзть и сказалъ, что лошадь его. Это неправда“.

Судья подумалъ и сказалъ: „оставьте лошадь у меня и приходите завтра“.

На другой день собралось много народу слушать какъ разсудитъ судья.

Первые подошли ученый и мужикъ.

„Возьми свою жену“, сказалъ судья ученому, „а мужику дать 50 палокъ“. Ученый взялъ свою жену, а мужика тутъ же наказали.

Потомъ судья вызвалъ мясника.

„Деньги твои“, сказалъ онъ мясику; потомъ онъ указалъ на масленника и сказалъ: „а ему дать 50 палокъ“.

Тогда позвали Бауакаса и калѣку. „Узнаешь-ты свою лошадь изъ двадцати другихъ?“ спросилъ судья Бауакаса.

— „Узнаю“.

— „А ты?“

— „И я узнаю“, сказалъ калѣка.

— „Иди за мною“, сказалъ судья Бауакасу.

Они пошли въ конюшню. Бауакасъ сейчасъ же промежь другихъ двадцати лошадей показалъ на свою. Потомъ судья вызвалъ калѣку въ конюшню и тоже велѣлъ ему указать на лошадь. Калѣка призналъ лошадь и показалъ ее. Тогда судья сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ Бауакасу:

— „Лошадь твоя; возьми ее. А калѣкѣ дать 50 палокъ“.

Послѣ суда, судья пошелъ домой, а Бауакасъ пошелъ за нимъ.

Что-же ты, или недоволенъ моимъ рѣшеніемъ?“ спросилъ судья.

„Нѣтъ я доволенъ“, сказалъ Бауакасъ. „Только хотѣлось бы мнѣ знать—почемъ ты узналъ, что жена была ученаго, а не мужика, что деньги были мясниковы, а не масленниковы, и что лошадь была моя, а не нищаго?“

„Про женщину я узналъ вотъ какъ: позвалъ ее утромъ къ себѣ и сказалъ ей: налей чернила въ мою чернильницу. Она взяла чернильницу, вымыла ее скоро и ловко и налила чернила. Стало быть она привыкла это дѣлать. Будь она жена мужика, она не сумѣла-бы это сдѣлать. Выходитъ, что ученый былъ правъ. Про деньги я узналъ вотъ какъ: положилъ я деньги въ чашку съ водой и сегодня утромъ посмотрѣлъ—всплыло-ли на водѣ масло. Если-бы деньги были масленниковы, то онѣ были бы запачканы его масляными руками. На водѣ масла не было, стало быть мясникъ говорить правду“.

„Про лошадь узнать было труднѣе. Калѣка такъ же, какъ и ты, изъ двадцати лошадей сейчасъ указалъ на лошадь. Да я не для того приводилъ васъ обоихъ въ конюшню, чтобы видѣть узнаете-ли вы лошадь, а для того, чтобы видѣть—кого изъ васъ двоихъ узнаетъ лошадь. Когда ты подошелъ къ ней, она обернула голову, потянулась къ тебѣ; а когда калѣка тронулъ ее, она прижала уши и подняла ногу. Поэтому я узналъ, что ты настоящій хозяинъ лошади“.

Тогда Бауакасъ сказалъ:

„Я не купецъ, а царь Бауакасъ. Я пріѣхалъ сюда, чтобы видѣть—правда-ли то, что говорятъ про тебя. Я вижу теперь, что ты мудрый судья. Проси у меня чего хочешь, я награжу тебя“.

Судья сказалъ: „Мнѣ не нужно награды; я счастливъ уже тѣмъ, что царь мой похвалилъ меня“.

Х Олень и виноградникъ. (Басня.)

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: „не звѣрь ли тутъ подѣ листьями“ — выстрѣлили и ранили оленя.

Олень и говоритъ умираючи: „подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня“.

Х Царскій сынъ и его товарищи. (Сказка.)

У Царя было два сына. Царь любилъ старшаго и отдалъ ему все царство. Мать жалѣла меньшаго сына и спорила съ Царемъ. Царь на нее за то сердился, и каждый день была у нихъ изъ-за этого ссора. Меньшій царевичъ и подумалъ: „лучше мнѣ уйти куда-нибудь“, — простился съ отцемъ и матерью, одѣлся въ простое платье и пошелъ странствовать.

На пути сошелся онъ съ купцомъ. Купецъ разсказалъ Царевичу, что былъ онъ прежде богатъ, но что всѣ его товары потонули въ морѣ, и что онъ идетъ теперь въ чужіе края поискать счастья.

Они пошли вмѣстѣ. На третій день сошелся съ ними еще товарищъ. Они разговорились и новый товарищъ разсказалъ, что онъ мужикъ; былъ у него домъ и земля, но что была война, поля его стоптали и дворъ его сожгли; не при чемъ ему стало жить; и что идетъ онъ теперь искать работы на чужую сторону.

Они пошли всѣ вмѣстѣ. Подошли они къ большому городу, и сѣли отдохнуть. Вотъ мужикъ и говоритъ: „ну, братцы, будетъ намъ гулять; теперь мы пришли къ городу, надо намъ за работу приниматься, кто какую умѣетъ“.

Купецъ говоритъ: „я умѣю торговать. Если бы у меня было хоть немного денегъ, я бы много наторговалъ“. А Царевичъ говоритъ:— „а я не умѣю ни работать, ни торговать; я только умѣю царствовать. Еслибъ было у меня царство, я бы

хорошо царствовалъ“. — „А мужикъ говоритъ:— „а мнѣ ни денегъ, ни царства не нужно; у меня только бы ноги ходили, да руки ворочали,—я проживу и васъ еще прокормлю. А то вы, пока кто денегъ, а кто царства дожидаетесь, съ голоду помрете“. А Царевичъ говоритъ: „Купцу деньги нужны, мнѣ царство нужно, тебѣ сила нужна, чтобъ работать; а и деньги, и царство, и сила намъ отъ Бога. Захочетъ Богъ и мнѣ царство дастъ, и тебѣ силу; а не захочетъ ни тебѣ силы, ни мнѣ царства не дастъ“.

Мужикъ не сталъ слушать, а пошелъ въ городъ. Въ городѣ онъ нанялся таскать дрова. Ввечеру ему заплатили деньги. Онъ ихъ принесъ товарищамъ и говоритъ: „Вы куда собираетесь царствовать, а я ужъ заработалъ“.

На другой день купецъ выпросилъ денегъ у мужика и пошелъ въ городъ.

На торгу купецъ узналъ, что въ городѣ мало масла и каждый день ждуть новаго привоза. Купецъ пошелъ на пристань и сталъ высматривать корабли. При немъ пришелъ корабль съ масломъ. Купецъ прежде всѣхъ вошелъ на корабль, отыскалъ хозяина, купилъ все масло и далъ задатокъ. Потомъ купецъ побѣжалъ въ городъ; перепродалъ масло и за свои хлопоты заработалъ денегъ въ 10 разъ больше противъ мужика и принесъ товарищамъ.

Царевичъ и говоритъ: „Ну, теперь мой чередъ идти въ городъ. Вамъ обоимъ посчастливилось, можетъ и мнѣ тоже будетъ. Для Бога ничего не трудно,—что тебѣ мужику дать работу, что купцу барыши, что Царевичу царство“.

Входитъ Царевичъ въ городъ, видитъ онъ,—народъ ходитъ по улицамъ и плачетъ. Царевичъ сталъ спрашивать, о чемъ плачутъ. Ему говорятъ: „развѣ не знаешь, нынче въ ночь нашъ царь умеръ, и другаго Царя намъ такого не найти?“ — „Отчего же онъ умеръ? — „Да должно быть злодѣи наши отравили“. Царевичъ разсмѣялся и говоритъ: „Это не можетъ быть“.

Вдругъ одинъ челоѣкъ присмотрѣлся къ Царевичу, примѣтилъ, что онъ говоритъ нечисто по ихнему и одѣтъ не такъ, какъ всѣ въ городѣ, и крикнулъ:

— „Ребята! этотъ челоѣкъ подосланъ къ намъ отъ нашихъ злодѣевъ разузнавать про нашъ городъ. Можетъ онъ са-

мый отравилъ Царя. Видите, онъ и говорить не по нашему и смѣется, когда мы все плачемъ. Хватайте его, ведите въ тюрьму!“

Царевича схватили, отвели въ тюрьму и два дня не давали ему пищи. На третій день пришли за Царевичемъ и повели его на судъ. Народа собралось много слушать, какъ будутъ судить Царевича. X

На судъ Царевича спросили, кто онъ и зачѣмъ пришелъ въ ихъ городъ? Царевичъ сказалъ: — „Я царскій сынъ. Мой отецъ отдалъ все царство старшему брату, а мать за меня заступалась и изъ-за меня отецъ съ матерью ссорились. Я этого не захотѣлъ; простился съ отцомъ и матерью и ушелъ странствовать. По дорогѣ встрѣтилъ я двухъ товарищей: купца и мужика и съ ними подошелъ къ вашему городу. Когда мы сидѣли отдыхали за городомъ, мужикъ сказалъ, что надо теперь работать, кто что умѣетъ; купецъ сказалъ, что онъ умѣетъ торговать, но что у него денегъ нѣтъ; а я сказалъ, что я умѣю только царствовать, да у меня царства нѣтъ. Мужикъ сказалъ, что мы съ голоду помремъ, дожидаячи денегъ да царства, а что у него есть сила въ рукахъ, и что онъ и себя и насъ прокормить. И онъ пошелъ въ городъ, заработалъ деньги и принесъ намъ. Купецъ на эти деньги пошелъ и на торговалъ въдесятеро; а я пошелъ въ городъ нынче, и вотъ меня взяли и понапрасну посадили въ тюрьму и два дня не давали ѣсть, и теперь хотятъ казнить. Да я этого ничего не боюсь, потому что знаю, что все отъ Бога, и захочетъ Богъ, такъ вы меня Царемъ сдѣлаете.“

Когда онъ все это сказалъ, судья замолчалъ и не зналъ, что говорить. Вдругъ одинъ человекъ изъ народа закричалъ:

— „Намъ Богъ послалъ этого Царевича. Мы не найдемъ себѣ лучше Царя! Выбирайте его въ Цари!“

И все выбрали его Царемъ.

Когда его выбрали царемъ, Царевичъ послалъ за городъ привести къ себѣ своихъ товарищей. Когда имъ сказали, что ихъ требуетъ Царь—они испугались: думали, что они сдѣлали какую нибудь вину въ городъ. Но имъ нельзя было убѣжать и ихъ привели къ Царю. Они упали къ нему въ ноги, но Царь велѣлъ встать. Тогда они узнали своего товарища. Царь рассказалъ имъ все, что съ нимъ было, и сказалъ имъ:—Види-

те ли вы, что моя правда? Худое и доброе — все отъ Бога. И Богу не труднѣе дать царство Царевичу, чѣмъ купцу барышъ, а мужику работу“.

Онъ наградилъ ихъ и оставилъ жить въ своемъ Царствѣ.

X Галченкокъ. (Басня.)

Пустынный увидаль разъ въ лѣсу сокола. Соколъ принесъ въ гнѣздо кусокъ мяса, разорвалъ мясо на маленькіе куски и сталъ кормить галчѣнка.

Пустынный удивился, какъ такъ соколъ кормитъ галчѣнка, и подумалъ: „галчѣнокъ, и тотъ у Бога не пропадетъ: и научилъ же Богъ этого сокола кормить чужаго сироту. Видно Богъ всехъ тварей кормитъ, а мы все о себѣ думаемъ. Перестану я о себѣ заботиться, не буду себѣ припасать пищи. Богъ всехъ тварей не оставляетъ, и меня не оставитъ“.

Такъ и сдѣлалъ: сѣлъ въ лѣсу и не вставалъ съ мѣста, а только молился Богу. Три дня и три noci онъ пробылъ безъ питья и ѣды. На третій день пустынный такъ ослабѣлъ, что ужъ не могъ поднять руки. Отъ слабости онъ заснулъ. И приснился ему старецъ. Старецъ будто подошелъ къ нему и говорить: „ты зачѣмъ себѣ пищи не припасаетъ? Ты думаешь Богу угодить, а ты грѣшишь. Богъ такъ миръ устроилъ, чтобъ каждая тварь добывала себѣ нужное. Богъ велѣлъ соколу кормить галчѣнка потому, что галчѣнокъ пропалъ бы безъ сокола; а ты можешь самъ работать. Ты хочешь испытывать Бога, а это грѣхъ. Проснись и работай по прежнему“. Пустынный проснулся и сталъ жить по прежнему. X

Какъ я выучился ѣздить верхомъ. (Разсказъ барина.)

Когда я былъ маленькій, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: „надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ“. Я

былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: „А мнѣ можно учиться?“ Ватюшка сказалъ: — „ты упадёшь“. Я сталъ просить его, чтобъ меня тоже учили и чуть не заплакалъ. Ватюшка сказалъ: „ну хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадёшь. Кто ни разу не упадётъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить“.

Когда пришла середя, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большаго крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни, и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было несовсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей, и лошади стучатъ копытами о деревянные стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: „вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ“. Берейторъ сказалъ: „хорошо“.

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: „этотъ мальчикъ очень“. А дядька сказалъ: „онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадётъ“. Берейторъ засмѣялся и ушёлъ.

Потомъ привели трѣхъ осѣдланыхъ лошадей, мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду*), а братья ѣздили кругомъ него. Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Её звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: „ну, кавалеръ, садитесь“. Я и радовался, и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногою въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: „не тяжѣль баринъ, — фунта два, больше не будетъ“.

Онъ сначала держалъ меня за руку; но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ: „а

*) Корда — веревка для того, чтобы по кругу гонять лошадей.

не бойтесь?“ Я очень боялся, но сказалъ что не боюсь. Боялся я больше отъ того, что Червончикъ всё поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: „ну, смотрите-жъ не падайте!“ и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: „ну что, утвердились?“ Я ему сказалъ: „утвердился“. „Ну, теперь рысцой!“ и берейторъ защёлкалъ языкомъ.

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью и меня стало подкидывать. Но я все молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: „ай да кавалеръ, хорошо!“ Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошёлъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся, немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобъ онъ остановилъ; но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ всё бѣжалъ рысью, и я ещё больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ съ своимъ товарищемъ и, не глядя на меня приговаривалъ: „молодецъ кавалеръ“. Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: „вотъ-те на! свалился кавалеръ мой, и подошёлъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: „дѣтское тѣло мягкое.“ А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобы меня опять посадили; и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ.

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо, и ничего не боялся.

Топоръ и пила. (Басня.)

Пошли два мужика въ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другаго пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить. Одинъ говоритъ — надо дерево срубить, а другой говоритъ — надо спилить.

Третій мужикъ и говоритъ: „я сейчасъ помирю васъ; если топоръ востеръ, то лучше рубить, а если пила еще вострѣе, то лучше пилить“. Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу; пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: „вы подождите спорить; топоръ не рубить, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ ужъ спорьте“. Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ неточеный топоръ, а у другаго пила тупая; и они стали драться.

Солдаткино житье. (Разсказъ мужика.)

Мы жили бѣдно на краю деревни. Была у меня мать, нянька (старшая сестра) и бабушка. Бабушка ходила въ старомъ чупрунѣ и худенькой паневѣ, а голову завязывала ветошкой. Бабушка любила и жалѣла меня больше матери. Отецъ мой былъ въ солдатахъ. Говорили про него, что онъ много пилъ и за то его отдали въ солдаты. Я какъ сквозь сонъ помню — онъ приходилъ къ намъ на побывку. Изба наша была тѣсная и подпертая въ серединѣ рогулиной, и я помню, какъ я лавилъ на эту подпорку, оборвался и разбилъ себѣ лобъ объ лавку. И до сихъ поръ мѣтина эта осталась у меня на лбу.

Въ избѣ были два маленькія окна и одно всегда было заткнуто ветошкой. Дворъ нашъ былъ тѣсный и раскрытый. Въ серединѣ стояло старое корыто. На дворѣ была только одна старая, кособокая лошаденка; коровы у насъ не было, были двѣ плохенькія овченки и одинъ ягненокъ. Я всегда спалъ съ этимъ ягненкомъ. Ъли мы хлѣбъ съ водою. Работать у насъ

было некому, мать моя всегда жаловалась отъ живота, а бабушка отъ головы и всегда была около печки. Работала только одна моя нянька, и въ свою долю, а не въ семью, покупала себѣ наряды и собиралась замужъ.

Помню я — мать стала больнѣе и потомъ родился у ней мальчикъ. Мамушку положили въ сѣни. Бабушка заняла у соседа крупицъ и послала дядю Нефедѣ за попомъ. А сестра пошла собирать народъ на крестины.

Собрался народъ, принесли три ковриги хлѣба. Родня стала разетавлять столы и покрывать скатертями. Потомъ принесли скамейки и ушатъ съ водою. И всѣ сѣли по мѣстамъ. Когда прѣхалъ священникъ, кумъ съ кумой стали впереди, а позади стала тетка Акулина съ мальчикомъ. Стали молиться, потомъ вынули мальчика и священникъ взялъ его и опустил въ воду. Я испугался и закричалъ: „дай мальчика сюда!“ Но бабушка разсердилась на меня и сказала: молчи, а то побью“.

Священникъ окунулъ его три раза и отдалъ теткѣ Акулинѣ. Тетка завернула его въ миткаль и отнесла къ матери въ сѣни.

Потомъ всѣ сѣли за столы, бабушка наложила каши двѣ чашки, налила постное масло, и подала народу. Когда всѣ наѣлись, — вылѣзли изъ-за столовъ, поблагодарили бабушку и ушли.

Я пошелъ къ матери и говорю:

— „Ма, какъ его зовутъ?“ Мать говоритъ: „такъ же, какъ тебя“.

Мальчикъ былъ худой; ножки, ручки у него были тоненькія, и онъ все кричалъ. Когда ни проснешься ночью, онъ все кричитъ, а матушка все баюкаетъ, припѣваетъ. Сама кричитъ, а все поетъ.

Одинъ разъ ночью я проснулся и слышу — мать плачетъ. Бабушка встала и говоритъ: „что ты, Христось съ тобой!“ Мать говоритъ: „мальчикъ померъ“. Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла чистую рубашечку, подпоясала и положила подъ святые. Когда разсвѣло, бабушка вышла изъ избы и привела дядю Нефедѣ. Дядя принесъ двѣ старенькія тесинки и сталъ дѣлать гробикъ. Сдѣлалъ маленькое домовище

и положилъ мальчика туда. Потомъ мать сѣла къ гробику и тонкимъ голоскомъ стала причитать и взывала. Потомъ дядя Нефедъ взялъ гробикъ подъ мышку и понёсъ хоронить.

Только у насъ и было радости, какъ мы няньку отдавали замужъ. Приѣхали къ намъ разъ мужики и принесли съ собою ковригу хлѣба и вина. И стали подносить своё вино матери. Мать выпила. Дядя Иванъ отрёзалъ ломоть хлѣба и подаль ей. Я стоялъ подлѣ стола и мнѣ захотѣлось хлѣбушка. Я нагнулъ мать и сказалъ ей на ухо. Мать засмѣялась, а дядя Иванъ говоритъ: „что онъ? хлѣбца?“ и отрёзалъ мнѣ большой ломоть. Я взялъ хлѣбъ и ушѣлъ въ чуланъ. А нянька сидѣла въ чуланѣ. Она стала меня спрашивать: „что тамъ мужики говорятъ?“ Я сказалъ: „вино пьютъ“. Она засмѣялась и говоритъ: „это они меня сватаютъ за Кондрашку“.

Потомъ собрались играть свадьбу. Всѣ встали рано. Бабушка топила печку, мать мѣсила пироги, а тётка Акулина мыла говядину.

Нянька нарядилась въ новые коты, надѣла сарафанъ красный и платокъ хорошій и ничего не дѣлала. Потомъ когда истопили избу, мать тоже нарядилась, и пришло къ намъ много народу, — полная изба.

Потомъ подѣхали къ нашему двору три пары съ колоколами. И на задней парѣ сидѣлъ женихъ Кондрашка въ новомъ кафтанѣ и въ высокой шапкѣ. Женихъ слѣзъ съ тѣлеги и пошѣлъ въ избу. Надѣли на няньку новую шубу и вывели её къ жениху. Посадили жениха съ нѣвестой за столъ, помолились Богу и вышли на дворъ. Кондрашка посадилъ няньку въ телѣгу, а самъ сѣлъ въ другую. Всѣ посажались въ телѣги, перекрестились и поѣхали. Я вернулся въ избу и сѣлъ къ окну ждать: когда свадьба вернется. Мать дала мнѣ кусочекъ хлѣбца, я поѣлъ, да тутъ и заснулъ. Потомъ меня разбудила мать, говоритъ: „ѣдутъ!“ дала мнѣ скалку и велѣла сѣсть за столъ. Кондрашка съ нянькой вошли въ избу и за ними много народу, больше прежняго. И на улицѣ былъ народъ и всѣ смотрѣли къ намъ въ окна. Дядя Герасимъ былъ дружкой; онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: вылѣзай“. Я испугался и хотѣлъ лѣзть, а бабушка говоритъ: „ты покажи

скалку и скажи: а это что?“ Я такъ и сдѣлалъ. Дядя Герасимъ положилъ денегъ въ стаканъ и налилъ вина и подаль мнѣ. Я взялъ стаканъ и подаль бабушкѣ. Тогда мы вылѣзли, а они сѣли.

Потомъ стали подносить вино, студень, говядину; стали пѣть пѣсни и плясать. Дядѣ Герасиму поднесли вина; онъ выпилъ немного и говоритъ: „что-то вино горько“. Тогда нянька взяла Кондрашку за уши и стала его цѣловать. Долго играли пѣсни и плясали, а потомъ всѣ ушли и Кондрашка повелъ няньку къ себѣ домой.

Послѣ этого мы стали еще бѣднѣе жить. Продали лошадей и послѣднихъ овецъ, и хлѣба у насъ часто не было. Мать ходила занимать у родныхъ. Вскорѣ и бабушка померла. Помню я, какъ матушка по ней выла и причитала: „Уже родимая моя матушка! на кого ты меня оставила горькую горемычную? на кого покинула свое дитячко несчастное? гдѣ я ума-разума возьму? какъ мнѣ вѣкъ прожить? И такъ она долго плакала и причитала.“

Одинъ разъ пошѣлъ я съ ребятами на большую дорогу лошадей стеречь и вижу — идѣтъ солдатъ съ сумочкой за плечами. Онъ подошѣлъ къ ребятамъ и говоритъ: „вы изъ какой деревни, ребята?“ „Мы — говоримъ — изъ Никольскаго“. — „А что, живѣтъ у васъ солдатка Матрѣна?“ А я говорю: „жива, она мнѣ матушка“. Солдатъ поглядѣлъ на меня и говоритъ: „а отца своего видалъ?“ Я говорю: „онъ въ солдатахъ, не видалъ“. Солдатъ и говоритъ: „ну, пойдёмъ, проводи меня къ Матрѣнѣ, я ей письмо отъ отца привѣзъ“. Я говорю: „какое письмо!“ А онъ говоритъ: „вотъ пойдёмъ увидишь“.

„Ну чтожъ, пойдёмъ“.

Солдатъ пошѣлъ со мной, да такъ скоро, что я бѣгомъ за нимъ не поспѣвалъ. Вотъ пришли мы въ свой домъ. Солдатъ помолился Богу и говоритъ: „здравствуйте!“ Потомъ раздѣлся, сѣлъ на конникъ и сталъ оглядывать избу, и говоритъ: „чтожъ, у васъ семьи только-то!“ Мать оробѣла и ничего не говоритъ, только смотреть на солдата. Онъ и говоритъ: „гдѣжъ матушка?“ — а самъ заплакалъ. Тутъ мать подбѣжала къ отцу и стала его цѣловать. И я тоже влѣзъ къ нему на колѣни и

сталъ его обшаривать руками. А онъ пересталъ плакать и сталъ смѣяться.

Потомъ пришёлъ народъ, и отецъ со всѣми здоровался и рассказывалъ, что онъ теперь совсѣмъ по билету вышелъ.

Какъ пригнали скотину, пришла и нянька и поцѣловалась съ отцомъ. А отецъ и говоритъ: „это чья же молодая бабочка?“ А мать засмѣялась и говоритъ: „свою дочь не узналъ“. Отецъ позвалъ её еще къ себѣ и поцѣловалъ и спрашивалъ, какъ она живетъ? потомъ мать ушла варить яичницу, а няньку послала за виномъ. Нянька принесла штофигъ заткнуть бумажкой и поставила на столъ. Отецъ и говоритъ: „это что?“ А мать говоритъ: „тебѣ вина.“ А онъ говоритъ: „нѣтъ, ужъ пятый годъ не пью; а вотъ яичницу подавай!“ Онъ помолился Богу, сѣлъ за столъ и сталъ ѣсть. Потомъ онъ говоритъ: „кабы я не бросилъ пить, я бы и унтеръ-офицеромъ не былъ, и домой бы ничего не принесъ, — а теперь слава Богу.“ Онъ досталъ въ сумкѣ кошель съ деньгами и отдалъ матери. Мать обрадовалась, заторопилась и понесла хоронить.

Потомъ, когда всѣ разошлись, отецъ легъ спать на задней лавкѣ и меня положилъ съ собой, а мать легла у насъ въ ногахъ. И долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ я уснулъ.

Поутру мать говоритъ: „охъ, дровъ-то у меня нѣтъ!“ А отецъ говоритъ: „топоръ есть?“ — „Есть, да щербатый, плохой“. Отецъ обулся, взялъ топоръ и вышелъ на дворъ. Я побѣждалъ за нимъ.

Отецъ сдернулъ съ крыши жердь, положилъ на колоду, взмахнулъ топоромъ, живо перерубилъ и принесъ въ избу, и говоритъ: „ну вотъ тебѣ и дрова, топи печь; а я нынче пойду приищу купить избу, да лѣсу на дворъ. Корову также купить надо“. Мать говоритъ:

„Охъ денегъ много на все надо“.

А отецъ говоритъ: „а работать будемъ. Вонъ мужикъ-то раетъ!“ Отецъ показалъ на меня.

Вотъ отецъ помолился Богу, поѣлъ хлѣбца, одѣлся и говоритъ матери: „а есть яички свѣжія, такъ испеки въ золѣ къ обѣду“. И пошелъ со двора.

Отецъ долго не ворочался. Я сталъ проситься у матери за отцомъ. Она не пускала. Я хотѣлъ уйти, а мать непустила меня и побила. Я сѣлъ на печку и сталъ плакать. Тутъ отецъ вошелъ въ избу и говоритъ: „о чемъ плачешь?“ Я говорю: „я хотѣлъ за тобой бѣчь, а мать меня непустила, да еще побила“, и еще пуше заплакалъ. Отецъ засмѣялся, подошелъ къ матери и сталъ её бить нарочно, а самъ приговариваетъ: „не бей Федьку, не бей Федьку!“ Мать нарочно будто заплакала, отецъ засмѣялся и говоритъ: „вотъ вы съ Федькой какіе на слѣзы слабые, сейчасъ и плакать“. Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня съ собой рядомъ и закричалъ: „ну, теперь давай намъ, мать, съ Федюшкой обѣдать; мы ѣсть хотимъ“.

Мать дала намъ каши и яицъ, и мы стали ѣсть. А мать говоритъ: „ну что-же, — иструбь?“ А отецъ говоритъ: „купилъ, 80 цѣлковыхъ, липовый, бѣлый какъ стекло. Вотъ дай срокъ, мужикамъ купимъ винца, они мнѣ и сvezутъ воскреснымъ дѣломъ“.

Съ тѣхъ поръ мы стали хорошо жить.

Котъ и мыши. (Басня.)

Завелось въ одномъ домѣ много мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить мышей. Увидали мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: „давайте, мыши, не будемъ больше сходиться съ потолка, а сюда къ намъ коту не добратъся!“ Какъ перестали мыши сходить внизъ, котъ и задумалъ какъ-бы ихъ перехитрить. Уцѣпилъ онъ одной лапкой за потолокъ, свѣсилъ и притворился мѣртвымъ. Одна мышь взглянула на него, да и говоритъ: „Нѣтъ, братъ! хошь мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду“.

Ледъ, вода и паръ. (Разсужденіе).

Ледъ бываетъ крѣпкій, какъ камень. Если во льдѣ вмѣрзнетъ палка, то палку эту не выломаешь изо льда, пока не оттаешь. Когда ледъ холоденъ, то по немъ воза ѣздятъ и не проваливаются, и брось на него 10 пудовъ желѣза, ледъ не провалится.

Чѣмъ холоднѣе лёдъ, тѣмъ онъ крѣпче. Какъ согрѣется лёдъ — такъ онъ ослабнетъ, сдѣлается какъ каша; что въ нёмъ вмѣрзало рукой можно вынуть; онъ проваливается подъ ногами и не удержитъ и фунта желѣза. Когда лёдъ еще больше согрѣется, то онъ станетъ водой. Изъ воды всякую вещь легко вынуть, и вода уже ничего не держитъ кромѣ дерева. Если ещё станешь согрѣвать воду, она еще меньше станетъ держать.

Въ холодной водѣ легче плавать чѣмъ въ теплой. А въ горячей водѣ и дерево тонетъ.

Если еще согрѣть воду, она и вовсе разойдется паромъ; и паръ уже ничего не держитъ, а самъ идетъ во все стороны.

Если кипятить воду подъ крышкой, то вода испарится и сядетъ каплями подъ крышкой, стечетъ внизъ и опять станетъ вода. Собрать эту воду и выставить на морозъ — опять станетъ лёдъ.

Согрѣй воду — будетъ паръ; застуди воду — будетъ лёдъ. Все та же вода бываетъ летучая, когда согрѣется, и крѣпкая, когда остынетъ.

Во льду нѣтъ тепла, въ водѣ есть немного, а въ парѣ очень много.

Если ко льду приставить льдину, то льдина не согрѣется и не похолодѣетъ.

А если польешь воды на лёдъ, то лёдъ потеплѣетъ а вода похолодѣетъ. Лёдъ растаетъ, если воды много, и вода замерзнетъ, если льду много.

А если на лёдъ пустить паръ, то лёдъ потеплѣетъ, а паръ похолодѣетъ. Лёдъ растаетъ, станетъ водой, а паръ охолодѣетъ и тоже станетъ водой.

Если вода холодная и воздухъ холодный, то ни вода не согрѣется, ни воздухъ не похолодѣетъ. Но если воздухъ тёплый, а вода холодная, что будетъ? Изъ воздуха тепло будетъ переходить въ воду, вода станетъ всё теплѣе, а воздухъ всё холоднѣе, до тѣхъ поръ, пока они сравниваются.

Если воздухъ теплѣе воды, то вода согрѣется, а воздухъ остынетъ; а если вода теплѣе, то воздухъ согрѣется, а вода остынетъ.

Если на воздухѣ изъ жидкой воды дѣлается мѣрзлая вода, то значитъ вода теплѣе воздуха,—она будетъ холодѣть, а воздухъ теплѣть.

Если на воздухѣ летучая вода дѣлается жидкой водой, — значитъ воздухъ холоднѣе летучей воды, и вода будетъ стыть, а воздухъ грѣться.

Если изъ крѣпкой воды дѣлается на воздухѣ жидкая вода значитъ воздухъ теплѣе, онъ будетъ стыть, крѣпнуть, а лёдъ грѣться.

Если на воздухѣ изъ воды дѣлается паръ, высыхаетъ вода, значитъ воздухъ теплѣе; онъ будетъ стыть, а вода грѣться.

Льдомъ нельзя грѣть, а водой и паромъ можно грѣть. Водой можно вотъ какъ грѣть: провести въ холодный домъ воду. Какъ вода замѣрзнетъ, такъ и лёдъ выносить вонъ; опять замѣрзнетъ,—опять выносить вонъ. И въ домѣ всё будетъ теплѣе, и такъ станетъ тепло, что вода, не станетъ ужъ мѣрзнуть. Отъ чего это такъ будетъ? Отъ того, что, какъ вода замѣрзнетъ, такъ она выпуститъ изъ себя лишнее тепло въ воздухъ, и до тѣхъ поръ будетъ выпускать, пока воздухъ согрѣется и вода перестанетъ мѣрзнуть.

Паромъ грѣютъ вотъ какъ: напустятъ пару въ холодный домъ. Паръ станетъ охлаживаться, каплями потечётъ книзу и станетъ водой. Воду эту выносятъ и въ домѣ становится тепло.

Отъ чего это такъ будетъ? Отъ того, что какъ только паръ станетъ водой, онъ изъ себя выпуститъ лишнее тепло въ воздухъ.

Когда изъ воды дѣлается лёдъ а изъ пара дѣлается вода, то въ воздухъ выходитъ тепло изъ воды и изъ пара, и воздухъ становится теплѣе. А когда изъ льда дѣлается вода, а изъ воды дѣлается паръ, то тепло изъ воздуха выходитъ въ воду и въ паръ, и воздухъ становится холоднѣе.

Если хочешь остудить тёплую горницу, принеси льду и дай ему растаять. Отъ чего станетъ холоднѣе? Отъ того что лёдъ, чтобъ ему сдѣлаться водой, заберётъ въ себя тепло изъ воздуха.

Если хочешь остудить, налей воды и дай ей высохнуть. Отъ чего такъ будетъ? Отъ того, что изъ воды сдѣлается паръ. А чтобы изъ воды сдѣлаться паромъ, она заберётъ много тепла изъ воздуха.

Отъ этого бываетъ холоднѣе, когда идетъ дождь, и теплѣе, когда собирается дождь. Когда идетъ дождь, то вода сохнетъ,

испаряется и забираетъ въ себя тепло. А когда собирается дождь, то въ воздухѣ ходятъ пары и охлаждаются въ тучи: отъ нихъ-то и тепло.

Такъ и говорятъ, что парить.

Перепелка и перепелята. (Басня.)

Мужики косили луга, а въ лугу подь кочкой было перепелиное гнѣздо.

Перепелка съ кормомъ прилетѣла къ гнѣзду и увидала, что кругомъ всё обкошено. Она и говоритъ перепелятамъ: „ну, дѣти, — бѣда пришла! Теперь молчите и берегитесь, а то пропадёте; вечеромъ переведу васъ“. А перепелята радовались что въ лугу свѣтлѣе стало, и говорили: „мать — старая, оттого и не хочетъ, чтобы мы веселились;“ и стали пищать и свистать.

Ребята принесли мужикамъ на покосъ обѣдать, услышали перепелятъ и порвали имъ головы.

Булька. (Разсказъ офицера.)

У меня была мордашка. Её звали Булкой. Она была вся чёрная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые. У всѣхъ мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Булки нижняя челюсть такъ выдавалась вперёдъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Булки было широкое; глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы, и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смиренный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ бывало уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка; и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ тряпка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Булку; но

Булька до тѣхъ поръ на нёмъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ служить на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его, и ушѣлъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то черное и блестящее. Это былъ Булька въ своемъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подь телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глоталъ слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ раму и выскочилъ изъ окна, и прямо по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ, и проскакалъ такъ вѣреть 20-ть въ самый жаръ.

Булька и кабанъ. (Разсказъ.)

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанями, и Булька прибѣжалъ со мной. Только-что гончія погнала, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи тогда бываютъ очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограду, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновнику. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ — кабаны отѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подь сабаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то онѣ лаютъ, какъ на человѣка и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Уже я былъ близко отъ кабана. Мнѣ уже слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по лаю, что онѣ не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ—зашуршало что-то сзади, и увидалъ Бульку. Онъ видно потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и, также какъ я, что было духу катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку по высокой травѣ, и мнѣ отъ него видно только была его черная голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шѣлъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ. Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ чрезъ чащу къ тому мѣсту. Въ самой глухой чащѣ я увидалъ пѣструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трѣхъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно визжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую; гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ видѣнъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ. Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ, я по чащѣ ломился за ними. Вдругъ почти у себя подъ ногами я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Булька. Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хватили его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ почти въ упоръ, такъ что

щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ—захрипѣлъ, пошатался и всей тушей тяжело хлопнулся на землю.

Когда я подошѣлъ, кабанъ уже былъ мѣртвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подѣргивало. Но собаки, оцетившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другіе лакали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошѣлъ его искать. Онъ ползъ мнѣ на встрѣчу и стоналъ. Я подошѣлъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоронъ животъ, и цѣлый комокъ кишокъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булкѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ всё лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобы вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь, и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть и выздоровѣлъ.

Ф а з а н ы. (Описание.)

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что онѣ тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся съ кобылкой, съ подсадю и изъ подъ собаки. Съ кобылкой вотъ какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ срединѣ рамки слѣлаютъ перекладину. А въ парусинѣ слѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этой кобылкой и съ ружьемъ, на зарѣ выходятъ въ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собой и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зарямъ кормятся на полянкахъ. Иногда цѣлый выводокъ—насѣдка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не видятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружье въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору.

Съ подсадю охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собаченку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдетъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ взлетитъ на дерево и тогда соба-

чѣнка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, если бы фазанъ садился на дерсво на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ бы прямо на деревѣ, такъ что его бы видно было. Но фазаны всегда садятся на густыя деревья въ чащѣ, и какъ завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсматрѣть его. Когда собака одна ласть на фазана, онъ не боится ее; сидитъ на сучкѣ и ещё пѣтушится на нее и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а не привычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на своё лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьёмъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ лягавую собаку и ходятъ за нею по лѣсу. Собака чутьёмъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И сколько бы не напутали фазаны, хорошая собака всегда найдѣтъ послѣдній слѣдъ, выходитъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдѣтъ до того мѣста, гдѣ днёмъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она дойдѣтъ близко, тогда ей будетъ казаться, чтъ фазанъ ужъ тутъ, прямо передъ ней, и она всё будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдѣтъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ и охотникъ стрѣляетъ.

Мильтонъ и Булька. (Разсказъ.)

Я завѣлъ себѣ для фазановъ лягавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ: она была высокая, худая, крапчатая по сѣрму, съ длинными брылами и ушами; и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ бывало только покажетъ свои зубы, и собаки

поджимаютъ хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошѣлъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ прогнать его, но никакъ не могъ. А идти домой, чтобы отвести его, было далеко. Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошѣлъ дальше: но только что Мильтонъ почувалъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился впередъ, и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана. Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутье у него плохое и онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шѣлъ Мильтонъ. Только что Мильтонъ тронется по слѣду, Булька забѣжитъ впередъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался впередъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему впередъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ повернѣтъ въ другую сторону и притворится, что онъ ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня, махнетъ хвостомъ и поидетъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ впередъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведѣтъ меня прямо. Такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣла.

Черепаха. (Разсказъ.)

Одинъ разъ я пошѣлъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ искать, вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принохиваться. Я приготовилъ ружьё и пошѣлъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошѣлъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шѣлъ за нимъ и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидалъ то, что онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая, темносѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута,

какъ пестикъ; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ её и сталъ грызть; но не могъ прокусить её, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ. Только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстіе, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнял черепаху у Мильтона и рассмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина и какая скорлупа и какъ она туда прячется. Когда держишь её въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то черное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошѣлъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ её оставить, а нёсъ въ зубахъ за мною. Вдругъ Мильтонъ взвизгнулъ и пустилъ её. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на неё за это, что сталъ лаять и опять схватилъ её и понёсъ за мною. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнял у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землею.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей онѣ выводятъ яйцами, и яйца кладутъ на землѣ, и не высидиваютъ ихъ, а яйца сами, какъ рыба икра, лопаются — и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не ботыше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладётъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи — это ея рѣбра. Только у людей и у другихъ животныхъ рѣбра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи рѣбра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ рѣбра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи рѣбра сверху, а мясо подъ ними.

Булька и Волкъ. (Разсказъ.)

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда ещё тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ, и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришѣлъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы передъ моей хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услышали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросенокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: „это волкъ душитъ поросенка!“

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружьё и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросенокъ и кричали мнѣ: „сюда!“ Мильтонъ бросился за мной, — вѣрно думалъ, что я на охоту иду съ ружьёмъ; а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велѣтъ вцѣпиться. Когда я побѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора прямо ко мнѣ бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ побѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отстранился отъ него и приготовилъ ружьё. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружьё сдѣлало: „чикъ“ и не выстрѣлило. Волкъ не остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но видно боялся схватить его; а Булька какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ — не могъ поспѣть. Мы бѣжали, что было силы, за волкомъ, но и волкъ, и собаки скрылись у насъ изъ виду. Только у канавы на углу станицы мы услышали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вер-

нулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными глазами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой, — онъ видѣлъ хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на голое плечо была маленькая рана. Онъ видно догналъ волка передъ канавой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговаривали о томъ, что случилось. Я досадовалъ на то, что ружьё моё осталось вѣдьма, и всё думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остальнаго волкъ, еслибъ оно выстрѣлило. Приятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, а что это была вѣдьма, и что она заколдовала моё ружьё. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидѣли на серединѣ улицы передъ нами опять того же волка, но въ этотъ разъ онъ отъ нашего крика такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма; а я подумалъ, что не бѣшенный ли это былъ волкъ, потому что я никогда не видывалъ и не слышалъ, чтобы волкъ послѣ того, какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булкѣ на рану пороху и зажгъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану затѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюну, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если слюна попала слюна и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что изъ крови она разойдѣтся по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылечить.

Что случилось съ Булкой въ Пятигорскѣ. (Разсказъ)

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ, и тамъ пробылъ два мѣсяца. Мильтона я подарилъ казаку охотнику, а Булку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-Тау. А Бешъ по татарски значитъ пять. Тау — гора. Изъ этой горы течётъ горячая сѣрная вода. Вода эта горячая, какъ кипяткъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идётъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ, какъ надъ самоваромъ. Всё мѣсто, гдѣ стоитъ городъ — очень весёлое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течётъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдаль всегда видны большія Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онъ всегда бѣлый, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лечиться и надъ ключами бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка и народъ пьётъ воду, или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Тамъ жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли козьяскія пчѣлы, не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчѣлы тамъ такъ смиренны что я всегда по утрамъ съ Булкой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчѣлъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и онѣ его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофе въ полисадникѣ. Булька сталъ чесать себѣ за ушами и тремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчѣлъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя я услышалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и поднимался все ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкую голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ, какъ ему надо было, и смиренно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услышалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотреть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ; „что это такое?“ Она сказала: „это колодники изъ острога ходятъ — собакъ бьютъ.“

Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу“.

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадѣтся?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники подошли ужъ къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Передъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собаченку, притянулъ её на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить её дубиной. Собаченка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собаченку и когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючекъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли ещё собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника и закричалъ: „Булька, назадъ“, и кричалъ колодникамъ, чтобы они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ въ Бульку и зацѣпилъ его за ляшку. Булька бросился прочь; но колодникъ тянулъ къ себѣ и кричалъ другому: „бей!“ Другой замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляшкѣ, и онъ, поджавъ хвостъ, съ красной раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючекъ.

Конецъ Бульки и Мильтона. (Разсказъ.)

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и тоже время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Въмѣсто того, чтобы брать его съ собой только на птицу, онъ сталъ во-

дѣть его за кабанями. И въ ту же осень съкачь*) кабанъ распоролъ его. Нико не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ. Булька тоже недолго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать всё, что ему попадалось. Онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ какъ прежде, когда ласкался. Онъ лизалъ долго, и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола, и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слышалъ про него.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ; а случилось это съ нимъ 6 недѣль послѣ того, какъ его укусили волкъ. Стало быть волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушѣлъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что называется по охотничьи — стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшеннаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судорги. Бѣшенныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судорги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно у Бульки начинались эти судорги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку отола.

Я ѣздилъ вездѣ по округу и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ онъ издохъ. Если бы онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшенныя собаки, то я бы услышалъ про него. А вѣрно онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умной собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, вываливается по росамъ и сама лѣчится. Видно Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

*) Съкачь — двухгодовалый кабанъ съ острымъ, незагнутымъ клыкомъ.

Птицы въ сѣти. (Басня.)

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли съ ней. Охотникъ побѣждалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: „И куда бѣжишь? Развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?“ Охотникъ сказалъ: „Кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню“.

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришёлъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ каждая въ свою сторону: одна къ лѣсу, другая къ болоту, третья въ поле; и всѣ съ сѣтью упали на землю и охотникъ взялъ ихъ.

Ч у т ь е. (Разсужденіе).

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другаго хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ. У одного чутьё сильнѣе и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ издали, а другой и нюхаетъ гнилое яйцо, а не чувствуетъ. Одинъ ошупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего на ошупь не узнаетъ, не разберётъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возмётъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотить и не разберётъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутьё сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ когда захочетъ узнать вещь—посмотритъ её, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку для того, чтобы узнать вещь, нужнѣе всего её пощупать.

А для звѣрей почти для всѣхъ нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока её не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочисаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чувствовать, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина — испугается, не узнаетъ и начнётъ лаять, до тѣхъ поръ, пока не обнюхаетъ его и не узнаетъ, что то, что ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и всё не понимаютъ что такое дѣлается. Но стоить коровѣ или быку найти то мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ поймётъ, начнётъ реветъ, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошѣлъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не дала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по своему слѣду, а стороной, шаговъ на 20. Когда незнающій охотникъ хочетъ навестъ собаку на слѣдъ звѣря и ткнётъ собаку носомъ въ самый слѣдъ; то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберётъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чувствуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ тоже, что мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдёмъ, и тогда издали только разберёмъ, что говорятъ. Или, когда слишкомъ близко отъ насъ то, что мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутьё у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ. Червякъ ползётъ къ своему листу; клопъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопныхъ шаговъ.

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъ же малы должны быть частицы, тѣ, которыя попадаютъ въ чутьё насѣкомыхъ!

Собака и поваръ. (Басня.)

Поваръ готовилъ обѣдъ; собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ теленка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: „поваръ хорошій: хорошо стряпасть“.

Немного погодя, поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ, и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись; отвернули носы и говорятъ: „испортился нашъ поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь куда не годится“.

Но поваръ не слушался собакъ, а стряпалъ обѣдъ по своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не собаки.

Основаніе Рима. (Исторія.)

Былъ одинъ царь, и у него было два сына: Нумиторъ и Амулій. Когда онъ умиралъ, онъ сказалъ сыновьямъ: „какъ вы хотите раздѣлиться между собою? Кто возьметъ себѣ царство, а кто все мои богатства?“ Нумиторъ взялъ себѣ царство, а Амулій взялъ богатства. Когда Амулій взялъ богатства, ему стало завидно, что братъ его царемъ, и онъ сталъ дарить солдатъ и уговаривать, чтобъ они прогнали Нумитора, а его бы поставили царемъ. Солдаты такъ и сдѣлали, и Амулій сталъ царемъ. У Нумитора была дочь. У дочери этой родилась двойня — два мальчика. Оба были велики и красивы.

Амулій боялся, чтобъ народъ не полюбилъ этихъ близнецовъ, когда они вырастутъ и не выбералъ-бы ихъ царями. Онъ позвалъ своего слугу Фаустина и сказалъ ему: „возьми этихъ двухъ мальчиковъ и брось ихъ въ рѣку“.

Рѣка называлась Тибръ.

Фаустинъ положилъ дѣтей въ зыбку, отнесъ на берегъ и положилъ тамъ. Фаустинъ думалъ, что они помрутъ сами, но Тибръ разлился до берега поднялъ колыбельку, понесъ ее и поставилъ у высокаго дерева. Ночью пришла волчица и стала своимъ молокомъ кормить близнецовъ.

Мальчики выросли большіе и стали красивые и сильные. Они жили въ лѣсу недалеко отъ того города, гдѣ жилъ Аму-

лій, научились бить звѣрей и тѣмъ кормились. Народъ узналъ ихъ и полюбилъ за ихъ красоту. Большого прозвали Ромуломъ, а меньшого Ремомъ. Одинъ разъ пастухи Нумитора и Амулія стерегли скотину недалеко отъ лѣса и поссорились, Амуліевы пастухи угнали стада Нумитора. Близнецы увидели это и побѣжали за пастухами, догнали ихъ и отняли скотину.

Пастухи Нумитора были сердиты за это на близнецовъ, выбрали время, когда Ромула не было, схватили Рема и привели въ городъ къ Нумитору и говорятъ: „Проявились въ лѣсу два брата, отбиваютъ скотину и разбойничаютъ. Вотъ мы одного поймали и привели.“ Нумиторъ велѣлъ отвести Рема къ царю Амулію. Амулій сказалъ: „Они обидѣли братниныхъ пастуховъ. Пускай братъ ихъ и судить.“ Рема опять привели къ Нумитору. Нумиторъ позвалъ его къ себѣ и спросилъ: „Откуда ты, и кто ты такой?“ Ремъ сказалъ:

„Насъ два брата; когда мы были маленькіе, насъ принесло въ колыбелькѣ къ дереву на берегу Тибра, и тамъ насъ кормили дикіе звѣри и птицы. И тамъ мы выросли. А чтобы узнать, кто мы такіе,—у насъ осталась наша зыбка. На ней мѣдныя полоски, и на полоскахъ что-то написано.“

Нумиторъ удивился и подумалъ: не его ли это внуки? Онъ оставилъ у себя Рема и послалъ за Фаустиномъ, чтобы спросить его.

Между тѣмъ Ромуль искалъ брата и нигдѣ не могъ найти его. Когда ему сказали пастухи, что брата повели въ городъ,—онъ взялъ съ собой зыбку и пошелъ за нимъ. Фаустинъ сейчасъ узналъ зыбку и сказалъ народу, что это внуки Нумитора, что Амулій хотѣлъ утопить ихъ. Тогда народъ озлобился на Амулія и убилъ его, а Ромула и Рема выбрали царями. Но Ромуль и Ремъ не захотѣли жить въ этомъ городѣ, а оставили тутъ царствовать своего дѣда Нумитора. А сами пошли назадъ къ тому мѣсту подъ деревомъ, гдѣ ихъ выкормила волчица подлѣ рѣки Тибра, и построили тамъ новый городъ,—Римъ.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ. (Быль.)

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксѣновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксёновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Съ молодю Аксёновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ, какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксёновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьёй, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитриевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксёновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты всё боишься, какъ-бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксёновъ засмѣялся.

— Ну, это къ прибыли. Смотри,—какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ.

На половинѣ дороги сѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напился чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксёновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, взбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ чѣрную избу, расчѣлся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши вѣрстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ, и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходит къ Аксёнову и спрашиваетъ: кто? откуда? Аксёновъ всё рассказываетъ, какъ есть, и проситъ: не уголно ли чайку вмѣстѣ выпить? Только чиновникъ всё пристаётъ съ распросами: „Гдѣ ночевалъ прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца по утру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?“ Аксёновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ: всё рассказалъ, какъ было, да и говоритъ: „Что-жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я ни воръ, ни раз-

бойникъ какой-нибудь. Буду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать“.

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатъ и сказалъ:

— Я исправникъ, и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Вошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ, и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ:

— Это чей ножикъ?

Аксёновъ поглядѣлъ, видитъ — ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, испугался.

— А отъ чего кровь на ножѣ?

Аксёновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я... я не знаю... я... ножъ... я не мой...

Тогда исправникъ сказалъ:

Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постелѣ. Кромѣ тебя некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его, и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксёновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него свои 8,000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его съ связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксёновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксёнова обоъ брали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ, во острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человекъ былъ Аксёновъ, и все купцы и жители владимірскіе показали, что Аксёновъ съ молодю пилъ и гулялъ, но былъ человекъ хороший. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея ещё все были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всехъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ со-

держался въ острогѣ. Сначала её не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и её привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками, — она ударила о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про всё, что съ нимъ случилось. Онъ всё рассказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить Царя. Нельзя же невинному погибать! Жена сказала, что она уже подавала прошеніе Царю, но что прошеніе не дошло. Аксёновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала: — Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду: не ты сдѣлалъ это?

Аксёновъ сказалъ: „и ты подумала на меня!“ — закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришёлъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксёновъ въ послѣдній разъ простился съ семьёй.

Когда жена ушла, Аксёновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспоминалъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: „видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости“. И съ тѣхъ поръ Аксёновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксёнова присудили наказать кнутомъ и соелать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали. Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь,

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксёновъ жилъ 26 лѣтъ. Волоса его на головѣ стали бѣлыя, какъ снѣгъ, и борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ

сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксёновъ выучился шить сапоги и на заработанные деньги купилъ Четы-Миней и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ; а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостоль и пѣлъ на клиросѣ, — голосъ у него всё еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксёнова за его смиренность, а товарищи острожные почитали его и называли „дѣдушкой“ и „божьимъ человѣкомъ“. Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксёнова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксёнову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксёнову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ спрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какия дѣла. Аксёновъ тоже подѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ кто что рассказывалъ. Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ лѣтъ 60-ти, съ сѣдой стриженной бородой. Онъ рассказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ, — я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю?—Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попастьъ, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врѣшь, — былъ въ Сибири, да не долго гащивалъ....

— А ты откуда будешь? спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксёновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семёнычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксёновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слышать! Богатые купцы—даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксѣновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксѣновъ сказалъ: „стало-быть стоилъ того“, и не хотѣлъ больше рассказывать; но другіе острожные товарищи рассказали новому, какъ Аксѣновъ попалъ въ Сибирь. Они рассказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксѣнову ножикъ, и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услышалъ это, онъ взглянулъ на Аксѣнова, хлопнулъ себя руками по колѣнамъ и сказалъ:

— Ну чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся и гдѣ онъ видѣлъ Аксѣнова; но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята, — гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксѣнову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца? Онъ сказалъ:

— Или ты слышалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— Какъ не слышать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было; чтò и слышалъ, то забылъ“, сказалъ Макаръ Семеновъ.

— „Можетъ слышалъ, кто купца убилъ?“ спросилъ Аксѣновъ. Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да видно тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшокѣ напелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ? Ты бы услышалъ.

Какъ только Аксѣновъ услышалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксѣновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена, такую, какую она была, когда провожала его въ

последній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась. Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—веселымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ, — и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-ти лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксѣнова, что хотъ руки на себя наложить.

— И все отъ того злодѣя!.... думалъ Аксѣновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хотъ самому пропасть, а хотѣлось отметить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксѣновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ, ночью, онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился по-смотреть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксѣнова. Аксѣновъ хотѣлъ пройти, чтобъ не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и рассказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами, и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу.

Онъ сказалъ:

— Только молчи старикъ—я и тебя выведу. А если скажешь, — меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксѣновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не за чѣмъ и убивать меня нечего, — ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ, — какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю, стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ

въ острогъ и сталъ всёхъ допрашивать: кто выкопалъ дыру? Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксѣнову. Онъ зналъ, что Аксѣновъ былъ справедливый человѣкъ и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ, — скажи мнѣ передъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксѣнова. У Аксѣнова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: „Если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай заплатится за мое мученье. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что, какъ я понапрасну на него думаю? Да и что-жь, мнѣ легче развѣ будетъ?“

Начальникъ еще разъ сказалъ: „ну, что-жь, старикъ, говори правду: кто подкопался?“

Аксѣновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Я не видалъ и не знаю.

Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксѣновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услышалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара.

Аксѣновъ сказалъ:

— Чего тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксѣновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то я солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксѣнову и шепотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня!

Аксѣновъ сказалъ: „за что тебя прощать?“

— Я купца убилъ я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко. Аксѣновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:

— Иванъ Дмитріевичъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ, — тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксѣновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?... Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда....

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— „Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнудомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть.... А ты еще пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня ради Христа! Прости ты меня, злодѣя окаяннаго!“—И онъ зарыдалъ.

Когда Аксѣновъ услышалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— „Богъ проститъ тебя; можетъ быть я во сто разъ хуже тебя!“ И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ, и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксѣнова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксѣнову разрѣшеніе вернуться, — Аксѣновъ уже умеръ.

Кристаллы. (Разсужденіе.)

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдется въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать еще и еще соли, то подъ конецъ соль ужъ перестанетъ распускаться, а сколько ты ее ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше ужъ принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ еще; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если еще насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдетъ паромъ, и соли еще больше останется. Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждую вещь вода распу-

скаеть больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но все же— какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдетъ паромъ.

Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать еще селитры лишней, все согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберется вся шести гранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика. Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ и поставить въ тепломъ мѣстѣ, то вода уйдетъ паромъ, а селитра лишняя также сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и также дать уйти водѣ паромъ, то лишняя соль сложится тоже не порошкомъ, а кубиками. Если насытить воду селитрой въ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, и сложатся каждая по своему—селитра столбиками, а соль кубиками.

Если насытить воду известкой, или другою солью, или еще чѣмънибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ паромъ, сложится по своему. Какая въ трехгранные столбики, кака въ восьмигранные, какая кирпичиками, какая звѣздочками—каждая по своему. Эти-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку: такіе находятъ камни въ землѣ. Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберешь ихъ; но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголкой край фигуры, то опять на тоже мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть,—шестигранными столбиками. Тоже самое и съ солью и со всякой другой вещью. Всѣ маленькія порошокинки сами ворочаются и приставляются той стороною какай надо.

Когда замерзаетъ ледъ, то дѣлается тоже самое. Летитъ снѣжинка—въ ней не видать никакой фигуры: но какъ только она сядетъ на что-нибудь темное и холодное, на сукно, на мѣхъ,—въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку, или шестиугольную дощечку. На окнахъ царь примерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзатъ—такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что такое ледъ? Это холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры и изъ нея выходитъ тепло. Тоже самое дѣлается съ селитрой; когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія фигуры, изъ нея выходитъ тепло. Тоже съ солью, тоже съ плавленымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда кака нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкой, изъ нея выходитъ тепло и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкая, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленнаго желѣза и дай ему остывать; принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси известки гашеной и дай ей остывать,—будетъ тепло. Принеси льду и тай его,—станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, кака въ водѣ расходится, и распускай её въ водѣ,—станетъ холодно. Чтобъ заморозить мороженое—сыплоть соль въ воду.

Волкъ и коза. (Басня.)

Волкъ видитъ—коза пасѣтся на каменной горѣ, и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: „пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе и трава тебѣ для корма много слаще“. А коза говоритъ: „не затѣмъ ты, волкъ, меня внизъ зовѣшь: ты не объ моёмъ, а о своёмъ кормѣ хлопочешь“.

Поликратъ Самосскій (Исторія.)

Былъ одинъ греческій царь Поликратъ. Онъ во всѣмъ былъ счастливъ. Онъ завоевалъ много городовъ и сталъ очень богатъ. Поликратъ и описалъ въ письмѣ всю свою счастливую жизнь, и послалъ это письмо своему другу царю Амазису въ Египетъ. Амазисъ прочелъ письмо, и написалъ Поликрату отвѣтъ. Онъ писалъ такъ: „Пріятно бываетъ знать друга въ удачѣ. Но мнѣ твоё счастье не нравится. По моему, лучше бываетъ, когда человѣку въ одномъ дѣлѣ удача, а въ другомъ невѣтъ,—чтобы было въ перемежку. Послушай меня и сдѣлай вотъ что: что есть у тебя дороже всего, то возьми и брось куда нибудь въ такое мѣсто, чтобы не попало людямъ. И тогда у тебя будетъ счастье въ перемежку съ несчастьемъ“.

Поликратъ прочелъ это и послушался своего друга. Онъ сдѣлалъ вотъ что: былъ у него дорогой перстень; взялъ онъ этотъ

перстень, собралъ много народа, и сѣлъ со всѣмъ народомъ въ лодку. Потомъ велѣлъ ѣхать въ море. И когда выѣхалъ далеко за острова, тогда при всѣмъ народѣ бросилъ перстень въ море и вернулся домой.

На пятый день одному рыбаку случилось поймать очень большую, прекрасную рыбу, и захотѣлъ онъ подарить её Царю. Вотъ пришёлъ онъ къ Поликрату на дворъ, и когда Поликратъ вышелъ къ нему, рыбакъ сказалъ: „царь, я поймалъ эту рыбу и принёсъ тебѣ, потому что такую прекрасную рыбу только царю кушать“. Поликратъ поблагодарилъ рыбака и позвалъ его къ себѣ обѣдать. Рыбакъ отдалъ рыбу и пошёлъ къ царю, а повора разрѣзали рыбу и нашли въ ней тотъ самый перстень, что Поликратъ бросилъ въ море.

Когда повора принесли Поликрату его перстень и рассказали, какъ они нашли его, — Поликратъ написалъ другое письмо въ Египетъ къ своему другу Амазису и описывалъ, какъ онъ бросилъ перстень и какъ онъ нашёлся. Амазисъ прочёлъ письмо и подумалъ: это не къ добру, — видно нельзя уйти отъ судьбы. А лучше мнѣ разойтись съ своимъ другомъ, чтобы потомъ не жалѣть его; и онъ послалъ сказать Поликрату, что ихъ дружбѣ конецъ.

Въ то время былъ одинъ человекъ Оройтесъ. Этотъ Оройтесъ былъ сердитъ на Поликрата, и хотѣлъ погубить его. Вотъ Оройтесъ придумалъ какую хитрость. Написалъ онъ Поликрату, что будто Персидскій царь Камбизъ обидѣлъ его и хотѣлъ убить, и что онъ будто ушёлъ отъ него. Оройтесъ такъ писалъ Поликрату: „У меня много богатствъ: но я не знаю, гдѣ мнѣ жить. Прими ты меня къ себѣ съ моими богатствами, и тогда мы съ тобой сдѣлаемся самые сильные цари. А если ты не вѣришь, что у меня много богатствъ, такъ пришли кого нибудь посмотреть.“

Поликратъ и послалъ своего слугу посмотреть, правда ли, что Оройтесъ привезъ столько богатствъ. Когда слуга прѣехалъ смотреть богатства, Оройтесъ такъ обманулъ его: онъ взялъ много лодокъ и во всѣ наложилъ камни, а сверхъ камней по краевъ заложилъ золотомъ.

Когда слуга Поликрата увидѣлъ эти лодки, онъ повѣрилъ, что лодки всѣ по края были полны золотомъ, такъ и рассказалъ Поликрату.

Тогда Поликратъ захотѣлъ самъ ѣхать къ Оройтесу смотрѣть его богатства. Въ эту самую ночь дочь Поликрата увидала во снѣ, что онъ будто виситъ на воздухѣ. Дочь и стала просить отца, чтобы онъ не ѣздилъ къ Оройтесу; но отецъ разсердился и сказалъ, что онъ её не отдастъ замужъ, если она не замолчитъ сейчасъ. А дочь сказала: „Я рада никогда не идти замужъ, только не ѣзди ты къ Оройтесу: я боюсь, что съ тобой случится бѣда“.

Отецъ не послушался её и поѣхалъ. Когда онъ прѣехалъ, Оройтесъ схватилъ его и повѣсилъ до смерти. Такъ-то сонъ дочери и совершился.

Такъ и случилось, какъ угадалъ Амазисъ, что большое счастье Поликрата кончилось большимъ несчастьемъ.

Вольга Богатырь. (Стихи—сказка.)

Что не мелки часты звѣздочки
Разскажались подь небесью,
Что не ясенъ свѣтѣль мѣсяцъ
Просвѣтилъ въ небѣ высокоемъ, —
Освѣтило красно солнышко
Нашу землю святорусскую:
На святой Руси на матушкѣ
Народился удалъ молодецъ,
Свѣтъ Вольга — сударь Вуслаевичъ.
Отъ рожденья богатырскаго
Потряслася мать сыра земля,
Море сине всколыбалося,
Рыбы въ глубь моря забилася,
Звѣри въ чащи схоронилася.
Потряслось царство Турецкое.
Выросталъ Вольга семи годовъ
Захотѣлъ онъ много мудрости,
Къ мудрецамъ задался въ выучку.
И въ наукъ пошло ученіе.
Понималъ Вольга всѣ мудрости:
Обучился первой мудрости —
Оборачиваться птицею;
Обучился другой мудрости —

Оборачиваться рыбою:
Обучился третьей мудрости —
Сърымъ волкомъ ся обёртывать.
Какъ и сталъ Вольга въ пятнадцать дѣтъ
Подбиралъ Вольга дружинишку,
И собралъ онъ себѣ ровнюшекъ.
Удалыхъ-ли добрыхъ молодцевъ, —
Тридцать братьевъ безъ единого,
Становился самъ въ тридцатыхъ.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговорить Вольга Буслаевичъ:
„Вы дружина моя храбрая,
„Тридцать братьевъ безъ единого,
„Самъ Вольга я во тридцатыхъ —
„Вы большаго брата слушайте,
„Повелѣно дѣло дѣлайте:
„Повяжите сѣти шёлковы,
„Опускайте въ море синее.“
Тутъ Вольгу дружина слушалась
Повязала сѣти шёлковы,
Опускала въ море синее.
Рыбой Вольга ся обёртывалъ,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплылъ глубокиѣ,
Распугалъ всю рыбу красную,
Загонялъ рыбу во часты сѣти.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговорить Вольга Буслаевичъ:
„Вы, дружина моя храбрая,
„Тридцать братьевъ безъ единого,
„Самъ Вольга я во тридцатыхъ,
„Брата большаго вы слушайте,
„Повелѣно дѣло дѣлайте: —
„Вейте шёлковы веревочки,
„Разстанавливайте по лѣсу,
„На звѣриныхъ-ли на тропочкахъ.“
Тутъ Вольгу дружина слушалась —

Вила шёлковы верёвочки,
Разстанавливала по лѣсу.
Звѣремъ Вольга ся обёртывалъ
Сърымъ волкомъ голенастымъ.
Поскакалъ въ лѣса дремучіе,
Во глухи ломы, во чащицы,
Распугалъ онъ звѣря куннаго,
Загонялъ звѣря во петельки.
Какъ и сталъ Вольга съ дружиною,
На крутомъ яру у Кіева,
Взговорить Вольга Буслаевичъ:
Половили мы всю рыбушку.
„Изъ синя моря глубокаго,
„Половили звѣря куннаго
„Изъ темныхъ лѣсовъ дремучихъ;
„А и будетъ-ли тотъ молодець,
„Чтобъ сходилъ въ царство Турецкое
„Ко Царю Салтанъ-Бекетычу,
„Свѣдать думу его Царскую.“
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большой да за середняго,
А середній что замѣншаго,
А отвѣта нѣтъ отъ меньшаго.
Говорить Вольга Буслаевичъ:
„Вольгѣ будетъ самому идти.“
Птицей Вольга ся обёртывалъ,
Высоко взвился подъ небесью:
Прилеталъ въ царство Турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ Царь Салтанъ Бекетовичъ,
Со Царицею Давыдьевой, —
Разговоры разговарива(е)тъ;
Говорить Салтанъ Бекетовичъ:
„Ты жена моя возлюбленна,
„Молода-ли свѣтъ Давыдьевна,
„Воевать, хочу святую Русь,
„Хочу взять я славный Кіевъ-градъ,
„Подарить хочу по городу
„Девяти сынамъ, по русскому;

„Да привезть хочу я шубоньку
„Дорогую, соболиную“.
Взговорить ему Давыдьевна:
— „Гой ты, Царь Салтанъ Бекетовичъ,
„Ты напрасно снаряжаешься
„Воевать на землю русскую;
„Али ты того не вѣдаешь —
„На Руси всё не по старому,
„Освѣтило красно солнышко
„Славну землю Святорусскую:
„Народился удалъ-молодецъ
„Богатырь Вольга Буслаевичъ;
„Онъ теперь, Вольга Буслаевичъ,
„На окнѣ сидитъ и слушаетъ
„Наши рѣчи съ тобой тайныя.
„Не возмѣшь ты славный Кіевъ-градъ,
„Не подарить ты по городу
„Девяти сынамъ по русскому,
„А пропасть твоей головушкѣ
„Отъ того Вольги Бусла(е)вича“.
Тѣмъ словамъ Салтанъ не вѣровалъ,
На Царицу Царь прогнѣвался —
По лицу ударилъ бѣлому,
Прогонялъ онъ съ глазъ Давыдьевну.
Догодался Вольгъ Буслаевичъ,
Горностаемъ ся обѣртывалъ,
Въ погреба бѣжалъ глубокіе. —
Онъ тетивочки шелковыя
На лукахъ тугихъ накусывалъ,
Съ каленыхъ-отъ стрѣлъ желѣзочки
Онъ повинималъ—закапывалъ,
Оборачивался птицею,
Прилеталъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружинишку,
Подходилъ къ Царству Турецкому.
Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою,
Во стѣнѣ ворота крѣпкія.
По булату золоченыя, —

А засовы — крюки мѣдныя,
Поворотня — дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана;
По мудрѣнымъ мелкимъ вырѣзамъ
Въ пору-ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:
„Какъ пройти намъ стѣны каменны,
„Погубить-ли добрымъ молодцамъ
„Намъ головушки напрасныя?“
Догадался Вольгъ Буслаевичъ:
Мурашомъ себя обѣртывалъ,
Добрыхъ молодцевъ мурашками, —
Пролѣзалъ съ своею дружиною
Въ подворотню зуба рыбаго;
За стѣной Вольга Буслаевичъ
Оборачивалъ мурашиковъ —
Молодцами съ сбруей ратною,
Взговорить-ли Вольгъ Буслаевичъ:
„Вы большаго брата слушайте
„Повелѣно дѣло дѣлайте:
„Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
„Вырубайте старъ и малаго,
„Изведете всѣхъ до кореня;
„Оставляйте только лучшихъ
„Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.“
Тутъ Вольгу дружина слушалась —
Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
Вырубала старъ и малаго.
Изводила всѣхъ до кореня,
Не оставила на сѣмена;
Оставляла только лучшихъ
Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.
Самъ Вольга Царя отыскивалъ,
Во палатахъ его каменныхъ —
Двери заперты желѣзныя,
Во дверяхъ засовы крѣпкіе.
Взговорить ли Вольгъ Буслаевичъ:
„Хоть нога сломать, а выставить!
Пнулъ ногой двери желѣзныя,

Поломалъ засовы крѣпкіе; — ивова А
 Царя славнаго Турецкаго — вяторопоП
 Бралъ Вольга Буслаевичъ; ии жиньяМ
 „А не бьютъ Царей, ни казнятъ васъ“ —
 Царя хлопнулъ о кирпичатъ полъ,
 И расшибъ Салтана въ дребезги.
 Тутъ дружину свою храбрую
 Вольга поровну одѣливалъ
 Табуновъ коней по тысячѣ,
 По бочѣнку красна золота,
 Да по дѣвушкѣ на мѣлодца.

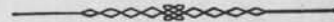
ЧЕТВЕРТАЯ

РУССКАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

Графа Д. Н. Толстаго.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ.

МОСКВА.

Типографія Т. Ригъ, на Старой Басманной, домъ Марсена.
1881.

РУССКАЯ КНИГА ДЕТЯМ

Дозволено цензурою. Москва, 12 Августа 1881 года.

№ 239.

Летопись М. Д. Фролова

ИЗДАНИЕ СЕРЬЕЗНОЕ

МОСКВА

1881

ОГЛАВЛЕНИЕ IV-й КНИГИ.

	Стран.
Барь и рубашка	5
Бамышь и масляна	—
Болкъ и мужикъ	6
Ва товарица	8
Брыжокъ	—
Бубъ и орѣшникъ	10
Бредный воздухъ	11
Болкъ и ягненокъ	13
Бѣлый вѣсь	14
Бевъ, волкъ и лисица	15
Барское новое платье	—
Бисей хвостъ	16
Белковичный червь	17
Барь и слоны	20
Бхота пуще неволи	21
Басѣдка и цыплята	28
Базы I.	29
Базы II.	30
Бевъ, осель и лисица	31
Бтарый тополь	32
Беремуха	—
Бкакъ ходять деревья	33
Бергачъ и его самка	34
Бкакъ дѣлають воздушные шары	35

Разсказъ аэронавта	36
Корова и козелъ	38
Воронъ и воронята	39
Солнце — тепло	40
Отчего зло на свѣтѣ	42
Галванизмъ	44
Мужикъ и водной	46
Воронъ и лисица	47
Кавказскій плѣнникъ	48
Мибулушка Селяниновичъ (былина)	73

Царь и рубашка. (Сказка.)

Одинъ Царь былъ боленъ и сказалъ: „половину царства отдамъ тому, кто меня вылѣчитъ“. Тогда собрались всѣ мудрецы и стали судить, какъ Царя вылѣчить. Никто не зналъ. Одинъ только мудрецъ сказалъ, что Царя можно вылѣчить. Онъ сказалъ: если найти счастливаго человѣка, снять съ него рубашку и надѣть на Царя, — Царь выздоровѣетъ. Царь и послалъ искать по своему царству счастливаго человѣка; но послы Царя долго ѣздили по всему царству и не могли найти счастливаго человѣка. Не было ни одного такого, чтобы всѣмъ былъ доволенъ. Кто богатъ, да хвораеть; кто здоровъ, да бѣденъ; кто и здоровъ и богатъ, да жена не хороша; а у кого дѣти не хороши — всѣ на что-нибудь да жалуется. Одинъ разъ идетъ поздно вечеромъ царскій сынъ мимо избушки, и слышно ему — кто-то говорить: „вотъ, слава Богу, наработался, наѣлся и спать лягу; чего мнѣ еще нужно?“ Царскій сынъ обрадовался, велѣлъ снять съ этого человѣка рубашку, а ему дать за это денегъ, сколько онъ захочетъ, а рубашку отнести къ Царю. Посланные пришли къ счастливому человѣку и хотѣли съ него снять рубашку; но счастливый былъ такъ бѣденъ, что на немъ не было рубашки.

Камышъ и маслина. (Басня.)

Маслина и камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышомъ за то, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря: камышъ шатался, мотался, до земли сгибался — уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра — и сломилась. —

Волкъ и мужикъ. (Сказка.)

Гнались за волкомъ охотники. И набѣжалъ волкъ на мужика. Мужикъ шелъ съ гумна и несъ цѣпь и мѣшокъ. Волкъ и говоритъ: „мужикъ, спрячь меня, — меня охотники гоняютъ. Мужикъ пожалѣлъ волка, спряталъ его въ мѣшокъ и взвалилъ на плечи. Наѣзжаютъ охотники и спрашиваютъ мужика, видалъ ли волка?

— „Нѣтъ, не видалъ“.

Охотники уѣхали. Волкъ выскочилъ изъ мѣшка и бросился на мужика, хочетъ его съѣсть. Мужикъ и говоритъ:

— „Ахъ волкъ, нѣтъ въ тебѣ совѣсти; я тебя спасъ, а ты меня съѣсть хочешь“. А волкъ говоритъ:

— „Старая хлѣбъ соль не помнится“.

— „Нѣтъ, старая хлѣбъ-соль помнится; хотъ у кого хочешь спроси, — всякій скажетъ, что помнится“. Волкъ и говоритъ:

— „Давай, пойдемъ вмѣстѣ по дорогѣ. Кого перваго встрѣтимъ, спросимъ: забывается ли старая хлѣбъ-соль, или помнится? Если скажутъ: помнится, — я пушу тебя, а скажутъ забывается, — съѣмъ“. Пошли они по дорогѣ, и повстрѣчались имъ старая, слѣпая кобыла. Мужикъ и спрашиваетъ: „скажи кобыла, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?“

Кобыла и говоритъ:

— „Да вотъ какъ: жила я у хозяина 12-ть лѣтъ, принесла ему 12 жеребятъ, и все то время пахала да возила, а пролымъ годомъ ослѣпла и все работала на рушалкѣ; а вотъ медни стало мнѣ не въ силу кружиться, я и упала на колени. Меня били, били, стащили за хвостъ подъ кручь и бросили. Очнулась я, насили выдралась, и куда иду — сама не знаю“.

Волкъ говоритъ:

— „Мужикъ, видишь, — старая хлѣбъ-соль не помнится“.

Мужикъ говоритъ:

— „Погоди, еще спросимъ“.

Пошли дальше. Встрѣчается имъ старая собака. Ползетъ, задъ волочетъ.

Мужикъ говоритъ:

— „Ну, скажи, собака, забывается ли старая хлѣбъ-соль, или помнится?“

— „А вотъ какъ: жила я у хозяина 15 лѣтъ, его домъ стерегла, лаяла и бросалась кусаться; а вотъ состарѣлась, зубъ не стало, — меня со двора прогнали, да еще задъ оглоблю отбили. Вотъ и волочусь, сама не знаю куда, подальше отъ стараго хозяина“.

Волкъ говоритъ:

— „Слышишь, что говорить“.

А мужикъ говоритъ:

— „Погоди еще до третьей встрѣчи“.

И встрѣчается имъ лисица. Мужикъ говоритъ: „скажи лисица, что помнится старая хлѣбъ-соль, или забывается?“

А лисица говоритъ:

— „Тебѣ зачѣмъ знать?“

А мужикъ говоритъ:

— „Да вотъ бѣжалъ волкъ отъ охотниковъ, сталъ меня просить, — я и спряталъ его въ мѣшокъ; а теперь онъ меня съѣсть хочетъ“.

Лисица и говоритъ:

— „Да развѣ можно большому волку въ такой мѣшокъ уместиться? Кабы я видѣла, я бы васъ разсудила“.

Мужикъ говоритъ:

— „Весь помѣстится, хотъ у него сама спроси“.

И волкъ сказалъ: правда.

Тогда лисица говоритъ:

— „Не повѣрю, пока не увижу. Покажи, какъ ты лазилъ“.

Тогда волкъ всунулъ голову въ мѣшокъ и говоритъ: „вотъ какъ“.

Лисица говоритъ:

— Ты весь влѣзь, а то я такъ не вижу.

Волкъ и влѣзь въ мѣшокъ. Лисица и говоритъ мужику „теперь завяжи“. Мужикъ завязалъ мѣшокъ. Лисица и говоритъ:

— „Ну теперь покажи, мужикъ, какъ ты на току хлѣбъ молотишь“. Мужикъ обрадовался и сталъ бить цѣпомъ по волку.

А потомъ говоритъ: „А посмотри лисица, какъ на току хлѣбъ отварачиваютъ“,—и ударилъ лисицу по головѣ и убилъ. А самъ говоритъ: „старая хлѣбъ-соль не помнится!“

Два товарища. (Басня.)

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, влѣзь на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ.—Дѣлать ему было нечего—онъ упалъ на землю и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему, лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и смѣется: „ну что“ говоритъ, „медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?“

„А онъ сказалъ мнѣ, что — плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ“.

Прыжокъ. (Быль.)

Одинъ корабль обошелъ вокругъ свѣта и возвращался домой. Была тихая погода, весь народъ былъ на палубѣ. Посреди народа вертѣлась большая обезьяна и забавляла всѣхъ. Обезьяна эта карчилась, прыгала, дѣлала смѣшныя рожи, передразнивала людей, и видно было—она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула къ 12-ти-лѣтнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала съ его головы шляпу, надѣла и живо взобралась на мачту. Всѣ засмѣялись, а мальчикъ остался безъ шляпы и самъ не зналъ, смѣяться ли ему, или сердиться.

Обезьяна сѣла на первой перекладинѣ мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать её. Она какъ будто дразнила мальчика, показывала на него и дѣлала ему рожи. Мальчикъ погрозилъ ей и крикнулъ на неё, но она еще злѣе рвала шляпу. Матросы громче стали смѣяться а мальчикъ покраснѣлъ, скинулъ куртку и бросился за обезьяной на мачту. Въ одну минуту онъ взобрался по веревкѣ на первую перекладину; но обезьяна еще ловчѣе и быстрѣе его, въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ схватить шляпу, взобралась еще выше.

— Такъ не уйдешь же ты отъ меня!—закричалъ мальчикъ и полѣзъ выше. Обезьяна опять подманила его полѣзла еще выше, но мальчика уже разобралъ задоръ и онъ не отставалъ. Такъ обезьяна и мальчикъ въ одну минуту добрались до самого верха. На самомъ верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацѣпившись задней рукой¹⁾ за веревку, повѣсила шляпу на край послѣдней перекладки, а сама взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. Отъ мачты до конца перекладки, гдѣ висѣла шляпа, было аршина два, такъ что достать её нельзя было иначе, какъ выпустить изъ рукъ веревку и мачту.

Но мальчикъ очень раззодорился. Онъ бросилъ мачту и ступилъ на перекладину. На палубѣ всѣ смотрѣли и смѣялись тому, что выдѣлывали обезьяна и капитанскій сынъ; но какъ увидели, что онъ пустилъ веревку и ступилъ на перекладину покачивая руками,— всѣ замерли отъ страха.

Стоило ему только оступить—и онъ бы въ дребезги разбился объ палубу. Да еслибъ даже онъ и не остутился, а дошелъ до края перекладки и взялъ шляпу, то трудно было ему повернуться и дойти назадъ до мачты. Всѣ молча смотрѣли на него и ждали, что будетъ.

¹⁾ У обезьянъ 4 руки.

Вдругъ въ народѣ кто-то ахнулъ отъ страха. Мальчикъ отъ этого крика опомнился, глянулъ внизъ и запатался.

Въ это время капитанъ корабля, отецъ мальчика, вышелъ изъ каюты. Онъ несъ ружье, чтобы стрѣлять чаекъ²⁾. Онъ увидалъ сына на мачтѣ, и тотчасъ же прицѣлился въ сына и закричалъ: „Въ воду! прыгай сейчасъ въ воду! застрѣлю!“ Мальчикъ шатался, но не понималъ. „Прыгай, или застрѣлю!... Разъ, два“... и какъ только отецъ крикнулъ: „три!“ — мальчикъ размахнулся головой внизъ и прыгнулъ.

Точно пушечное ядро шлепнуло тѣло мальчика въ море и не успѣли волны закрыть его, какъ уже 20 молодыхъ матросовъ прыгнули съ корабля въ море. Секундъ черезъ 40 — онѣ долги показались всѣмъ — вынырнуло тѣло мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Черезъ нѣсколько минутъ у него изо рта и изъ носа полилась вода, и онъ сталъ дышать.

Когда капитанъ увидалъ это, онъ вдругъ закричалъ, какъ будто его что-то душило, и убѣжалъ къ себѣ въ каюту, чтобы никто не видалъ, какъ онъ плачетъ.

Т

× Дубъ и орѣшникъ. (Басня.)

Старый дубъ уронилъ съ себя жолудь подъ кустъ орѣшника. Орѣшникъ сказалъ дубу: „Развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты-бы ронялъ свои жолуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю на земь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ“.

„Я живу 200 лѣтъ“, сказалъ на это дубъ, „и дубокъ изъ этого жолудя проживетъ столько же“.

Тогда орѣшникъ разсердился и сказалъ: такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ и трехъ дней“. Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ жолудя.

Жолудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

²⁾ Морскія птицы.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся кверху и сталъ сильнѣе въ тѣни орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ жолудя поднялся до неба и раскинулъ шатерь на все стороны.

В

✓ Вредный воздухъ. (Быль.)

Въ селѣ Никольскомъ, въ праздникъ, народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодезь былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья сорвалась, ударилась объ стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говорить старостѣ:

— „Александръ! слазяй, батюшка, въ колодезь, — я бадью упустила“. Александръ сказалъ:

— „Ты упустила, ты и доставай“. Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ, — только, чтобы онъ спускалъ еѣ.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— „Ну пойдемъ. Ты теперь на тощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержатъ“.

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодезь, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодецъ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: „Еще что-ли?“ Скотница кричала оттуда „еще немного!“

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодезь и увидѣлъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодезь.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, съ старостой сдѣлалось тоже самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца и всякій кричалъ свое, — но никто не зналъ, что дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодезь, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: „тащи его назадъ!“ — и Ивана вытащили.

Онъ какъ мертвый висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Липо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый; но онъ вдругъ тяжелодохнулъ, сталъ перхаться и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодезь дурной воздухъ, и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодезь баграми, и старались вытаскивать мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали разсматривать колодезь, то узнали, что точно, — внизу колодца былъ дурной воздухъ. ✓

Дурной воздухъ. (Разсужденіе.)

Дурной воздухъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человекъ и никакое животное жить не можетъ.

Бываютъ мѣста подъ землей гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы, и прежде чѣмъ человекъ идти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если лампа тухнетъ, то человекъ нельзя идти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть. Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стоитъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше хорошій воздухъ. Человекъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего не сдѣлается; а собака — какъ войдетъ такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? Онъ дѣлается изъ того самаго хорошаго воздуха, какимъ мы дышемъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодезь, — и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ, на войнѣ, индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ, ихъ заперли въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться, — и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не проходило, — сдѣлался дурной воздухъ, похожій на тотъ, что былъ въ колодезь, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберутся много людей? Оттого, что люди, когда дышатъ, то забираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

✦ Волкъ и ягненокъ. (Басня.)

Волкъ увидаль, — ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось волку съѣсть ягненка, и сталъ онъ къ нему придирается. „Ты“, говоритъ „мнѣ воду мутишь и пить не даешь“.

Ягненокъ говоритъ: „Ахъ, волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ“.

пью.“ А волкъ говоритъ: „Ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣтомъ моего отца ругалъ?“ Ягненокъ говоритъ: „Да я, волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ“. Волкъ разсердился и говоритъ: „Тебя не переговоришь. Такъ я на тощакъ за то и съѣмъ тебя“.

✕ Удѣльный вѣсъ. (Исторія.)

Греческій царь Геронъ Сиракузскій заказалъ своему золотыхъ дѣлъ мастеру Димитрію золотую корону для идола Юпитера и далъ 12 фунтовъ золота. Димитрій сдѣлалъ корону, и когда царь ее свѣсилъ, то въ коронѣ было ровно 12 фунтовъ. Только царь прослышалъ, что Димитрій укралъ много золота и въ корону подмѣсилъ серебра. Царю хотѣлось доискаться, много ли подмѣшано серебра въ коронѣ, и онъ велѣлъ ее перетопить, чтобы видѣть середину. Былъ одинъ умный и ученый человекъ, родной царю, Архимедъ. Онъ сказалъ царю: „не вели ломать корону, чтобы даромъ не пропала работа; а я, не ломаючи корону; узнаю, сколько въ ней серебра и сколько золота. Царь согласился съ Архимедомъ, и Архимедъ сдѣлалъ такъ:

Онъ взялъ фунтъ золота и фунтъ серебра, и свѣсилъ ихъ просто на вѣсахъ; а потомъ свѣсилъ ихъ въ водѣ. Фунтъ золота въ водѣ потянулъ на одну гирьку меньше, чѣмъ прежде, а фунтъ серебра на двѣ гирьки меньше.

Потомъ Архимедъ всю корону свѣсилъ въ водѣ, позвалъ царя и сказалъ: „Съ фунта чистаго золота, если вѣсить въ водѣ, — остается гирька; а если вѣсить серебро въ водѣ, — остаются двѣ гирьки съ фунта; стало быть, если корона вся изъ чистаго золота и въ ней 12 фунтовъ, то въ двѣнадцати фунтахъ надо снять съ вѣсовъ 12 гирекъ. Вотъ смотри“. Онъ положилъ на вѣсы 11 фунтовъ и сталъ вѣшать корону въ водѣ. Корона не потянула двѣнадцати фунтовъ безъ 12 гирекъ, а меньше. Сняли еще гирекъ, — Архимедъ и говоритъ: „Вотъ сколько тутъ снято лишнихъ гирекъ, на столько Димитрій и обманулъ тебя“. Такъ Архимедъ вѣрно узналъ, сколько было серебра подмѣшано въ корону.

✕ Левъ, волкъ и лисица. (Басня.)

Старый, больной левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри провождать царя, только лисица не бывала. Вотъ волкъ обрадовался случаю и сталъ передъ львомъ оговаривать лисицу.

— Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ, ни разу не зашла царя провождать.

На эти слова и прибѣги лисица. Она услышала, что волкъ говоритъ, и думаетъ: „погоди-жъ, волкъ, я тебѣ вымещу“.

Вотъ левъ зарычалъ на лисицу, а она говоритъ:— „Не вели казнить, вели слово вымолвить. Я отъ того не бывала, что не досугъ было. А не досугъ было отъ того, что по всему свѣту бѣгала, у лѣкарей для тебя лѣкарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибѣжала“.

Левъ и говоритъ:

— Какое лѣкарство?

А вотъ какое: если живаго волка обдерешь, да шкуру его тепленькую надѣнешь...

Какъ растянулъ левъ, волка, лисица засмѣялась и говоритъ:

— Такъ-то братъ; господь не на зло, а на добро наводитъ надо.

✕ Царское новое платье. (Сказка.)

Одинъ Царь былъ охотникъ до хорошихъ платьевъ. Онъ ни объ чемъ больше не думалъ, только какъ бы ему получше нарядиться. Пришли къ нему одинъ разъ два портные мастера и говорятъ: „мы можемъ сшить такое нарядное платье, какое еще никогда ни у кого не было. Только если кто глупъ, — чер своей должности не годится, тотъ платья нашего не ползти за видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупъ и бума- видѣть. Кто уменъ, тотъ будетъ видѣть, а кто глупомъ, на рядомъ будетъ стоять и не будетъ видѣть платья и ложилъ бу- ты“. Царь обрадовался портнымъ и велѣлъ сши, всѣ взоб- платье. Портнымъ отвели во дворцѣ горницу и д хату, шелку, золота, — всего что нужно было для

прошла недѣля, Царь послалъ своего министра узнать, готово ли новое платье. Министръ пришелъ и спросилъ; портные сказали, что готово и показали министру пустое мѣсто. Министръ зналъ что если кто глупъ и къ своей должности не годится, то тотъ не можетъ видѣть платья, и онъ притворился, что видитъ платье и похвалилъ. Царь велѣлъ себѣ принести платье. Ему принесли и показали пустое мѣсто: Царь тоже притворился, что онъ видитъ новое платье, снялъ свое старое платье и велѣлъ надѣть на себя новое. Когда Царь пошелъ въ новомъ платьѣ гулять по городу,—всѣ видѣли, что на Царѣ нѣтъ никакого платья; но всѣ боялись сказать, что они не видятъ, платья, потому что слышали, что только глупый не можетъ видѣть новаго платья. И каждый думалъ только про себя, что онъ не видитъ, а думалъ, что другіе всѣ видятъ. Такъ Царь гулялъ по городу, и всѣ хвалили новое платье. Вдругъ одинъ дурачекъ увидалъ Царя и закричалъ: „смотрите: Царь по улицамъ ходитъ раздѣвшись!“ И Царю стало стыдно, что онъ не одѣтъ, и увидали, что на Царѣ ничего не было.

Х Лисій хвостъ. (Басня.)

Человѣкъ поймалъ лисицу, и спросилъ ее: „кто научилъ лисицу обманывать хвостомъ собакъ?“ Лисица спросила: „Какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ что есть силы“. Человѣкъ сказалъ: „Нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить,—вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ,—а вы тогда бѣжите въ противную сторону“. Лисица засмѣялась и сказала: „мы дѣлаемъ это не для того чтобы обманывать собакъ; а дѣлаемъ изъ чистагого, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ фунтахъ надѣ видимъ, что не можемъ уйти прямо,—мы поворачиваемъ на сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ Корона не прону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую,—меньше. Снявши это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу поскользнуться тутъ сѣто не наша выдумка; это придумалъ самъ Богъ обмануль тебя“. гда онъ сотворилъ насъ,—для того, чтобы серебра подмѣша переловить всѣхъ лисицъ“.

Шелковичный червь. (Разсказъ.)

У меня были старыя тутовья деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелковичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмяна эти—темносѣрыя, и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ.

Сѣмячки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовикѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ по просторнѣ. Большая часть сѣмячекъ были уже не темносѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтлосѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они видно почувствовали въ своихъ скорлупкахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно было ихъ разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ, и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто, такъ, какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги, протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья, и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ взошлись на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и все пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги, все червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырчатой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изъ рта выпускаетъ паутину и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится, и если хочетъ спуститься — спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется на задъ по своей паутинкѣ.

Цѣлые сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подовать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ 10 разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на 5-й день точно — одинъ старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другіе сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что вырастаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ, и они надѣваютъ новую.

Мы караулили по переменкамъ съ моимъ товарищемъ. Вечеру товарищъ закричалъ: „раздѣваться началъ, идите!“ Я пришелъ и увидаль, что точно, — этотъ червякъ прицѣпился старой шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову, и тужится извивается — какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ но тотчасъ же увидаль, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у

червяка подъ кожей есть жидкій сокъ — для того, чтобы по-смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я вѣрно разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они все также выбирались изъ своихъ рубашекъ; а только нѣкоторые пропадали, а все почти, хотя и долго мучились, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они были уже ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней — опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ, и стали уже очень велики и толсты, и мы едва успѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать.

Старшіе влѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползали и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во все стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое, и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ. Чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной; онъ весь обмотался шелкомъ, и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть сколько разъ надо мотнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы выпустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется

вокругъ себя въ эти три дня 300,000 разъ. Значить онъ не переставая дѣлаетъ каждую секунду по обороту. За то уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломил ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми, восковыми мертвецами внутри—должны выйти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день, я зналъ, что должна быть переменна. Ничего не было видно, и я уже думалъ—что нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ—на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но подумалъ: не такъ ли начинается?—и сталъ смотрѣть, что будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста, что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая,—и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ—мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ,—задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5,000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

† Царь и слоны. (Басня.)

Одинъ индѣйскій Царь велѣлъ собрать всѣхъ слѣпыхъ, и когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ слоновъ. Слепые пошли въ конюшню и стали щупать слоновъ. Одинъ

ощупалъ — ногу, другой — хвостъ, третій — рѣпицу*), четвертый — брюхо, пятый — спину, шестой — уши, седьмой — клыки, осьмой — хоботъ. Потомъ Царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: каковы мои слоны? Одинъ слѣпой сказалъ: слоны твои похожи на столбы; этотъ щупалъ ноги. Другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣнники; этотъ щупалъ хвостъ. Третій сказалъ: они похожи на сучья; этотъ щупалъ рѣпицу. Тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: слоны похожи на кучу земли; тотъ, что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на гору; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ, что похожи на толстую веревку.

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

† Охота пуще неволи. (Разсказъ охотника.)

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: идти ли теперь отыскивать этого медвѣдя, или подождать дня три, пока медвѣдь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиковъ медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ медвѣжатникъ говоритъ: „нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней черезъ пять обойти можно, а теперь за нимъ ходить — только напугаешь, онъ и не ляжетъ“.

А молодой мужикъ медвѣжатникъ спорилъ съ старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно. „По этому снѣгу“, говоритъ, „медвѣдь далеко не уйдетъ, — медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню“.

*) Рѣпица — та часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо.

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовать подождать.

Я и говорю: „Да что спорить. Вы дѣлайте какъ хотите, а я пойду съ Демьяномъ по слѣду. Обойдемъ — хорошо, не обойдемъ — все равно дѣлать нынче нечего, а еще не поздно“.

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокой и праховый. Осадки снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалика былъ видѣнъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ; а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Демьянъ остановился. „Надо“, говоритъ, „бросать слѣдъ. Должно быть здѣсь ляжетъ. Присаживаться сталъ — на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ. Только тише идти надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь“.

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пять сотъ, глядимъ — слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу. Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ — какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно, что пошелъ онъ къ деревнѣ.

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: „Теперь смотреть нечего на дорогу; гдѣ сойдегъ съ дороги вправо или влѣво — видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь своротить, не пойдетъ же въ деревню“.

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ впереди, — слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли — что за чудо! Слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: паль-

цами къ дорогѣ. Я говорю: „это другой медвѣдь“. Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. „Нѣтъ“, говоритъ, „это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ“. Пошли мы по слѣду — такъ и есть. Видно медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ. „Теперь вѣрно обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ“.

Пошли мы въ обходъ, по частому ельнику. Я ужъ уморился, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловой наѣдешь, зацѣпишь; то промежъ ногъ елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ ужъ я уставать. Снялъ я шубу и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ — какъ на лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Не зацѣпитъ нигдѣ, не свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ, и все меня понукиваетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже уставать сталъ, — лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впереди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ, — Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: „Видишь, сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издали его духъ слышитъ. Это онъ“.

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ срединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и растерялся весь: жарко мнѣ какъ въ банѣ, и весь какъ мышъ мокрый. И Демьянъ покраснѣлся, рукавомъ утирается. „Ну“, говоритъ, „баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо“.

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы; ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. „Да верстъ 12-ть будетъ. Дойдемъ ночью; а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка, шубу, баринъ, а то остудишься“.

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обиль снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы

подложили. И самъ не помню я, какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣпко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я—что за чудо? Гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надомной, и столбы бѣлыя, и на всемъ блестя блестя. Глянулъ вверхъ—разводы бѣлыя, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненный, и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу, и что это деревья въ снѣгу и въ иней мнѣ за палаты показались, а огни—это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ; и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздается. Одинъ разъ только—живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло,—увидали слѣды заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громяхаютъ, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо какъ пушокъ липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно на встрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся потухнуть,—точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ,—я разбудилъ его. Мы рассказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру собрать загонщиковъ мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю: товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— „А гдѣ Демьянъ?“ — „Онъ уже давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ, а теперь повелъ загонщиковъ заводить“. Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣлъ въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнца не видать было; туманъ стоялъ наверху и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу. Видимъ—въ низочкѣ дымокъ синѣетъ и народъ стоитъ,—мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ картошки жарятъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, 30-ть человекъ—только по поясъ ихъ видно,—зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; за то падать некуда,—какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсты; смотримъ—ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжить на лыжахъ, машетъ рукой, чтобъ къ нему шли.

Подошли мы къ нему, показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

На лѣво отъ меня высокой ельникъ; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернѣется мнѣ мужикъ загонщикъ. Противъ меня частый, молодой ельникъ въ ростъ человекъ. И на ельникъ сучья повисли и слиплись отъ снѣга. Въ срединѣ ельника дорожка засыпанная снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. На право отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня въ трехъ шагахъ большая сосна. „Дай стану у сосны, и ружье другое къ ней прислоню“. Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое съ взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу—кричитъ въ лѣсу Демьянъ: „Пошелъ! въ ходъ пошелъ! пошелъ!“ И какъ закричалъ Демьянъ, на кругу закричали мужики разными голосами: „Пошелъ! Уууу!...“ кричали мужики. „Ай! Иихъ!“ кричали бабы тонкими голосами.

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли, молчали и не шевелились, ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучить. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочить, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ.... Вдругъ на лѣво слышу я — въ снѣгу обваливается что-то; только далеко. Глянулъ я на высокій ельникъ: шаговъ на 50, за деревьями, стоитъ что-то черное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю — шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Съ боку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище! Нацѣлился я съ горяча. Хлопъ! — слышу: шлепнулась объ дерево моя пуля. Смотрю изъ-за дыма, — медвѣдь мой назадъ катить въ обкладъ и скрылся за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло, теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а уже не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричатъ мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу — не путемъ кричить какая-то баба: „Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой, Ой! Ай, ай, ай!“

Видно — на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя, и гляжу на право, на товарища. Смотрю — Демьянъ съ палочкой безъ лыжъ по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу, присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу — товарищъ вскинулъ ружье, цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ! — выпалилъ. „Ну“, думаю, убилъ“. Только смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. „Видно промахъ, или плохо попалъ, — уйдетъ“, думаю, „теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ уже не выскочить!“ Что такое? Впереди себя слышу вдругъ — какъ вихорь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ, и пытитъ. Поглядѣлъ я передъ собой: а онъ прямехонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катить стремглавъ, и видно — со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти весь мнѣ виднѣнъ, — грудь черная, и голова огромная съ рыжинкой. Летитъ прямехонько на меня лбомъ и сыплется снѣгъ во всѣ стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катить благимъ матомъ куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, вы-

стрѣлилъ, — а уже онъ еще ближе. Вижу — не попалъ, пулю пронесло; а онъ и не слышитъ, катить на меня и все не видить. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него въ голову. Хлопъ, — вижу попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, ослабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою, ужъ онъ налетѣлъ на меня, сбиль съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ. Ну, думаю, хорошо, что онъ бросилъ меня. Сталь я подыматься, слышу — давить меня что-то, не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всей грудью. Слышу я — лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ, и слышу — забираетъ онъ въ пасть все лицо мое. Носъ мой ужъ у него во рту, и чую я — жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди изъ пасти, носъ и глаза выворачиваю. А онъ наровить какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу — зацѣпилъ онъ зубами верхней челюстью въ лобъ подъ волосами, а нижней челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ — жамкнетъ-жамкнетъ. Я вывернусь, — онъ опять забираетъ. Ну, думаю, — конецъ мой пришелъ. Слышу вдругъ полегчило на мнѣ. Смотрю — нѣту его, соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбиль меня въ снѣгъ и грызетъ, они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть да ошибся; вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптанной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ какъ былъ безъ ружья, съ одной хворостиной, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ: „Барина заѣлъ! Барина заѣлъ!“ Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: „Ахъ ты баломутный! Что дѣлаешь! Брось! Брось!“

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо; а сторача больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотреть мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я и забылъ про рану, спрашиваю: „гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?“ Вдругъ слышимъ: „вотъ онъ! вотъ онъ!“ Видимъ — медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить — ужь онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ — хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ что народу много, испугался. По слѣду мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли идти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ, къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная, черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучелу, и она лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

Насѣдка и цыплята. (Басня.)

Насѣдка вывела цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: „Полѣзайте опять въ скорлупу: когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ. Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помаяли себѣ крылья. Тогда одинъ цыпленокъ сказалъ матери:

„Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты-бы лучше и не выводила насъ“.

Газы. (Разсужденіе.)

Воздухъ бываетъ разный, хоть онъ всегда свѣтлый и невидный.

Вода расходуется въ воздухѣ, дѣлается летучею; и когда много воды въ воздухѣ, онъ бываетъ сырой, когда мало — сухой.

Когда въ закрытомъ мѣстѣ надышутъ люди, воздухъ бываетъ дурной, нездоровый; а на открытыхъ мѣстахъ, или въ лѣсу, — воздухъ здоровый, хорошій. Это бываетъ отъ того, что въ закрытой комнатѣ къ обыкновенному воздуху прибавился тотъ дурной воздухъ, который выдыхаютъ изъ себя люди и все животныя.

Стало бытъ въ воздухѣ есть разныя части, и ихъ глазомъ нельзя отличить: все похоже на обыкновенный воздухъ. Эти разныя вещества, разныя газы, смѣшаны въ воздухѣ такъ, какъ вода съ уксусомъ или съ виномъ. Если въ воду налить водки, то вода и водка перемѣшаются такъ, что глазомъ не разберешь, есть ли въ водѣ водка, или нѣтъ, — и много ли ея, или мало. Но понюхать — и можно разобрать; такъ и въ воздухѣ бываетъ разная смѣсь, и глазами ничего нельзя видѣть, а можно только почувствовать, когда долго подышешь. Въ хорошемъ воздухѣ дышать приятно и здорово, въ дурномъ тяжело и иногда вредно.

Для дыханія нужнѣе всѣхъ частей воздуха одна, называемая *кислородомъ*. Если собрать этотъ газъ отдѣльно и всунуть въ него курилку, то она сейчасъ загорится огнемъ. Стало бытъ отъ него дерево и всякая другая вещь горитъ сильнѣе. А если кислорода нѣтъ въ воздухѣ, и всунуть въ такой воздухъ курилку, она погаснетъ.

Отъ того воздухъ и нуженъ для горѣнія, что въ немъ есть кислородъ. Чтобы огонь разгорѣлся, на него дуютъ, машутъ; а если хочешь, чтобы загорѣвшаяся вещь погасла, — сдѣлай такъ, чтобы вокругъ нея не было воздуха; накрой ее, зажми со всѣхъ сторонъ, — и она погаснетъ.

Другая часть воздуха — *азотъ*. Въ немъ дышать нельзя и вещи не могутъ горѣть.

Третья часть воздуха — углекислый газъ, *углекислота*. Она тоже не годится ни для дыханія, ни для горѣнія. Этого газа мало въ воздухѣ, но онъ вездѣ есть. Когда же его наберется много, то онъ опускается и собирается внизу, потому что онъ тяжелѣе другихъ газовъ.

Четвертая часть воздуха — водяные пары, летучая вода,

Когда мы дышемъ, то кислородъ уходитъ въ наше тѣло, и въ томъ воздухѣ, который, мы выдыхаемъ, кислорода меньше, чѣмъ въ обыкновенномъ воздухѣ, а за то больше углекислоты. Вотъ отъ чего воздухъ становится дурнымъ отъ дыханія.

Деревья, травы и всѣ растенія тоже дышатъ, только они не втягиваютъ въ себя воздухъ, какъ мы втягиваемъ грудью, а вбираютъ его всѣми листочками и молодой корою. И изъ всѣхъ листочковъ тоже незамѣтно выдыхается воздухъ; и этотъ воздухъ тоже не такой, какъ обыкновенный: въ немъ меньше углекислоты и больше кислорода. Стало быть растеніямъ нужна углекислота, которая не нужна и вредна животнымъ. И вотъ отъ чего въ лѣсу воздухъ такой здоровый: тамъ и углекислоты меньше, и кислорода больше.

Газы. (Разсужденіе.)

2.

Если въ ведро съ водой набросать камней, пробокъ, соломы, дерева сухаго и сыраго, насыпать песку, глины, соли, налить туда же масла, водки, и все это взболтать и смѣшать, — и потомъ посмотреть, что будетъ дѣлаться, то увидишь, что камни, глина, песокъ пойдутъ на дно; сухое дерево, солома, пробки, масло всплывутъ кверху; соль и водка распустятся, такъ что ихъ не будетъ видно. Все это будетъ сначала кружиться, шевелиться, толкать другъ друга, а потомъ все найдетъ себѣ мѣсто и растановится: что тяжелѣе, то скорѣе пойдетъ книзу; что легче, то скорѣе пойдетъ на верхъ.

Точно также въ воздухѣ, надъ землею размѣщаются всѣ газы. Какіе тяжелѣе воздуха, тѣ садятся ниже; какіе легче, тѣ поднимаются выше; какіе могутъ распуститься тѣ расходятся, по всему воздуху.

Если бы газы не дѣлались новые, не смѣшивались бы съ другими, не перемѣнялись бы, то воздухъ бы стоялъ надъ землею и не шевелился бы, какъ вода въ ведрѣ, когда она устоится; но на землѣ безпрестанно дѣлаются новые газы, и тѣ, какіе есть, смѣшиваются съ другими веществами.

Каждый человекъ, каждое животное, когда дышетъ, то вытираетъ изъ воздуха кислородъ и въ самомъ себѣ смѣшиваетъ его съ веществами своего тѣла, а выпускаетъ уже другимъ газомъ. Всякое растеніе — трава, дерево, забираетъ въ себя углекислоту и выпускаетъ кислородъ. Вода въ одномъ мѣстѣ изъ жидкой дѣлается летучею, водянымъ газомъ, невидимымъ паромъ; въ другомъ мѣстѣ изъ летучей воды дѣлается жидкая. Отъ этого въ воздухѣ всегда ходятъ разные газы: какіе легче, тѣ идутъ вверхъ, какіе тяжелѣе — тѣ опускаются внизъ, — и ходятъ газы безпрестанно, какъ въ ведрѣ съ водою разные вещества. Но всего больше весь воздухъ шевелится и ходитъ отъ того, что — какъ онъ гдѣ нагрѣется, такъ поднимается кверху, — а какъ остынетъ, такъ идетъ книзу. Когда въ солнечный день солнце съ боку свѣтитъ въ окно, то въ лучахъ солнца видно, какъ кружатся и прыгаютъ кверху и книзу пылинки. Это кружится теплый и холодный воздухъ и носить съ собою легкія пылинки.

Х Левъ, оселъ и лисица. (Басня.)

Левъ, оселъ и лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и левъ велѣлъ ослу дѣлать. Оселъ раздѣлил по ровну на три части и говоритъ: „ну, теперь берите!“ Левъ разсердился, съѣлъ осла и велѣлъ лисицѣ передѣлать. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: „Ну, умница! Кто-жъ тебя научилъ такъ хорошо дѣлать?“

Она говоритъ: „А съ осломъ-то что было?“

★ Старый Тополь. (Разсказъ.)

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами, и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сучь и дичь и лишніе кусты и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья — тополь и черёмуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный въ два обхвата тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось, чтобы мѣсто было веселѣе — а главное, мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что я думалъ — все эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодыя топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землею ихъ сочныя коренья, какъ потомъ въ четверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда, было поздно, — я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло на оборотъ. Когда я рубилъ ихъ, старый тополь ужъ умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ то же лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить — и побилъ всѣхъ его дѣтей.

Черёмуха. (Разсказъ.)

Одна черёмуха выросла на дорожкѣ орѣшника и задушала лециновые кусты. Долго думалъ я — рубить или не рубить ее; мнѣ жаль было. Черёмуха эта росла не кустомъ, а деревомъ

вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вся развалистая, кудрявая, и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черёмуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, уже онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и клюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. „Нечего дѣлать, видно судьба“, — подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ, и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное, и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черёмухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые, душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время, точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и, какъ будто заплакало, — затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и покачиваясь легло сучьями и цвѣтами на траву. Подражали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

„Эхъ! штука-то важная!“ сказалъ мужикъ. „Живо жалко!“ А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

Какъ ходять деревья. (Разсказъ.)

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку. Много нарубили шиповника, лозины, тополя, — потомъ пришла черёмуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше 10 лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять — какъ могла тутъ вырасти такая старая черёмуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше въ другой чащѣ, росла другая такая же черёмуха, даже еще по-

толще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашель, что она росла подъ старой липой. Липа своими сучьями заглушила ее и черѣмуха протянулась аршинъ на пять прямыхъ стеблемъ по землѣ; а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ, и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гниль былъ корень. Когда я срубилъ ее, мы съ мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, — не могли ее сдвинуть: она какъ будто прилипла. Я сказалъ: „посмотри, не зацѣпили-ли гдѣ?“ Работникъ подлѣзь подъ нее и закричалъ: „Да у ней другой корень; вотъ на дорогѣ!“ Я подошелъ къ нему и увидаль, что это было правда.

Черѣмуха, чтобы ея не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новый былъ свѣжій. Она почуяла видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черѣмуха на дорогѣ. Она тоже вѣрно сдѣлала, — но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашель его.

Х Дергачъ и его самка. (Басня.)

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо и въ покосъ еще самка сидѣла на яйцахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотреть, что дѣлаютъ косцы. Когда онъ увидаль, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю, — онъ обрадовался, прилетѣлъ къ дергачихѣ и сказалъ: „не бойся мужиковъ; они пришли рѣзать змѣй; намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ“. А дергачиха сказала „мужики рѣжутъ, траву, а съ травой рѣжутъ все, что ни попадетъ: и змѣю, и дергачино гнѣздо, и дергачину голову. Не добро чуетъ мое сердце; — а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобъ не остудить ихъ“.

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть. X

Какъ дѣлаютъ воздушные шары. (Разсужденіе.)

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, — то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно также, если кипятить чугунокъ воды, — то на днѣ надъ огнемъ вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется немножко водянаго газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ на верхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая; тогда вода *кипитъ*.

Такъ же, какъ изъ воды выскакиваютъ на верхъ пузыри надутые летучею водою, потому что они легче воды, — такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь надутый газомъ — *водородомъ*, или горячимъ воздухомъ, — потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху, и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ воздуха того, который тяжеле водорода. А когда выскочитъ на верхъ въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ; и въ горлышкѣ придѣлаютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы — братья Монгольфьеры выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку, и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ

лодочку, и въ лодочку сѣлъ человекъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду: полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали наполнять шары водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шару, подвязываютъ подъ него лодочку, и въ эту лодочку садятся по двое, по трое, и даже по восьми человекъ и берутъ съ собою питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься когда хочешь, въ шару сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать, и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется, и, кто летитъ, захочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ, — газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того на шару всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче, и онъ пойдетъ вверхъ. Если, кто летитъ, захочетъ спуститься и видитъ, что въ низу не ладно, — или рѣка, или лѣсъ, — то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

Разсказъ аэронавта.

Народъ собрался смотрѣть на то, какъ я полечу. Шаръ былъ готовъ. Онъ подрагивалъ, рвался вверхъ на четырехъ канатахъ и то морщился, то надувался. Я простился съ своими, сѣлъ въ лодку, осмотрѣлъ, всѣ ли мои припасы были по мѣстамъ, и закричалъ: „пускай!“ Канаты подрѣзали, и шаръ поднялся вверхъ сначала тихо, — какъ жеребецъ сорвался съ привязи и оглядывался, — и вдругъ дернулъ вверхъ и полетѣлъ такъ, что дрогнула и закачалась лодка. Внизу захлопали въ ладоши, закричали и замахали платками и шляпами. Я взмахнулъ имъ шляпой, и не успѣлъ опять надѣть её, какъ ужъ я былъ такъ высоко, что съ трудомъ могъ разобратъ людей. Первую минуту мнѣ стало жутко, и морозъ пробѣжалъ по жиламъ; но потомъ вдругъ такъ стало весело на душѣ, что я забылъ бояться. Мнѣ ужъ чуть слышенъ былъ шумъ въ городѣ. Какъ пчелы шумѣлъ народъ внизу. Улицы, дома, рѣка, сады въ городѣ виднѣлись мнѣ внизу какъ на картинкѣ. Мнѣ казалось, что я царь надъ всѣмъ городомъ и народомъ, — такъ мнѣ весело было на верху.

Я шибко поднимался вверхъ, — только подрагивали веревки въ лодкѣ, да разъ налетѣлъ на меня вѣтеръ, перевернулъ меня два раза на мѣстѣ; но потомъ опять не слышать было, лечу ли я, или стою на мѣстѣ. Я только потому замѣчалъ, что лечу вверхъ, что все меньше и меньше становилась подо мной картинка города, и дальше становилось видно. Земля точно росла подо мной, становилась шире и шире, и вдругъ я замѣтилъ, что земля подо мной стала какъ чашка. Края были выпуклые, — на двѣ чашки былъ городъ. Мнѣ веселѣе и веселѣе становилось. Весело и легко было дышать и хотѣлось пить. Я запѣлъ; но голосъ мой былъ такой слабый, что я удивился и испугался своему голосу.

Солнце еще стояло высоко, но на закатѣ тянулась туча, — и вдругъ она закрыла солнце. Мнѣ опять стало жутко, и я, чтобъ заняться чѣмъ нибудь, досталъ барометръ и посмотрѣлъ на него, и по немъ узналъ, что я поднялся уже на 4 версты. Когда я клалъ на мѣсто барометръ, что-то затрепыхалось около меня, и я увидалъ голубкѣ. Я вспомнилъ, что взялъ голубкѣ затѣмъ, чтобы спустить его съ записочкой внизъ. Я написалъ на бумажкѣ, что я живъ и здоровъ, на 4-хъ верстахъ высоты, и привязалъ бумажку къ шеѣ голубя. Голубь сидѣлъ на краю лодки и смотрѣлъ на меня своими красноватыми глазами. Мнѣ казалось, что онъ просилъ меня, чтобы я не сталкивалъ его. Съ тѣхъ поръ какъ стало пасмурно, внизу ничего не было видно. Но нечего дѣлать, надо было послать внизъ голубя. Онъ дрожалъ всѣми перушками, когда я взялъ его въ руку. Я отвелъ руку и бросилъ его. Онъ, часто махая крыльями, полетѣлъ бокомъ какъ камень книзу. Я посмотрѣлъ на барометръ. Теперь я уже былъ на пять верстъ надъ землею и чувствовалъ, что мнѣ воздуха мало, и я часто сталъ дышать. Я потянулъ за веревку, чтобы выпустить газъ и спускаться, но ослабѣлъ ли я, или сломалось что-нибудь — клапанъ не открывался. Я обмеръ. Мнѣ не слышать было, чтобы я поднимался, — ничто не шевелилось; но дышать мнѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. „Если я не остановлю шаръ“, подумалъ я, „то онъ лопнетъ и я пропаду“. Чтобы узнать, поднимаюсь ли я или стою на мѣстѣ, — я выбросилъ бумажку изъ лодки. Бумажки точно камни летѣли книзу. Значитъ я какъ стрѣла летѣлъ вверхъ. Я изо всѣхъ силъ ухватился за веревку и потянулъ. Слава Богу — клапанъ открылся,

засвистало что-то. Я выбросилъ еще бумажку — бумажка полетѣла около меня и поднялась. Значитъ я опускался. Внизу все еще ничего не было видно. Только какъ море тумана разстилалось подо мной. Я спустился въ туманъ. Это были тучи. Потомъ подулъ вѣтеръ, понесъ меня куда-то и скоро выглянуло солнце, и я увидалъ подъ собой опять чашку земли. Но не было нашего города, а какіе-то лѣса и двѣ синія полосы — рѣки. Опять мнѣ стало радостно на душѣ и не хотѣлось спускаться; но вдругъ что-то зашумѣло подлѣ меня, и я увидѣлъ орла.

Онъ удивленными глазами поглядѣлъ на меня и остановился на крыльяхъ. Я какъ камень летѣлъ внизъ. Я сталъ скидывать баластъ, чтобъ задержаться.

Скоро мнѣ стали видны поля, лѣсъ, и у лѣса деревня, и къ деревнѣ идетъ стадо. Я слышалъ голоса народа и стада. Шаръ мой спускался тихо. Меня увидали. Я закричалъ и бросилъ имъ веревки. Сбѣжался народъ. Я видѣлъ, какъ мальчикъ первый поймалъ веревку. Другіе подхватили, прикрутили шаръ къ дереву и я вышелъ. Я леталъ только 3 часа. Деревня эта была за 250 верстъ отъ моего города.

× Корова и козель. (Басня.)

У старухи была корова и козель. Корова и козель вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала коровѣ и приговаривала: „да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, только стой смирно“.

На другой вечеръ козель впередъ коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ; но козель стоялъ не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба коровѣ, чтобъ стояла смирно. Старуха видитъ, что козель не прониимается, взяла палку и прибила его.

Когда козель отошелъ, старуха опять стала кормить корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

„Нѣтъ въ людяхъ правды!“ подумалъ козель. „Я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили“.

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

× Воронъ и воронята. (Басня.)

Воронъ свилъ себѣ гнѣздо на островѣ, и когда воронята вывелись, онъ сталъ ихъ переносить съ острова на землю. Сперва онъ взялъ въ когти одного вороненка и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда старый воронъ вылетѣлъ на средину моря, онъ уморился, сталъ рѣже махать крыльями и подумалъ: теперь я силенъ, а онъ слабъ, — я перенесу его черезъ море; а когда онъ станетъ великъ и силенъ, а я стану слабъ отъ старости, вспомнить-ли онъ мои труды и будетъ-ли переносить меня съ мѣста на мѣсто? И старый воронъ спросилъ вороненка: „Когда я буду слабъ, а ты будешь силенъ, будешь-ли ты носить меня? Говори мнѣ правду!“ Вороненокъ боялся, что отецъ броситъ его въ море, и сказалъ: „буду“. Но старый воронъ не повѣрилъ сыну и выпустилъ вороненка изъ когтей. Вороненокъ какъ комокъ упалъ книзу и потонулъ въ морѣ. Старый воронъ одинъ полетѣлъ черезъ море назадъ на свой островъ. Потомъ старый воронъ взялъ другаго вороненка и также понёсъ его черезъ море. Опять онъ уморился на срединѣ моря и спросилъ сына — будетъ-ли онъ его въ старости переносить съ мѣста на мѣсто? Сынъ испугался, чтобы отецъ не бросилъ его, и сказалъ: „буду“.

Отецъ не повѣрилъ и этому сыну, и бросилъ его въ море. Когда старый воронъ прилетѣлъ назадъ къ своему гнѣзду, у него оставался одинъ вороненокъ. Онъ взялъ послѣдняго сына и полетѣлъ съ нимъ черезъ море. Когда онъ вылетѣлъ на средину моря и уморился, онъ спросилъ: „будешь-ли ты въ моей старости кормить меня и переносить съ мѣста на мѣсто?“ Вороненокъ сказалъ: „нѣтъ, не буду“. „Отъ чего?“ спросилъ

отецъ. „Когда ты будешь старъ, а я буду большой, у меня будетъ свое гнѣздо и свои воронята, и я буду кормить и носить своихъ дѣтей“. Тогда старый воронъ подумалъ: онъ правду сказалъ: за то потружусь и перенесу его за море. И старый воронъ не выпустилъ вороненка, а изъ послѣднихъ силъ замалхалъ крыльями и перенесъ на землю, чтобы онъ свилъ себѣ гнѣздо и вывелъ дѣтей.

Солнце—тепло. (Разсужденіе.)

Выйди зимой въ тихій, морозный день въ поле или въ лѣсъ, и посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣчки замерзли, сухія травы торчатъ изъ-подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣчки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ свистать, поютъ; мухи, комары вьются, жужжатъ; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозъ чугуна съ водой, — онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ въ огонь: станетъ лёдъ трескаться таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть, — загудитъ, завертится. Тоже дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла — все мертво; есть тепло — все движется и живетъ. Мало тепла мало движенья; больше тепла — больше движенья; много тепла — много движенья очень много тепла — и очень много движенья.

Откуда берется тепло на свѣтѣ? Тепло отъ солнца. Ходитъ солнце низко зимой, стороною, не упираетъ лучами въ землю, — и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами, станетъ свѣтитъ въ припоръ къ землѣ, — отогрѣется все на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать лёдъ на рѣкахъ, полетится вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака, пойдетъ дождь. Кто все это сдѣлаетъ? Солнце. Оттаютъ сѣмечки, выпустятъ ростки, зацѣплятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчѣлы; выведутся комары, выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ? Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ, подыметъ, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе, — станетъ вѣтеръ. Кто это сдѣлалъ? Солнце.

Поднимутся облака, станутъ сходитьсь и расходиться — ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь? Солнце.

Выростутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, питаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугуны, города. Кто все приготовилъ? Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ? Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ; деревья выросло солнце.

Топится печка дровами. Кто выростилъ дрова? Солнце.

Есть человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто выростилъ? Солнце. Есть человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ? Травы. А травы выросло солнце.

Человѣкъ строить каменный домъ изъ кирпича и известки. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что людямъ нужно, что идетъ прямо на пользу. — все это заготавливается солнцемъ, и во все идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣтъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много тепла. Кто закупить дровъ на зиму, тотъ закупить солнечнаго тепла; и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и выпуститъ тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то-есть и движенье. Какое ни на есть движенье — все отъ тепла; — либо прямо отъ солнечнаго тепла,

либо отъ тепла того, которое заготовило солнце: въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ, — что ихъ двигаетъ? Тепло. А откуда они взяли тепло? Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтряныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ? Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ? Тепло-же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ, — ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ? Дрова. — А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движенье, а изъ движенья тепло. И тепло и движенье отъ солнца.

Отчего зло на свѣтѣ. (Басня.)

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собою и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались почевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать — отъ чего зло бываетъ на свѣтѣ?

Воронъ сказалъ: „Зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь въ волю, сядешь себѣ на сукъ покаркиваешь — все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станеть, что и не смотрѣлъ бы на свѣтѣ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто, и нѣтъ тебѣ покоя. А завидишь мясо, такъ еще тошнѣе сдѣлается, такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода“.

Голубь сказалъ: „А по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы мы жили по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живѣмъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ

тебѣ покоя — все объ ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ со-всѣмъ пропадешь, — все думаешь: какъ бы ястребъ не унесъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду, — либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь, да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви“.

Змѣя сказала: „Нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы, — намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься, — тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь, только шипишь да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Уже никого не жалѣешь — отца и мать закусаетъ. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости.“

Олень сказалъ: „Нѣтъ, не отъ злости, и не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большаго уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрусни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочеть, и летишь, что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепетаетъ, или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь — звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки, — набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда и съ размаху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха“.

Тогда пустынникъ сказалъ:

— Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злости, не отъ страха всѣ наши мученья, — а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ.

Гальванизмъ. (Разсужденіе.)

Былъ одинъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что такое электричество. Онъ натиралъ трѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шпичку укрѣпленную въ стеклѣ, — и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шпичку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра отъ сургуча и отъ янтара. Показывалъ, какъ перушки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отчего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ, и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ её лѣчить? Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столъ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ электрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталъ присматриваться и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнуть ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ, что какъ пуститъ искру, такъ мертвыя лягушки станутъ какъ живыя шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не отъ того ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытаться, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ

подъ желѣзныя жолобы. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ, и они начнутъ шевелиться.

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились. Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да снимаючи тронулъ лягушечьей ногой объ жолобъ, — и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу, — и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что все животныя живы только отъ того, что въ нихъ электричество, и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо и отъ этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и все повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый, Вольта, сталъ пробовать по своему и показалъ все, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальвани, не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзной проволокой — а либо мѣдной проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзной съ желѣзнымъ крючкомъ, — и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзной проволокой связанной съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведешь вмѣстѣ желѣзо и мѣдь, — такъ и дѣлается электричество; а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталъ пробовать — какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали. Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе металлы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ: серебра, платины, цинка, олова, желѣза — онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости — воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что ужъ не нужно — какъ прежде дѣлали — те-

реть, чтобы было электричество; а стоит только положить въ одну чашку кусковъ разнаго металла и налить жидкостей — и въ этой чашкѣ будетъ электричество, и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрической, и придумали электричествомъ на дальнемъ разстоянн съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проводкѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ въ землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проводкѣ; такъ что электричество между двухъ мѣстъ не переставая ходить кругомъ, какъ въ кольцѣ, — по проводкѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проводкѣ, и опять по землѣ. Если по проводкѣ пустить электричество и проволокой этой обмотать кусокъ желѣза, то желѣзо это сдѣлается магнитомъ и будетъ къ себѣ притягивать другое желѣзо.

Телеграфы дѣлаютъ такъ: пустятъ электричество по проводкѣ, и проволокой этой обматываютъ желѣзный столбикъ. А надъ столбикомъ придѣланъ на перевѣсѣ желѣзный молоточекъ. И пока электричество ходитъ по проводкѣ, желѣзный столбикъ, обматанный проволокой, притягиваетъ къ себѣ молоточекъ. Какъ только на другомъ концѣ — хоть за 100 верстъ разведутъ концы проволоки врозь, электричество перестаетъ ходить кругомъ и желѣзный столбикъ, перестаетъ быть магнитомъ и молоточекъ отъ него отпадаетъ. Какъ сведутъ опять концы, такъ молоточекъ притягивается. И такъ можно съ одной станціи на другую постукивать молоточкомъ. И по этимъ стукамъ уговорены знаки.

Мужикъ и Водяной. (Басня.)

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку; съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхаль, пожалѣль мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ: „твой это топоръ?“

Мужикъ говоритъ: „нѣтъ, не мой“.

Водяной вынесъ другой, серебряный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ — „не мой топоръ“.

Тогда Водяной вынесъ настоящій топоръ.

Мужикъ говоритъ: „вотъ это мой топоръ“.

Водяной подарилъ мужику веѣ три топора за его правду.

Дома мужикъ показалъ товарищамъ топоры, и рассказалъ, что съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумаль то-же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакаль.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: „твой это топоръ?“

Мужикъ обрадовался и закричалъ: „мой, мой!“

Водяной не далъ ему золотого топора, и его собственнаго назадъ не отдалъ, — за его неправду.

Воронъ и Лисица. (Басня.)

Воронъ добыль мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось лисицѣ мяса. Она подошла и говоритъ:

— Эхъ, воронъ, какъ посмотрю на тебя, — по твоему росту, да красотѣ, только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бы у тебя голосъ былъ.

Воронъ разинуль ротъ и заораль, что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила и говоритъ:

— Ахъ воронъ! коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ.

Кавказскій плѣнникъ. (Быль.)

1.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха-мать: „стара я ужъ стала, и хочется передъ смертью пови-дять любимаго сына. Приѣзжай со мной проститься, похоро-ни, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ и невѣсту приискала: и умная, и хорошая, и имѣнье есть. Полюбится тебѣ—можетъ и женишься и совѣмъ останешься“

Жилинъ и раздумался: „И въ самомъ дѣлѣ: плоха ужъ ста-руха стала; можетъ и не придется увидать. Поѣхать; а если невѣста хороша — и жениться можно“.

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости — татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпо-сти въ крѣпость ходили провожатые солдаты. Спереди и сза-ди идутъ солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо; то солдаты оста-новятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочить, или лошадь станеть, и всѣ стоятъ — ждутъ.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печеть, и укрыть-ся негдѣ. Голая степь; ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока по-дойдетъ обозъ. Слышитъ сзади на рожкѣ заиграли, — опять стоять. Жилинъ и подумалъ: „А не уѣхать ли одному, безъ солдатъ? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на та-таръ — ускачу. Или не ѣздить!...“

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на ло-шади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говорить:

— „Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми“. А Костылинъ — муж-чина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говорить:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ — не разѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью, разго-вариваютъ, да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье. Жилинъ и говорить:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть, — а то тутъ, пожалуй выскочатъ изъ горы и не увидишь.

А Костылинъ говорить:

— „Что смотрѣть? поѣдемъ впередъ“. Жилинъ не послу-шалъ его.

— Нѣтъ, говорить, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь на лѣво, на гору. Лошадь подъ Жили-нымъ была охотничья (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ, и самъ выѣздивъ); какъ на крыльяхъ взнесла его на кручъ. Только выскакалъ, глядь, — а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами. Че-ловѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку вых-ватаваютъ ружья изъ чухловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручъ во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— „Вынимай ружье!“ — а самъ думаетъ на лошадь на свою: „матушка, вынеси, не зацѣпись ногой, спотыкнешься — пропаль. Доберусь до ружья, я и самъ не дамся“.

А Костылинъ, замѣсто того, чтобы подождать, только увидалъ татаръ, — закатился что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другаго. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ — дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одной пашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ къ солдатамъ — думалъ уйти. Видитъ, ему на перерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерѣзъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь, не удержитъ, прямо на нихъ летитъ. Видитъ — близится къ нему съ красной бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье на готовѣ.

— Ну, думаетъ Жилинъ, знаю васъ чертей, если живаго возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ пашку, пустил лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: „Либо лошадейю сомну, либо срублю пашкой“.

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ, выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь о землю со всего маху, — навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужъ на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ, — да еще соскакали съ коней троѣ на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Пашку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь. Она сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами, — до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная, — на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать. Она все бьется, — онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвищетъ изъ горла, трепенулась и паръ вонь.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Съѣлъ татаринъ съ красной бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло; а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татаринкомъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собою здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, — да бритый затылокъ изъ подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломить.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣчку, выѣхали на дорогу и поѣхали ложиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, — да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку; стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки. Приѣхали въ аулъ*). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзные кольца насажены, и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай; толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ. Полежалъ, ошупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

*) Аулъ — татарская деревня.

Почти всю эту ночь не спал Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ — въ шелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, распалъ шелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ шелки дорога — подъ гору идетъ, на право сакля татарская, два дерева подлѣ ней. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ — хвостиками подергиваютъ. Видитъ — изъ подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго въ одной рубашкѣ. Проглянула татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красной бородой, въ бешметѣ въ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадахъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ шелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь, — только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хотъ бы пришли провѣдать. Слышитъ — отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черноватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка маленькая подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то точно ругается и сталъ; облокотился на притолку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ изъ подлобья косится на Жилина. А черноватый, — быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ, — подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: корошо урусъ! корошо урусъ!

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: „пить, воды пить дайте“.

Черный смѣется. „Корошъ урусъ“, — все не по своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобъ пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: Дина!“

Прибѣжала дѣвочка — тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже — глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась такъ, что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, — какъ на звѣря какого.

Подаль ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба преснаго на дощечкѣ круглой, и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ — смотритъ.

Ушли татары, заперли опять дверь. Погода немного приходитъ къ Жилину ногаецъ и говорить:

— „Ай-да, хозяинъ, ай-да!“

Тоже не знаетъ по русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ идти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя, такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за погайцемъ. Видитъ — деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя, съ башенькой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобъ къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Къ передней стѣнѣ пуховики пѣстрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки—все въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой доскѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское — буза, въ кувшинкѣ. Ъдятъ руками и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на коверъ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ: смотреть, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ; голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки,

сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по своему. Потомъ одинъ изъ гостей татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по русски:

— „Тебя“, говорить, взялъ „Кази-Мугамедъ“, — самъ показываетъ на краснаго татарина, „и отдалъ тебя Абдуль-Мурату“, — показываетъ на черноватаго. — „Абдуль-Муратъ теперь твой хозяинъ“. — Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдуль-Муратъ, и все показываетъ на Жилина, и смѣется и приговариваетъ: „солдатъ урусъ, корошо урусъ“. Переводчикъ говоритъ: „онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобъ за тебя выкупъ прислалъ. Какъ приплють деньги, онъ тебя пуститъ“.

Жилинъ подумалъ и говоритъ: „а много ли онъ хочетъ выкупа?“

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— „Нѣтъ“, говоритъ Жилинъ, „я этого заплатить не могу“.

Вскочилъ Абдуль, началъ руками махать, что-то говорить Жилину — все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: „Сколько же ты дашь?“ Жилинъ подумалъ и говоритъ: 500 рублей. Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдуль кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится, да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ говоритъ:

— Хозяину выкупу мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

„Эхъ“, думаетъ Жилинъ, „съ ними что робѣть, то хуже“. Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копѣйки-жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказаль — переводчикъ, опять заговорили всѣ вдругъ. Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину:

— „Урусъ“, говорить, „джигить, джигить Урусъ!“

Джигить по ихнему значить „молодецъ“. И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говорить:

— Тысячу рублей дай.

Жилинъ сталъ на своемъ: — „Больше 500 рублей не дамъ. А убьете, — ничего не возьмете“.

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человекъ какой-то, толстый, босикомъ и ободранный; на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ, — узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они рассказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрять. Рассказаль Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ рассказаль, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось, и что этотъ самый Абдуль нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдуль, показываетъ на Костылина, что-то говорить. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустить.

— „Вотъ“, говорить Жилину, „ты все серчаешь, а товарищъ твой смиренный; онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо, и обижать не будутъ“.

Жилинъ и говорить:

— Товарищъ какъ хочетъ; онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я, говорить, какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите — убивайте, — пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ какъ вскочить Абдуль, досталь сундукъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: „пиши“. Согласился на 500 рублей.

— „Погоди еще“, говорить Жилинъ переводчику, „скажи ты ему, чтобъ онъ насъ кормить хорошо, одѣль-обуль какъ

слѣдуетъ „чтобъ держаль вмѣстѣ, — намъ веселѣй будетъ, и чтобы колодку снялъ“. Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говорить.

— „Одежду самую лучшую дамъ: и черкеску и сапоги, хоть жениться. Кормить буду какъ князей. А коли хотять жить вмѣстѣ — пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять — уйдутъ. На ночь только снимать буду“. Подскачилъ, треплетъ по плечу. — „Твоя хороша, моя хороша!“

Написаль Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ, — чтобы не дошло. Самъ думаетъ: „я уйду“.

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ туда соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно — съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

3.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется. — „Твоя, Иванъ, хороша, — моя, Абдуль, хороша“. А кормилъ плохо, — только и давалъ, что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучаль. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другаго не писалъ.

— „Гдѣ“, думаетъ, „матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что я посылаю ей. Если ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ. Богъ дастъ — и самъ выберусь“.

А самъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ, или изъ глины куколь лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

и слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу.

Пошли татары за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотря, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ, что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ доскутками красными убрала и качаетъ какъ ребенка, сама по своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше, — отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

„Чего она радуется?“ думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко, — „хорошо“ говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— „Хорошо, Иванъ, хорошо!“ — и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя, и сушатъ ихъ на крышахъ, — такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то, разъ рѣзалъ хозяинъ барана, — такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Бросить и убѣжить.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый какъ изъ ведра лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ, какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколь придѣлалъ.

Принесли ему дѣвочки доскутковъ, — одѣлъ онъ куколь; одна — мужикъ, другая — баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы; и татары пришли, языкомъ шелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ шелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, почию.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ: опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ, принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать, взялъ, — и то годится покрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать; кто замок на ружьё или пистолетъ починить принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпалочекъ.

Заболѣлъ разъ татаринъ, пришли къ Жилину: „поди, полѣчи“. Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: „авось поздоровѣетъ самъ“. Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастье татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по ихнему. И которые татары привыкли къ нему, — когда нужно кличутъ: Иванъ, Иванъ; а которые все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, намурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ. Жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ подъ горы. Видалъ его Жилинъ только, когда онъ въ мечеть приходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены, — бѣлые, какъ пухъ; а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ, — только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подь гору — посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ — садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды — черешни, шептала и избушка съ плоской крышкой. Подошелъ онъ поближе видитъ — ульи стоятъ плетеные изъ соломы и, пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся — какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолеть, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ!

— „Я“, говоритъ, „ему худаго не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотреть, какъ онъ живетъ“. Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего, — но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ? Хозяинъ и говоритъ:

— „Это большой человекъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку — Богу молиться. Отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется Хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить, — я за тебя деньги заплатилъ; да я, тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ“. Смѣется, самъ приговариваетъ по русски: „твоя, Иванъ, хороша — моя, Абдуль хороша!“,

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяць. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, — такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было копать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣнной дыру, что въ пору пролѣзть. „Только бы“, думаетъ, мнѣ „мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары“.

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ на гору, — хотѣлъ оттуда мѣсто посмотреть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду, — только на ту гору поднимусь: мнѣ траву нужно найти, — вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору — не далеко, а съ колодкой трудно; шель-шель, насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ видѣнъ. Отъ аула другая гора — еще круче; а за той горой еще гора. Промежъ горъ лѣсъ синѣется, а тамъ еще горы — все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ, — бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ — все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. Ну думаетъ: это все ихняя сторона. Сталъ смотрѣть въ русскую сторону: — подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ, какъ куклы маленькія, видно, — бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора, и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ, далеко-далеко, точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ

вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ — тамъ точно, въ этой долигѣ должна быть наша крѣпость. Туда, промежь этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговья горы изъ бѣлыхъ — алыя; въ черныхъ горахъ потемнѣло: изъ дощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, — какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться, — маячить что-то въ долигѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ думается ему, что это самое — крѣпость русская.

Ужь поздно стало. Слышно — мулла прокричалъ. Стадо гонять — коровы ревуть. Малый все зоветъ: „пойдемъ“, а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. „Ну, думаетъ Жилинъ, теперь мѣсто знаю, надо бѣжать“. Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя, — ущербъ мѣсяца. На бѣду — къ вечеру вернулись татары. Бывало, прїѣзжаютъ они — гонять съ собою скотину и прїѣзжаютъ веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали, и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Прїѣхали сердитые, собрались все хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотреть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, сложили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ.

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднявъ голову мулла и говоритъ:

— Алла! (значить Богъ). Сказалъ это одно слово, — и опять потупились и долго молчали; сидятъ, не шевелятся. Опять поднявъ голову мулла:

— „Алла!“ и все проговорили: „Алла!“ — и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ, не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно, на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, все встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принес-

ли къ ямѣ. Яма вырыта не простая, а подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидья подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго, заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сравняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— „Алла! Алла! Алла!“ Вздохнули и встали.

Раздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ — ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава, — ручици здоровыя, — вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ. Задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать — кулачищами шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поѣхали человекъ 10-ть, и красный поѣхалъ: только Абдулъ дома остался. Мѣсяць только народился, ночи еще темныя были.

— „Ну“, думаетъ Жилинъ, „нынче бѣжать надо“, и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какже бѣжать? — мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ — въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Чтожь ты будешь сидѣть? Хорошо пришлютъ денегъ,

а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые, за то что ихняго русскіе убили. Поговариваютъ — насъ убить хотятъ.

Подумаль-подумаль Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

5.

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопаль пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они, — ждутъ чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подь стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: „полѣзай“. Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была — пестрая собака. И злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхаль Уляшинъ, — забрехаль и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свиснулъ, кинулъ лепешки кусокъ, — Уляшинъ узналъ, замахаль хвостомъ и пересталь брехать.

Хозяинъ услыхаль, загайкаль изъ сакли: „гаить! гайть, Уляшинъ!“

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно — овца перхаетъ въ закутѣ, да низомъ вода по камушкамъ шумить. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ покраснѣлся, кверху рожками заходить. Въ лощинахъ туманъ какъ молоко бѣлѣтся.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: ну, братъ, айда!

Тронулись; только отошли, слышать, — зацѣлъ мулла на крышѣ: „Алла! Бесмилла! Ильрахманъ!“ Значить — поидетъ народъ въ мечеть. Съли опять, притаившись подь стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— „Ну, съ Богомъ!“ Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подь кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой, да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ

какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги не ловки, — стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камушка на камушекъ, да на звѣзды поглядываетъ. Сталь Костылинъ отставать.

— Тише, говорить, иди; сапоги проклятые — всѣ ноги стерли.

— Да тыними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ, — еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ, и все отстаеъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь — заживутъ, а догонять — убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышать — вправо собаки забрехали, Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупаль.

— Эхъ, говорить, ошиблись мы, — вправо забрали. Тутъ аулъ чужой — я его съ горы видѣлъ; назадъ надо, да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, — у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ, и влѣво въ гору, въ лѣсъ. Костылинъ все отстаеъ и охаеъ. Жилинъ шикнетъ-шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть — лѣсъ. Вошли въ лѣсъ, — по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— „Стой!“ Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало какъ лошадь и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ, — стоитъ что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на чловѣка не похоже. Фыркнуло — слышитъ. „Что за чудо!“ Свиснулъ Жилинъ потихоньку, — какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу, — точно буря летитъ, сучья ломаеъ.

Костылинъ такъ и упаль со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь — какъ рогами лѣсъ ломить? Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра не далеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли, — не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли, и что до своихъ верстъ десять еще будетъ, — а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду, — у меня ноги не идутъ. Сталь его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ, говоритъ, не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду, — прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ, ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышатъ — впереди топаетъ лошадь. Слышно — подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталь по землѣ слушать.

— Такъ и есть, — сюда, къ намъ, конный ѣдетъ!

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ — верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычетъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ, — вставай, пойдемъ.

Сталь Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, — ей Богу не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны, — онъ и разсолодѣлъ. Сталь его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— „Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, — услышитъ“. А самъ думаетъ: „Онъ и вправду разслабъ: что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годится“.

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки, — снесу, коли ужъ идти не можешь.

Подсадилъ на себя Костылина, подхватилъ ругами подъ лажки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, — ноги тоже въ крови и уморился. Нагнется, подправитъ, подкиветъ, чтобъ повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ — ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ, — не попалъ, завизжалъ по своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

— „Ну“, говоритъ Жилинъ, „пропали, брать! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три — пропали.“ — А самъ думаетъ на Костылина: „И чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ“.

Костылинъ говоритъ: — Иди одинъ, за что тебѣ изъ-за меня пропадать.

— Нѣтъ, не пойду, не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ и не видать выхода. А туманъ ужъ расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали, не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ у дороги родничекъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говоритъ, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно быть недалеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ — затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышитъ голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравливаютъ. Слышатъ — трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собока чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары — тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три, — встрѣчаетъ ихъ Абдуль хозяинъ съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ.

Абдуль ужъ не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтъ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Одни говорятъ: — надо ихъ дальше въ горы услатъ, а старикъ говоритъ: „надо убить“. Абдуль споритъ; говоритъ: „я за нихъ деньги отдалъ; я за нихъ выкупъ возьму“. А старикъ говоритъ: „Ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить, — и кончено“.

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ заporю. А если затѣешь опять бѣжать, — я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвели за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пяти, — и спустили ихъ въ эту яму.

6.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинъ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ приунылъ, видитъ — дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выдраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ объ вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣнки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ вверхъ, — а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: „Не поможетъ ли Дина?“

Разчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколь, надѣлалъ людей, лошадей, собакъ, думаетъ: „какъ придетъ Дина, брошу ей“.

Только — на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ — затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались тагаы у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. Ислышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, адогадывается, что русскіе близко подошли, — и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то наверху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ ямой. Глазенки такъ и блестятъ какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ: — „Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На, вотъ!“ Сталъ ей швырять по одной. А она головой мотааетъ, не смотритъ. „Не надо“, говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ: „Иванъ! тебя убить хотятъ“. Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ, — ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотааетъ, — что „нельзя“. Онъ сложилъ руки: молился ей:

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— „Нельзя“, говоритъ, „увидятъ, всё дома“, и ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: „что будетъ?“ Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не восходилъ. Мулла прокричалъ, затихло все. Сталъ уже Жилинъ дремать, думаетъ: „побоится дѣвка“.

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; взглянулъ вверхъ — шесть длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ; — шесть здоровый. Онъ еще прежде этотъ шесть на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ, — звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самой ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ:

„Иванъ, Иванъ?“ А сама руками у лица все машеть, — что тише молъ“.

— Что? говоритъ Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говорить:

— Ну, Костылинъ, пойдёмъ, попытаемся послѣдній разъ; я тебя посажу.

Костылинъ и слушать не хочетъ.

— Нѣтъ, говорить, ужъ мнѣ видно отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

— „Ну, такъ прощай, — не поминай лихомъ“. Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шею, велѣлъ Динѣ держать, полѣзъ. Раза два онъ обрывался, — колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ, — выбрался кое-какъ на верхъ. Дина его тянетъ рученками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шею и говорить:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся, — прибьютъ тебя.

Потащила она шею, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень вострый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкій, — никакъ не собьеть, да и неловко. Слышитъ бѣжить кто-то съ горы, легко попрыгиваетъ. Думаетъ: „вѣрно опять Дина“. Прибѣжала Дина, взяла камень и говорить:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да ручки тонкія какъ прутики, — ничего силы нѣтъ. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ — на лѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. „Ну, думаетъ, до мѣсяца надо лошину пройти, до лѣсу добраться“. Поднялся, бросилъ камень. Хотѣвъ колодку — да надо идти.

— Прощай, говорить, Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина: шарить по немъ руками, ищетъ — куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— „Спасибо“, говорить, „умница. Кто тебѣ безъ меня куколь дѣлать будетъ?“ И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина, — закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ слышно — манисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодку, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ, — ногу волочить, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Пряникомъ идти верстѣ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку, — поблѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лошиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло и съ одной стороны лошины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и на право засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу, выбрался мѣсяцъ изъ-за горъ, — было, свѣтло совсѣмъ, какъ днемъ. На деревьяхъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ, какъ вымерло все. Только слышно внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу, — никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку сѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ, — ноги ломить. Ступитъ шаговъ десять и остановится. „Нечего дѣлать“, думаетъ, „буду тащиться пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ, — лягу въ лѣсу, переднюю, а ночью опять пойду“.

Всю ночь шолъ. Телько попались два татарина верхами, — да Жилинъ издалека ихъ услышалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. — „Ну, думаетъ, еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду“. Прошелъ 30 шаговъ, видитъ — лѣсъ кончается. Вышелъ на край — совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость, и на лѣво, близехонько подъ горой, — огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся — видитъ: ружья блестятъ, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: „избави Богъ, тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ; хоть близко, а не уйдешь“.

Только подумалъ — глядь: на лѣво, на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его, — пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы! выручай! братцы!

Услыхали наши, — выскочили казаки верховые. Пустились къ нему — на перерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣдней силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжить къ казакамъ, а самъ себя не помнить, крестится и кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!

Казаковъ человекъ 15-ть было.

Испугались татары, — не доѣзжаячи стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: „кто онъ, что за человекъ, откуда?“ А Жилинъ самъ себя не помнить, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы! братцы!

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говорить:

— Вотъ и домой съѣздить, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. А Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ. Еле живаго привезли.

Микулушка Селяниновичъ. (Стихи — Сказка.)

Выѣзжалъ-ли Вольга-свѣтъ съ дружиною

По селамъ-городамъ за получкою,

Съ мужиковъ выбирать дани-выходы;

Выѣзжалъ-ли, сударь, во чисто поле, —

Услыхалъ во чистомъ полѣ пахаря:

Слышно — пахнетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,

Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,

Сошнички по камнямъ, слышно чѣркаютъ, —

А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.

И поѣхалъ Вольга къ тому пахарю —

Цѣлый день ѣхалъ съ утра до вечера.

А наѣхать не могъ Вольга пахаря.

День другой ѣхалъ съ утра до вечера,

А наѣхать не могъ Вольга пахаря.

Слышно — пахнетъ мужикъ, да посвистыва(е)тъ,

Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,

Сошнички по камнямъ, слышно, чѣркаютъ, —

А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.

Третій день Вольга ѣхалъ до пабѣды —

Наѣзжаетъ Вольга въ полѣ пахаря:

Въ полѣ пахнетъ мужикъ, да понукива(е)тъ,

Съ края въ край онъ бороздку отвалива(е)тъ

Камни, корни сохой выворачива(е)тъ;

Какъ заѣдетъ мужикъ-отъ въ одинъ конецъ —

Со другаго конца не виднушко.

А у пахаря сошка кленовенька,

Сошники во той сошкѣ булатные,

Захлеснуты гужочки шелковеньки

А кобылка во сошкѣ соловенька.
Взговорить-ли Вольга́ тому пахарю:
„Гой мужикъ-пахарёкъ! Божья помощь тѣ, —
„Божья помощь пахать, да крестьянствовать,
Широку борозду отворачивать
„Да коренья, каменья вывертывать!“
Говорить-ли мужикъ таковы слова:
„А спасибо, Вольга́, — благодарствуемъ, —
„Божья помощь, подитка, намъ надобна,
„Божья помощь — пахать, да крестьянствовать.
„Самъ далеко-ль, ѣдешь, со дружинишкой?
„Далеко-ль Богъ несётъ, — куда путь держишь?
Взговорить-ли Вольга́ таковы слова:
„А я ѣду, мужикъ, съ дружинишкой
„По селамъ-городамъ за получкою —
Выбирать съ мужиковъ дани-выходы.
„Ай, пойдемъ со мной во товарищахъ!“
Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,
Онъ гужочки шелковы взялъ выстегнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ охлѣпью —
Со Вольгою поѣхалъ въ товарищахъ.
Говорить-ли мужикъ таковы слова:
— „А не ладно, Вольга́, я въ бороздочкѣ
„Свою сошку оставилъ не убранну:
„Какъ-бы сошка съ земельки повыдернуть,
„Съ сошничковъ какъ-бы землю повытряхнуть,
„А и бросить сошка за ракитовъ кустъ“
Посылалъ тутъ Вольга́ десять молодцевъ:
Велить сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велить землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ. —
Подѣзжали ко сошкѣ тѣ молодцы,
Соскочили въ бороздку съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовеньку,
Отъ земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи воеругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,

А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
А и шлетъ-ли Вольга́ всю дружинишку:
Велить сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велить землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинишка,
Разомъ бралась за сошку кленовую,
Только сошку за обжи воеругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подѣзжалъ тутъ мужикъ-деревенщина:
Онъ слѣзаль съ кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попѣхиваль,
Изъ земли онъ сошку выдергиваль,
Съ сошничковъ онъ земельку вытрѣхиваль,
Онъ палицей камлыжки соскрѣбываль
А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.
На добрыхъ коней сѣли, — поѣхали.
Выѣзжаютъ они на дороженьку —
Мужиковъ кобылка ходой идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцою пошла,
А Вольгинъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.
Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется, —
Во всю прыть Вольга́ ѣдетъ сугоною.
Мужику тутъ Вольга́ сталъ покрикивать,
Мужику колпакомъ сталъ помахивать:
„Ты, мужикъ-пахарёкъ, ты постой, пожди,
„За тобою, мужикъ, не угонишься“.
На Вольгу тутъ мужикъ приоглянулея“,
Сталъ кобылку свою укорачивать, —
И поѣхали шагомъ дорожкой.
Взговорить-ли Вольга́ таковы слова:
„У тебя-ли, мужикъ, лошадь добрая —
„Кабы лошадь твоя да конькомъ была, —
„За лошадку цѣна-бы пятьсотъ рублей“.
Говорить-ли мужикъ таковы слова:

„А и глушь ты, Вольга, глупо сказыва(е)шь

„Я кобылочку взялъ изъ подъ матери.

„За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;

„А конькомъ-бы была — ей и смѣты нѣтъ“

Взговорить ли Вольга таковы слова:

„А и какъ ты, мужикъ, звать по имени, —

„Величать тебя какъ по изотчеству!“

Говорить-ли мужикъ таковы слова:

— „А я ржи напашу, во скирды сложу,

„Домой выволоку, дома вымолочу,

„Да и пива сварю, мужиковъ сзову;

„И почнуть мужики тутъ покликивать:

„Гой Микула-свѣтъ, ты Микулушка,

„Свѣтъ-Микулушка, да Селяниновичъ!“

